

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Р. Г. ЛЯПУНОВА

ОЧЕРКИ
ПО ЭТНОГРАФИИ
АЛЕУТОВ

(конец XVIII—первая половина XIX в.)

Библиотека
Алеутского музея
им. Николая
Федорова
г. Алеуты
97/X 84

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1975

АКН 14
537/4

Книга представляет собою цикл очерков об алеутах — обитателях островов в северной части Тихого океана. Исследование это основано на изучении музейных коллекций, письменных источников и иллюстративного материала, собранных русскими в конце XVIII—первой половине XIX в. на Аляске и Алеутских островах.

Этнографические свидетельства наряду с привлекаемыми данными по археологии, антропологии и лингвистике служат материалом для выводов о происхождении алеутов, для освещения ряда вопросов эскимосско-алеутской проблемы, времени и путей заселения Американского Севера.

Работа рассчитана на этнографов, археологов, историков, а также преподавателей истории, краеведов.

Ответственный редактор
И. С. ВДОВИН

Редактор издательства
В. Т. Бочевер

Алеуты
23 VI '75.

Л 10602-528 125-75
042(02)-75

© Издательство «Наука», 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена традиционной культуре алеутов — народа, занимающего промежуточную территорию между Старым и Новым Светом. Этнографические материалы рассматриваются здесь как данные для изучения этногенеза этого народа. Поэтому собственно очеркам по этнографии предшествуют введение, характеризующее современное состояние проблемы происхождения алеутов, и глава об истории «алеутской проблемы». Этногенетические выводы содержат и отдельные очерки.

Одним из основных источников для исследования этнографии алеутов конца XVIII—первой половины XIX в. послужили богатейшие коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, собранные в тот период — период открытия и освоения русскими мореплавателями, землепроходцами и исследователями Алеутских островов.

Другими источниками сведений явились старые публикации и архивные материалы. Среди последних наибольшую ценность имеют материалы экспедиций второй половины XVIII в. на Алеутские острова, содержащие сведения о еще не затронутой колонизацией культуре алеутов. Это — «скаски» и «репорты» русских купцов и промысленников, отправлявшихся за пушниной на малоизвестные еще тогда Алеутские острова, материалы правительенных экспедиций 1765—1769 гг. (Креницына—Левашова) и 1785—1793 гг. (Биллингса—Сарычева), записки первого Главного правителя Русской Америки А. А. Баранова, относящиеся к 1790 г. Среди этих источников имеются и уже опубликованные и еще не опубликовавшиеся, извлеченные автором из архивов (АВПР, АГО, АЛОИИ, ЛОААН, ЦГАВМФ, ЦГАДА). Из более поздних неопубликованных архивных источников привлечены сведения из рукописей К. Т. Хлебникова, служащего Российско-Американской компании, «старожила и летописца Русской Америки» (AGO, АЛОИИ, ЛОААН), а также материалы из архива И. Г. Вознесенского (ЛОААН), занимавшегося сбором коллекций для музеев Акаде-

мии наук в Российской Америке и Северо-Восточной Азии в течение 10 лет (1839—1849 гг.).

Книга иллюстрирована материалами коллекций МАЭ, малоизвестными рисунками из изданий о ранних путешествиях на Алеутские острова и, наконец, публикуемыми впервые рисунками из архивных источников.

Рисунки для данной работы выполнены Т. Л. Юзепчук и А. С. Фатеевым.

Автор приносит благодарность работникам указанных выше архивов за содействие и помощь.

Автор выражает благодарность проф. В. С. Лафлину (США) за присылаемые труды и за проведенные во время пребывания его в СССР консультации.

Автор благодарит академика А. П. Окладникова, докторов исторических наук С. В. Иванова, Ю. П. Аверкиеву, Р. В. Кинжалова и доктора филологических наук Г. А. Меновщикова за консультации и ценные советы.

В В Е Д Е Н И Е

Коренные обитатели Алеутских островов — алеуты — относятся к единому кругу народов Севера Тихоокеанского бассейна и Американской Арктики, этническая история которых привлекает пристальное внимание современных исследователей. Наряду с вопросами о первоначальном заселении и дальнейшем формировании населения Северо-Восточной Азии и севера Американского материка она включает в себя и вопросы о древнейших контактах народов в этом районе, движении потоков населения из Азии в Америку и заселении Америки в целом. Все перечисленные вопросы содержат еще много невыясненных положений, связанных как со временем заселения, так и с процессом освоения данной области, с характером происходивших здесь миграций, определивших во многом этническую картину. Для освещения проблемы этнической истории этого района немаловажное значение имеет и решение вопроса о месте культуры алеутов среди культур указанного ареала, решение проблемы их этногенеза.

Этнографические данные о материальной культуре алеутов могут служить важным источником для изучения их этнической истории, наряду с археологическими, антропологическими и лингвистическими данными они могут помочь реконструировать этнические процессы, происходившие в далеком прошлом.

Особенность занимаемой алеутами территории — островной ее характер и промежуточное положение между Северо-Восточной Азией и Северо-Западной Америкой. Цепь Алеутских островов простирается выгнутой к югу дугой от п-ова Аляска почти до Камчатки, соединяя Северо-Западную Америку с Северо-Восточной Азией и отделяя Берингово море от Тихого океана. Она состоит из 110 крупных и множества мелких островов площадью 37 840 кв. км (рис. 1). В соответствии с историей открытия, географическими особенностями выделены четыре их группы. Рядом с Камчаткой — Ближние острова (Атту, Агатту, Семичи и др.). Дальше — Крысы острова (Кыска, Крысий, Амчитка, Семисо-

почный и др.). За Крысыми тянется цепь Андреяновских островов (Танага, Канага, Адак, Амля и др.). Следующие — Лисьи острова, самая большая группа, включающая и самые крупные острова цепи (Четырехсопочные, Уннак, Уналашка, Акутан, Унимак и др.).

Эти острова в основном вулканического происхождения, гористые, с потухшими и еще действующими вулканами и горячими источниками. Древесная растительность на них отсутствует, преобладающий ландшафт — тундровый. По климатическим условиям Алеутские острова относятся к области океанической тундры. Средняя зимняя температура здесь от 0 до +1°, средняя летняя от +6.4 до +9.3°. Сильные ветры, частые штормы и постоянные туманы дополняют суровую картину природы архипелага.

Однако эта негостеприимная на вид область была богата морским зверем (китами, ластоногими), рыбой (в том числе сезонной — заходящей в периоды переста в речки), морскими птицами (образующими на бесчисленных скалистых островах птичьи базары). Значительным источником средств существования являлась и приливно-отливная зона, изобиловавшая морскими беспозвоночными (иглокожими, моллюсками), водорослями. Здесь же находили выкидываемых на берег морских животных и рыб, а также древесину — плавник. С давних времен люди заселяли эти острова.

Первыми из европейцев, посетившими Алеутские острова и северо-западную часть Северной Америки (1741 г.), были участники Второй Камчатской экспедиции во главе с В. Берингом и А. И. Чириковым. Заслуга русских на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX в. — открытие, исследование и хозяйственное освоение Алеутских островов и северо-западной части Северной Америки (Аляски) в целом, а также первоначальное изучение народов этих территорий, являвшихся тогда российскими землями. С 1799 г. здесь развертывала свою деятельность Российско-Американская промышленная компания, вплоть до 1867 г., когда Аляска с Алеутскими островами были проданы Россией США.

Ко времени прихода русских Алеутские острова, особенно их восточная часть, были заселены довольно плотно и численность алеутов достигала 16—20 тыс.

По антропологическим и этнографическим особенностям алеуты разделяются на две группы: восточную и западную. Соответственно этому в языке алеутов существовали два диалекта: восточный, или уналашкинский (у алеутов Лисьих островов и п-ова Аляска); западный, или аттовский (у алеутов западной половины цепи). На границе этих двух диалектов существовал смешанный поддиалект, называемый аткинским. Восточная группа алеутов была многочисленней и превосходила западную более чем в два раза.

«Алеуты» — не самоназвание. Этот термин появился и утвер-

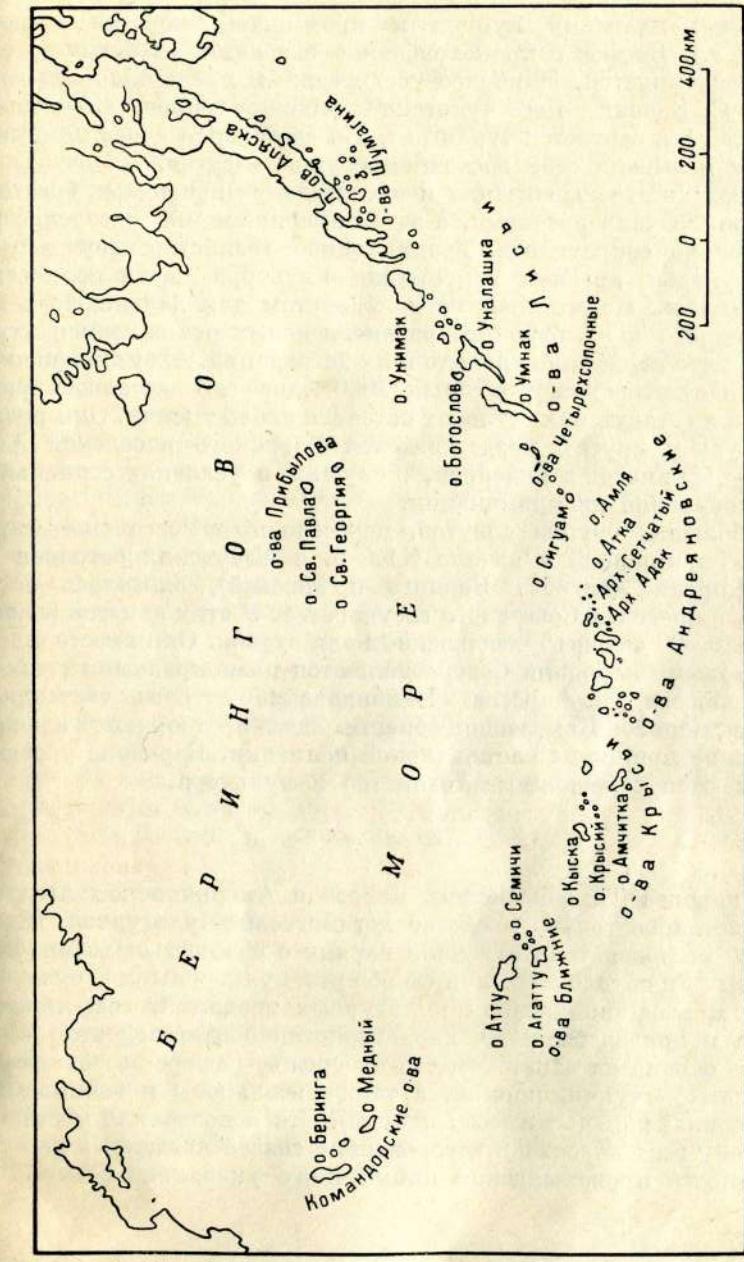

Рис. 1. Алеутские острова.

дился после первого (уже по возвращении экспедиции Беринга—Чирикова) плавания купцов и промышленников на острова (с 1747 г.). Вопрос о происхождении названия «алеуты» до сих пор дискутируется. Наиболее убедительным представляется мнение И. С. Вдовина о его чукотско-корякской основе.¹ Самоназванием алеутов считается «унанган». Но достоверно известно лишь, что так называла себя восточная группа алеутов.

В результате колонизации и эксплуатации природных богатств островов (сначала русскими, а затем американцами) население их значительно сократилось. Традиционное хозяйство алеутов пришло в упадок, древняя самобытная культура почти полностью разрушилась. Капитализм не дал алеутам для дальнейшего хозяйственного и культурного развития новых основ взамен утраченных, что неизбежно привело к их деградации. Алеутов к началу XX в. насчитывалось уже только 2000 человек. В настоящее время алеутов на Алеутских островах осталось около тысячи. Они разделяют судьбу других представителей коренного населения Америки — эскимосов и индейцев, живущих в условиях социальной и национальной дискриминации.

Небольшая группа алеутов, переселенных Российской-Американской компанией в начале XIX в. с Алеутских островов на Командорские (острова Беринга и Медный), оказалась после 1917 г. в пределах Советского государства. У этих алеутов (сейчас их около 400 человек) совершенно иная судьба. Они вместе с другими малыми народами Севера являются равноправными гражданами нашего государства. Командорские острова составляют Алеутский район Камчатской области. Здесь претворяются в жизнь ленинские принципы национальной политики. В районе успешно развиваются современные хозяйство и культура.

* * *

У народов Тихоокеанского Севера и Американской Арктики выявляется не только сходство хозяйственно-культурных типов. Многие исследователи отмечали наряду с общностью хозяйственной жизни и обусловленными ею общими культурными элементами также и сходство древних культурных традиций, антропологических и лингвистических характеристик обитателей этой части Тихого океана на азиатском его побережье (северо-восточные палеоазиаты — чукчи, коряки, а также ительмены и эскимосы) и на американском (эскимосы, алеуты). Это и позволило поставить проблему генетических и исторических связей названных народов и общности происхождения приморского уклада из жизни.

¹ Вдовин И. С. К вопросу о происхождении названия «алеут». — В кн.: Страны и народы Востока. В. 6. М., 1968, с. 101—105.

Но единой точки зрения на происхождение хозяйства морских охотников и рыболовов северной части Тихоокеанского бассейна еще нет. Не выяснен до конца и вопрос о тех миграциях, которые определили формирование народов этой области. Поэтому исследование ее древних культур и их соотношений, так же как этнографических материалов о народах, заселявших указанную область в засвидетельствованный историческими источниками период, привлекают сейчас самое пристальное внимание.

Значительно продвинули разработку вопроса о происхождении приморских культур Тихоокеанского Севера и Американской Арктики в последние десятилетия работы советских археологов на Камчатке, Охотском побережье, Сахалине, Курильских островах, Чукотке и в Якутии, а американских, канадских, датских и японских — на Аляске, Алеутских островах, в Канадской Арктике, Гренландии и Северной Японии.

В 1962 г. американским археологом Честером Чардом на основании суммирования археологических, антропологических, лингвистических исследований была сформулирована гипотеза, что тип приморского хозяйства севера Тихоокеанского бассейна связан с обобщенной эскимосской культурной традицией (а носители ее — с близким к эскимосскому антропологическим типом) и возник на юго-западе Аляски (в районе Бристольского залива) около 2000 лет до н. э. Отсюда он распространился на север к Берингову проливу до залива Пьюджет с одной стороны и на юг вдоль берегов Тихого океана до о. Хоккайдо — с другой, заложив основы для последующего культурного развития всей этой территории.²

Но эта гипотеза сталкивается в первую очередь с серьезными возражениями против единого центра цепи культур морских зверобоев от Японских островов до побережья Северо-Западной Америки.

Еще в 1958 г. М. Г. Левиным была высказана точка зрения о двух центрах формирования культур этого района. Ареалом первоначального расселения и формирования северо-восточных палеоазиатов была, по его мнению, северная часть Охотского побережья, охватывающая прибрежные районы как на материке, так и на Камчатке. А длительный и сложный процесс формирования эскимосов протекал в области, примыкающей к Берингову морю.³ Эта концепция была развернута Р. С. Васильевским на основании археологического изучения древнекорякской культуры северной части Охотского побережья. Он устанавливает, что при резком различии во всем решющим признаком между древнекорякской

² Ч а р д Ч. С. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана. — СЭ, 1962, № 5.

³ Л е в и н М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 225, 228, 302.

культурой и основными эскимосскими культурами Берингоморья обнаруживается сходство наиболее раннего древнекорякского костяного и каменного инвентаря с палеоэскимосскими культурами Юго-Западной Аляски (Качемак I у залива Кука, Кивак и Роллинг на о. Кадьяк), в том числе с культурой палеоалеутов. Он отмечает сходство между древнекорякской, охотской (имевшей распространение на севере о. Хоккайдо, Сахалине, Курилах) и палеоалеутской культурами и очерчивает единый круг культур морских зверобоев, охватывающий север Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова, Охотское побережье и побережье Юго-Западной Аляски. Эскимосские же культуры Северо-Восточной Азии, Северной и Северо-Западной Аляски определены им как отличные от культур этого круга и имевшие другой центр формирования — Юго-Западную Аляску.⁴

Таким образом, мы видим, что важную роль в освещении проблемы этнической истории Тихоокеанского Севера играет решение проблемы происхождения эскимосов, тесно связанной в свою очередь с проблемой этногенеза алеутов. Эти два народа находятся в наиболее близком родстве: по антропологическим признакам они выделяются в арктический тип — особый вариант тихоокеанской ветви монголоидной расы; язык алеутов и эскимосов составляет единую эскимосско-алеутскую семью языков; сходна во многом и их культура — еще до недавнего времени целый ряд исследователей рассматривал алеутов как тихоокеанскую группу эскимосов.

Эскимосская же проблема — сложная проблема происхождения эскимосов, их языка и культуры — имеет длительную (почти двухсотлетнюю) историю исследования и необычайно богатую литературу.⁵ Но до сих пор она содержит еще много неясных пунктов, касающихся как места формирования эскимосов, так и соотношения разбросанных на громадных пространствах их многочисленных культур. Еще далекими от решения на широком конкретном

⁴ Васильевский Р. С. 1) О первоначальном формировании древнекорякской культуры в северной части Охотского побережья. — В кн.: Вопросы истории социально-экономической жизни Сибири и Дальнего Востока. В. 1. Новосибирск, 1968, с. 312—320; 2) Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

⁵ Исторический обзор теорий, связанных с эскимосской проблемой, наиболее полно освещен в работах М. Г. Левина (Этническая антропология...), Л. А. Файнберга (Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964) и Ч. С. Чарда (Chard Ch. Arctic Anthropology in America. — In: Papers Presented on 1st Golden Anniversary. N. Y., 1967). См. также: Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947; Береговая Н. А. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки. — СЭ, 1948, № 4, с. 204—219; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969; Диков Н. Н. 1). Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969; 2) Чукотка от эпохи первобытнообщинных отношений до Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, с. 18—75.

материале (а не на единичных находках) являются вопросы исто-
ков, глубинных связей эскимосской культуры с родоначальными
палеолитическими культурами Азии.

Особое внимание привлекает сейчас вопрос о центре формиро-
вания эскимосов. И хотя все еще нет единства взглядов по поводу
конкретного района, но мнения исследователей уже сходятся
в том, что произошло это на местной основе. Существовавшие
длительное время миграционные теории происхождения эскимо-
сов сменились, особенно благодаря исследованиям М. Г. Левина
и Г. Ф. Дебеца, прочно утвердившейся в науке теорией о формиро-
вании эскимосов, их культуры и языка в областях, примыкаю-
щих к Берингову морю.

Многие исследователи видят центр их сформирования в Юго-
Западной Аляске. Подтверждением этого является в первую оче-
редь археологический материал. Раскопки, главным образом
послевоенных десятилетий, выделили Юго-Западную Аляску как
территорию с находками наиболее древних эскимосских культур.
Но еще в 1931 г. у залива Кука Ф. де Лагуной была открыта
древнеэскимосская культура Качемак I, датированная тогда
VIII в. до н. э.⁶ Более поздние ее стадии — Качемак II и III —
были обнаружены на побережье залива Принс-Вильям. Эта куль-
тура последовательно перешла в известную по этнографическим
данным культуру тихоокеанских эскимосов: чугачей и конягмиу-
тов. Самые же древние из выявленных культур этого района были
обнаружены В. С. Лафлинным. Вначале — культура многослойной
стоянки на о. Умнак — Чалука. Возраст ее нижних слоев был
определен в 2000 лет до н. э., а верхние слои показали переход
к культуре алеутов, которую застали пришедшие сюда в середине
XVIII в. русские.

Еще в 1952 г. Лафлин высказал предположение, получившее
признание большинства ученых, что культура нижних слоев
стоянки Чалука близка к протоэскимосоалеутской культуре или
даже составляет ее часть.⁷ Тогда же он обосновал и точку зрения
о Юго-Западной Аляске как месте формирования эскимосов, их
культуры и языка, поскольку именно эта территория была опре-
делена местом наибольшей концентрации населения, наибольшего
разнообразия диалектов, близких притом к алеутскому языку и
языку сибирских эскимосов. Важным аргументом явилось и то,
что этот район был и экологически наиболее благоприятным по
сравнению со смежными.

⁶ Датировка культуры Качемак I после находок Лафлинным более древ-
них стоянок и по сравнению с ними была пересмотрена автором и значи-
тельно углублена (L a g u n a F., de. Intemperate Reflections on Arctic and
Subarctic Archaeology. — In: Arctic Inst. North America. Technical Papers,
№ 11. Montreal, 1962).

⁷ Laughrin W. S. Contemporary Problems in the Anthropology
of Southern Alaska. — Science in Alaska, Washington, 1952.

Концепция о Юго-Западной Аляске как родине эскимосов развернута в работах Чарда, Лафлина и других американских авторов.

Но не все исследователи разделяют эту точку зрения. С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев считают, что местом формирования эскимосов были азиатский и американский берега Берингова пролива.⁸ Н. И. Диков выступает против поисков единого очага эскимосской культуры, указывая на возможность существования сложного культурного комплекса, сложившегося на севере (берега Берингова пролива) с середины I тыс. до н. э., и более древнего (II—I тыс. до н. э.), пришедшего с юга, со стороны Камчатки и Алеутских островов, а также на возможность возникновения некоторых эскимосских культур Канады и Гренландии на местной неолитической основе.⁹

Данные лингвистики подтверждают древнюю общность алеутов и эскимосов, но указывают они и возможное время расхождения этих народов. Так, в 50-х годах американский лингвист М. Свадеш, пользуясь созданным им методом глоттохронологического анализа, показал, что 4000 лет назадprotoэскимосский язык разделился на собственно эскимосский и алеутский. Причем язык алеутов сохранил больше черт protoэскимосского языка.¹⁰ Это же подтвердили работы Д. Гирша¹¹ и К. Бергсланда.¹²

Открытие В. С. Лафлинным значительно более древней, чем Чалука, стоянки на маленьком островке Анангугла, расположенным у юго-восточной оконечности о. Умнак, послужило основанием для выдвижения новой гипотезы относительно древности пребывания алеутов в Новом Свете и путей достижения ими этой территории. Материал стоянки Анангугла был датирован вначале VI тыс. до н. э. (8425 ± 275 , 7600 ± 300 , 7990 ± 230 лет), а впоследствии и более ранним временем. По геологическим же данным, ее возраст 10 000 лет до н. э.¹³ Культура этой стоянки была определена как развивавшаяся в направлении protoэскимосоалеутской. Все это позволило Лафлину выступить с гипотезой о большей древности protoэскимосоалеутов в Новом Свете (до 11 000 лет назад) и говорить об алеутах как о потомках древних наследников Берингии (служившей мостом для заселения Нового Света из Азии).

⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры...
⁹ Диков Н. И. Древние кости. . . , с. 155—158, 207—213.

¹⁰ Swadesh M., Marsh G. Eskimo-Aleut Correspondences. — IJAL, 1951, v. 17, № 4, p. 209—216; Swadesh M. Linguistic Relations Across Bering Strait. — AA, 1962, v. 64, № 6, p. 1262—1291.

¹¹ Hirsch D. Glottochronology and Eskimo-Aleut Prehistory. — IJAL, 1954, v. 56, № 5, p. 1.

¹² Bergsland K. Aleut Demonstration and the Aleut-Eskimo Relationship. — IJAL, v. 17, № 3, 1955, p. 167—179.

¹³ Black R. F., Laughlin W. S. Reports. Anangula: A Geological Interpretation of the Oldest Archeological Site in the Aleutians. — Science, 1964, v. 143, № 3612, p. 1321—1322.

Таким образом, если все прежние гипотезы отводили предкам эскимосо-алеутов в процессе заселения Америки самое позднее время (даже до рубежа нашей эры), то новые исследования позволили значительно отодвинуть вглубь эту дату. Эта гипотеза в наши дни получает все большее число доказательств и сторонников среди ученых. Находится она и в полном соответствии с современной гипотезой заселения человеком Американского континента.

Гипотеза заселения Америки базируется сейчас на данных геологических, палеогеографических и биогеографических исследований последних лет. Она обосновывает заселение человеком Американского материка из Азии в период до 38 000 лет назад, несколькими волнами по сухопутному мосту, существовавшему во время оледенений на месте Берингова пролива и части Берингова и Чукотского морей. Уровень моря в периоды оледенений опускался ниже современного — до 150 м, а в межледниковые поднимался, с образованием между Старым и Новым Светом Берингова пролива. Этапов заселения Северо-Западной Америки по предложенной, например, Ю. А. Мочановым периодизации, было три: первый — 35 000—22 000 лет назад; второй — 22 000—10 000, третий — 10 000—6 000 лет назад.¹⁴

В свете таких археологических свидетельств, как стоянка Анангтула, можно допустить возможность того, что миграция народов с приморской культурой по береговой полосе Берингоморского моста происходила в период второго этапа заселения Америки (22 000—10 000 лет назад).¹⁵ Протекала она параллельно с миграцией по внутренней части моста предков индейцев — охотников на сухопутных животных.¹⁶

Палеогеографическая обстановка в этот период была обусловлена следующими факторами. Около 22 000 лет назад тому в Сибири началось сартанское оледенение, а в Америке — висконсинское в его классической форме. Регрессия мирового океана достигала тогда 420 м, в результате чего Берингоморский сухопутный мост — Берингия — распространялся на часть Берингова моря, Прибыловы острова, а восточная часть Алеутских островов, включая о. Умнак, составляла полуостров Американского материка. Ширина моста здесь достигала примерно 1500 км. Около 11 000 лет назад в результате таяния ледников уровень моря стал быстро подниматься и Берингия была затоплена. От 10 000 лет назад до 4500 лет уровень моря уже колебался только в пределах от 10 до

¹⁴ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. — СЭ, 1969, № 1.

¹⁵ Сам Мочанов относит миграцию предков алеуто-эскимосов в Америку к самому позднему времени — уже после трех указанных этапов. Но это мнение Мочанова нам представляется недостаточно обоснованным.

¹⁶ Laughlin W. S. Human Migration and Permanent Occupation in the Bering Sea Area. — In.: The Bering Land Bridge. Ed. by D. M. Hopkins. Stanford, 1967.

15 м ниже современного, а примерно 4500 лет назад очертания суши окончательно приобрели современный вид.¹⁷

Место стоянки Анангула в условиях Берингии представляло собой береговую линию сухопутного моста. Эта стоянка была расположена на 17—20 м выше уровня моря (к воде вел крутой спуск) и благодаря такому уникальному топографическому положению не была затоплена, как все другие стоянки того времени. Между каменным инвентарем Анангулы и изделиями нижних слоев Чалуки, по мнению Лафлина, существует преемственность. Согласно гипотезе Лафлина, алеуты являются тем народом, который жил на данной территории со времен существования Берингии, оказавшись в дальнейшем на островах, образовавшихся на месте полуострова. Предки же нынешних эскимосов, занимавшие смежные прибрежные территории, при затоплении Берингии должны были мигрировать значительно дальше, в Субарктику и Арктику, с их более холодным климатом. Следовательно, после разветвления этих двух народов от единого ствола алеуты остались почти на той же территории и в тех же условиях, но в довольно изолированном, островном положении. Археологические свидетельства дают картину последующего довольно стабильного развития культуры алеутов.

Найдка стоянки Анангула, обнаруживающей древнейший пласт приморских культурных традиций и к тому же азиатского облика (как показало ее сравнение с палеолитическими стоянками Камчатки, Приморья и докерамическими комплексами Японии), свидетельствует, что предки современных алеутов достигли этих территорий в период существования Берингии. Стоянок, указывающих на миграции через область Берингова пролива уже при современном геологическом строении суши, нет. В 1962 г. Чард отмечал, что археология, антропология и лингвистика не дают свидетельств какого-либо движения населения из Азии в Америку в последние 5000 лет (хотя некоторая диффузия в обоих направлениях наблюдалась).¹⁸ Путь заселения Америки через цепь Алеутских и Командорских островов не подтвержден археологическими исследованиями.¹⁹

Правда, нужно отметить, что не все исследователи склонны определять стоянку Анангула как начало именно алеутской культуры, в то время как стоянка Чалука признается бесспорно палео-алеутской.

Большое значение для обсуждаемых вопросов имело открытие Н. Н. Диковым палеолитических культур на Камчатке у Ушков-

¹⁷ H o r p k i n s D. M. 1) Quartenary Marine Transgressions in Alaska. — Ibid., p. 47—90; 2) The Genozoic History of Beringia — a Synthesis. — Ibid., p. 451—484.

¹⁸ C h a r d Ch. Artic Anthropology..., p. 71.

¹⁹ H r d l i ē k a A. The Aleutian and Commandor. Islands and their Inhabitants. Philadelphia, 1945, p. 277—287, 381—397; Д и к о в Н. Н. Древние костры..., с. 98—102.

ского озера (Ушки I, II, IV, слои V, VI и VII — с абсолютной датировкой от $10\ 360 \pm 350$ до $14\ 300 \pm 200$ и $14\ 300 \pm 250$ лет). Инвентарь палеолитических слоев этих многослойных стоянок, согласно свидетельству Дикова, сходен по ряду черт, с одной стороны, с южносибирским поздним палеолитом и докерамическими культурами Японии, с другой — с позднепалеолитическими и раннемезолитическими комплексами на Аляске (Анангула, Юнион-Портейдж, Хилли-Лейк и др.), а также с раннемезолитическими наконечниками кордильерских стоянок и с древнейшими на юге Америки, найденными в пещерах Фелл и Пали-Айк. Все это позволило Дикову говорить о палеолите Камчатки как содержащем реликты наиболее древних протоиндейской иprotoэскимосской культур. В Ушковских стоянках были найдены также украшения для одежды из каменных кружков типа индейского вампума, красная охра в погребении. В неолитических же слоях были обнаружены каменные лабретки — губные украшения, которые характерны для эскимосов Аляски, алеутов и индейцев северо-западного побережья Северной Америки — тлинкитов.²⁰

Материал стоянки Анангула обнаруживает наибольшую близость к палеолитическим слоям Ушковских стоянок на Камчатке. Это обстоятельство стало важным моментом в решении вопроса о связях алеутской культуры с исходными древними культурами Азии. Суммирование данных по этому вопросу имеется в недавно вышедшей книге Р. С. Васильевского.²¹ Остановимся вкратце на них. Сходство каменных изделий Аляски, Японии и материальной Азии заставляет обращаться к материалам палеолитических и мезолитических культур Прибайкалья и Приангарья. Лафлин, в частности, отмечал сходство инвентаря стоянки Анангула с инвентарем прибайкальской стоянки Будун.²² Последняя связана с другими докерамическими комплексами Байкала (Харилгай, Сарма), хорошо сопоставляемыми с мезолитическими памятниками Приангарья (Усть-Белая, Бадай, Черемушник, Верхоленская Гора). Резцы верхоленского типа прослеживаются не только в Забайкалье и в Монголии, но и на Японских островах (резцы типа Арая). Неизменным же спутником верхоленских резцов являются нуклеусы гобийского типа. Область распространения в верхнем палеолите и мезолите подобных нуклеусов — Приангарье, Забайкалье, Алдан, Амур, Приморье, Северный Китай,

²⁰ Д и к о в Н. Н. 1) Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. — В кн.: История и культура народов Севера и Дальнего Востока. М., 1967, с. 16—31; 2) Древние костры. . . , с. 102—119; 3) Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.

²¹ В а с и л' я в с к и й Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.

²² L a u g h l i n W. S. Eskimos and Aleuts: Their Origins and Evolution. — Science, 1963, v. 142, № 3593, p. 633—645.

Япония, Камчатка, Аляска.²³ Первоначальными центрами бытования этих инструментов считают бассейны Ангары и Амура. Но более широкие аналоги каменной индустрии Анангулы имеются в другом месте: Японские острова и районы Советского Дальнего Востока. Среди японских стоянок четче всего прослеживаются аналогии с материалами Саккоцу и Арая. Но техника пластин, характерная для этих культур, по мнению японских археологов, принесена с севера Азиатского материка. Как и А. П. Окладников,²⁴ они считают, что центр этих культур находится где-то в степных районах Азии. Большое значение для исследования истоков верхнепалеолитических и мезолитических культур Приморья и Японии, а следовательно, Камчатки и Анангулы имели раскопки А. П. Окладникова поселения Хере-Уул в долине р. Халхин-Гол в Восточной Монголии. Именно в комплексе Хере-Уул сконцентрированы все характерные элементы: нуклеусы гобийского типа, резцы типа Арая, сибирские скребла и ножи верхоленского типа и др., в различных сочетаниях встречающиеся в Прибайкалье, на Дальнем Востоке (Устиновка), в Японии, на Камчатке (Ушки) и на Алеутских островах (Анангула). Следовательно, Восточная Монголия была тем центром, откуда шли культурные импульсы на север и восток. Дальний Восток и север Японии в конце палеолита, по-видимому, образовывали «тихоокеанскую» этнокультурную область и включали районы Нижнего Амура, Приморья, Хоккайдо, Сахалина и Камчатки. Стоянка Анангула тяготеет именно к этой «тихоокеанской» культурной области.

Таким образом, стоянка Анангула позволила ставить в конкретном плане вопросы об азиатских предках алеутов. Гипотеза же Лафлина о преемственности стоянок Анангула и Чалука и соответственно об алеутах как населителях этих мест со временем существования древнего Берингоморского моста чрезвычайно повышает интерес к культуре алеутов, к соотношению ее с культурой эскимосов, палеоазиатов и индейцев.

Мы видели, что вопросы, связанные с путями и временем заселения алеутами Алеутских островов, сейчас активно дискутируются. Они помогают освещению и ряда вопросов эскимосской проблемы. Одним из них является вопрос о времени и месте разветвления протоэскимосоалеутов. В этом плане большой интерес

²³ Аксенов М. П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 43—52.

²⁴ Окладников А. П., Горегляд В. Н. Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии. — СА, 1958, № 3, с. 246—250; Окладников А. П. 1) Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; 2) Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита. — В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966, с. 352—372.

представляют исследования Г. А. Меновщика.²⁵ Сопоставительный анализ лексики эскимосского и алеутского языков привел его к выводу, что во времена их языковой общности протоэскимосо-алеуты вели континентальный образ жизни. Об этом говорят названия предметов морской охоты и морских зверей, которые являются общими для всего эскимосского ареала (от Берингова пролива до Гренландии), но ни одно из этих названий не совпадает с соответствующими алеутскими. Кроме того, Меновщикова указывает на наличие древнейших иноязычных напластований (предположительно палеоазиатского языка) в алеутском языке. Поэтому он не исключает возможности того, что еще в доберингоморскую эпоху эскимосско-алеутские языки развивались параллельно на основе общей грамматической системы и, следовательно, расхождение этих двух народов могло иметь место еще в Азии.

Р. С. Васильевский также говорит о том, что последние археологические данные значительно углубляют время расхождения алеутов и эскимосов. Он отодвигает его на 8000 или 10 000 лет назад, ко времени существования древнего Берингоморского моста. «Субстрат» же этих культур, пишет он, нужно искать в Азии.²⁶

Кроме проблемы, связанной с установлением ранней истории алеутов (и эскимосов), представляет интерес вопрос о соотношении культур эскимосо-алеутов и индейцев северо-западного побережья Америки (в плане выявления их общих черт — или восходящих к единому субстрату, или отражающих культурно-исторические связи). Здесь для краткости мы приведем только высказывание Чарда о том, что главные корни всего населения Нового Света находятся в зоне Тихоокеанского побережья.²⁷ Лафлин же высказывает предположение, что общие черты эскимосов и индейцев могут вести свое начало еще от раннего протоэскимосо-алеутского населения.²⁸ Гипотеза С. И. Руденко о приходе эскимосов в сравнительно позднее время из юго-восточной островной части Азии хотя и не может быть принята в качестве теории их происхождения, но заслуживает, по нашему мнению, внимания в части, касающейся южных элементов культуры эскимосов. М. Г. Левин, справедливо подвергнув критике теорию Руденко, вместе с тем отмечал, что южные элементы имеются не только в эскимосской культуре. Южные связи различного исторического возраста обнаруживаются и в культуре северо-восточных палеоазиатов и особенно индейцев Северо-Западной Америки.²⁹ Это дает воз-

²⁵ Меновщикова Г. А. Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям. — ВЯ, 1974, № 1, с. 46—59.

²⁶ Васильевский Р. С. Древние культуры..., с. 124.

²⁷ Chard Ch. S. The Old World Roots: Review and Speculations. — UAAP, 1963, v. X, № 2, p. 115—121.

²⁸ Laughlin W. S. Contemporay Problems..., p. 79.

²⁹ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема; Левин М. Г. [Рец. на:] Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — СЭ, 1949, № 1.

можность рассматривать южные элементы этих культур как возможные общие и наиболее древние компоненты, говорящие о некотором единстве обитания.

Далее, Чард вслед за Лафлинным указывает, что взгляды, согласно которым большое богатство и разнообразие культуры южных берингоморских эскимосов является следствием влияния культуры индейцев северо-западного побережья, и что тихоокеанские эскимосы сравнительно недавно проникли в эти прежде индейские территории, опровергнуты окончательно.³⁰

Высказывается мнение, что соприкосновениеprotoэскимосских и протовакашских народов³¹ заслуживает обсуждения.³²

Известный американский исследователь северо-западных индейцев Ф. Дракер усматривает присутствие в их культуре древнеэскимосского субстрата. Он говорит об эскимосско-алеутской основе культур северо-западных индейцев. Дракер полагает, что северная часть северо-западного побережья могла быть заселена только народом, который был уже хорошо приспособлен к жизни у моря, в то время как археологические данные этого района не указывают на большую древность его заселения.³³ В то же время на юге северо-западного побережья, в нижнем течении р. Фрэзер, канадский археолог К. Е. Борден обнаружил древнюю приморскую культуру, подобную эскимосской и датируемую примерно 475 г. до н. э.³⁴ Сходство ее с культурой стоянок Качемак I и Чалука и относительная датировка позволили говорить о возможности распространения эскимосско-алеутской культуры по американскому побережью Тихого океана к югу до р. Фрэзер. Это подтверждало гипотезу Дракера об эскимосско-алеутской основе культуры северо-западных индейцев. Данная точка зрения была поддержана и Чардом.³⁵ Следовательно, вопрос о генетических и исторических связях эскимосо-алеутов и индейцев требует дальнейшего обсуждения.

Как мы видим, древняя история алеутов и эскимосов на современном этапе подвергается тщательному археологическому, ан-

³⁰ Chard Ch. Arctic Anthropology..., p. 87; Laughlin W. S. Contemporaray problems..., p. 79.

³¹ Народы северо-западного побережья Северной Америки подразделяются на три группы: северную — тлинкиты, хайда, цимшиан; центральную — вакаши, состоящую из двух подгрупп — квакиутл и пунтка; южную — селиши, чинук. Протовакашская группа — древнейшие насельники этих мест (в отличие от пришедших сюда уже в более позднее время других групп).

³² Laughlin W. S. Bering Strait to Puget Sound: Dichotomy and Affinity between Eskimo-Aleuts and American Indians. — In: Arctic Institute of North America. Technical Papers, № 11. Montreal, 1962, p. 103—125.

³³ Drucker Ph. Sources of Northwest Coast culture. — In: New Interpretations of Aboriginal Amerikan Culture History. Washington, 1955, p. 68.

³⁴ Borden C. E. West Coast Grossties with Alaska. — In: Arctic Institute of North America. Technical Papers, № 11. Montreal, 1962.

³⁵ Чард Ч. С. Происхождение хозяйства..., с. 98.

тропологическому и лингвистическому исследованию и ряд этапов ее постепенно проясняется. Но этнографическое изучение алеутов, которое могло бы помочь при решении ряда важных вопросов, остается далеко не удовлетворительным.

Литература по этнографии алеутов сводится, во-первых, к публикациям, содержащим наблюдения ранних русских путешественников и исследователей. Среди них выделяется наиболее полными и обобщающимися сведениями труд И. Вениаминова, вышедший в 1848 г. Исследования некоторых вопросов этнографии алеутов появлялись и в более позднее время (В. Долл, С. В. Иванов, Г. И. Квимби и В. С. Лафлин). В ряде зарубежных изданий давалось суммированное изложение имеющихся этнографических сведений по алеутам (В. И. Иохельсон, А. Грдличка, В. С. Лафлин). Но в целом можно присоединиться к словам крупнейшего американского археолога и этнографа Б. Коллинза, отметившего: «... мы не можем сказать, что имеем детальную или полную картину алеутской этнологии».³⁶

Недостаточная изученность алеутов в этнографическом плане объясняется тем, что их самобытная культура довольно быстро разрушилась в результате колонизации островов. В силу же исторических причин наиболее полный подбор материалов, на которых может быть основано этнографическое изучение алеутов в наши дни, находится в музеях и архивах нашей страны. В некоторой степени это относится и к старым русским публикациям.

Между тем этнографический материал по алеутам может играть особо важную роль в решении этногенетических вопросов, поскольку благодаря открытию и исследованиям стоянок Чалука и Анангула можно говорить о непрерывной истории алеутов на Алеутских островах в течение 10 000 лет и к тому же в условиях островной изоляции.

Сущность различия культуры эскимосов и алеутов, время и место их обособления — это вопросы, которые до сих пор еще окончательно не решены, хотя и поставлены исследователями. Все они тесно взаимосвязаны. Поэтому выявление специфики культуры алеутов весьма важно. Однако целый ряд особенностей последней можно установить только по этнографическим материалам, ибо лишь они дают возможность наиболее полно представить достижения народа в области материальной и духовной культуры и общественных отношений.

При изучении материальной культуры алеутов наше внимание привлекало ее отличие от эскимосской, что четко проявляется, несмотря на их сходство. В то же время представляется интересным вопрос о сходных с индейскими чертах культуры алеутов. Эту особенность алеутов уже отмечали как русские, так и зару-

³⁶ Collins H. B., Clark A. H., Waiker E. H. The Aleutian Islands: Their People and Natural History. Washington, 1945, p. 21.

бежные ученые (В. Долл, В. И. Иохельсон, С. В. Иванов, Г. И. Квимби). С другой стороны, широкие перспективы открывает исследование следов эскимосско-алеутской культуры у северо-восточных палеоазиатов — чукчей, коряков, камчадалов (И. С. Вдовин).

Выявление специфики материальной культуры алеутов и отличия ее от эскимосской представляется достаточно важным при решении вопросов, касающихся ранней истории эскимосо-алеутов, а также для заключения о возможном общем древнем компоненте культуры эскимосо-алеутов и некоторых индейских. Такую постановку вопроса не исключал Б. О. Долгих, разбирая проблемы этнографии и антропологии Арктики: «Вероятно, индейцы обеих Америк представляют ответвление тех ранних обитателей Берингии, которые могли явиться также одним из компонентов первоначального ядра эскимосов».³⁷

Об общих глубоких этногенетических корнях предков эскимосо-алеутов и индейцев говорит и вывод Лафлина, что существующие между ними различия могли не иметь места 4000—6000 лет назад.³⁸ Он отмечает и такой любопытный факт, как наличие очень редкой группы крови — N и у эскимосов и у индейцев.³⁹ Что же касается различных антропологических особенностей этих народов, то последние исследования советских и американских антропологов предполагают развитие монголоидных признаков арктической расы в сравнительно поздние эпохи. В. П. Алексеев указывает следующую возможную дату: «... эскимосский, или арктический, тип — особый вариант тихоокеанской ветви монголоидной расы — образовался на протяжении двух тысяч лет с начала I тыс. до н. э. до рубежа н. э.».⁴⁰ И происходило это уже в условиях Арктики и Субарктики под влиянием адаптации к среде.⁴¹ Лафлин определяет появление монголоидности вообще в пределах последних 15 000 лет.⁴² Здесь уместно упомянуть, что расовый тип американских индейцев определяется как тип, сохранивший древнюю форму монголоидной расы. А эскимосы по ряду антропологических

³⁷ Д о л г и х Б. О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики. — СЭ, 1964, № 4, с. 86.

³⁸ L a u g h l i n W. S. Generic Problems and New Evidence in the Anthropology of the Eskimo-Aleut Stock. — In: Arctic Institute of North America. Technical Papers, № 11. Montreal, 1962, p. 125.

³⁹ L a u g h l i n W. S. The Alaska Gateway Viewed from the Aleutian Islands. — In: Viking Fund Summer Seminar in Phisical Anthropology 4 th Sept. 1949. Papers the American Indian, 1951.

⁴⁰ А л е к с е е в В. П. Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы. — В кн.: От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 214.

⁴¹ А л е к с е е в В. П. 1) К краинологии азиатских эскимосов (материал к этногенезу). — ЗЧКМ, в. IV, 1967, с. 22—26; 2) Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски. . .

⁴² L a u g h l i n W. S. Eskimos and Aleuts. . . , p. 12.

признаков занимают промежуточное положение между американскими индейцами и азиатскими монголоидами.⁴³

Очень интересно проследить также, где это позволяет материал, отличие по этнографическим данным восточных алеутов от западных. Причины возникновения этих подразделений алеутов до сих пор не ясны. В прежние годы наличие данных групп давало повод (как мы увидим ниже) для предположений о двух волнах заселения островов и даже народами с отличной от алеутской культурой. В настоящее время вопрос о соотношении археологических культур востока и запада Алеутской цепи, а также причины антропологических различий этих групп населения привлекают все большее внимание археологов и антропологов.⁴⁴

⁴³ Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки. В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. — ТИЭ, н. с., т. 16, 1951, с. 534, 538.

⁴⁴ McCagney A. P. A proposed western Aleutian Phase in the Near Islands, Alaska. — ArA, 1971, v. VIII, № 2.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЛЕУТОВ.
«АЛЕУТСКАЯ ПРОБЛЕМА»**

История изучения алеутов начинается со времени открытия Алеутских островов участниками Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.), совершившими плавание в Америку на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел» под командованием В. Беринга и А. И. Чирикова.¹ Начало изучения связано с продвижением русских дальше на восток после открытия и исследования огромных пространств северо-востока Азии и выхода на берега Тихого океана. Связано оно и с развитием русской науки. Это было время, когда молодая Петербургская Академия наук проводила планомерные экспедиционные исследования малоизученных районов обширного Российского государства. И хотя этнография тогда еще не выделилась в особую науку, но этнографическое изучение народов, естественно, включалось в круг исследований.

В число участников Второй Камчатской экспедиции входили профессора и адъюнтанты Академии наук. Участником экспедиции историком Г. Ф. Миллером была составлена подробная инструкция для сбора сведений о населении, которая предусматривала как этнографические, так и антропологические исследования.²

Участники плавания Беринга—Чирикова — адъюнкт Академии наук Г. В. Стеллер, сам Чириков и морской офицер Свен Ваксель — собрали первые сведения об алеутах.

Стеллер и Ваксель находились на судне «Св. Петр», которое достигло берегов Америки 20 июля 1741 г. и сделало остановку в районе о. Каяк. Здесь Стеллер провел некоторые исследова-

¹ Б е р г Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. Изд. 3-е. М.—Л., 1946.

² M ü l l e r G. F. Instruction G. F. Müllers für den Akademiker-Adjunkt J. E. Fischer. — СМАЭ, т. I, 1900.

ния (в том числе и этнографические, хотя он и не видел жителей — эскимосов). На обратном пути были открыты Шумагинские острова. Около самых больших островов этой группы — Унгэ и Ногай — были сделаны остановки. Здесь произошла первая встреча с алеутами. Стеллер подробно описывает свои наблюдения.³ Замечания Вакселя более краткие, но дополняют сведения Стеллера об алеутах.⁴

Судно «Св. Павел», достигнув 15 июля 1741 г. берегов Америки у о. Принца Уэльского, подошло к о. Адак (Андреяновская группа островов). Здесь к судну подъезжали на байдарках алеуты. Эта встреча описана Чириковым.⁵

Стеллер, Ваксель и Чириков называют алеутов просто «американцами». Хотя и не столь обширные, сведения их об алеутах чрезвычайно ценные, ибо получены при самом первом контакте этого народа с европейцами. Стеллер, будучи ученым-натуралистом и внимательным наблюдателем, составил наиболее полные и интересные записи. Им же впервые поставлен и вопрос о происхождении алеутов. Так, он высказал предположение о заселении островов из Азии, основываясь на сходстве отдельных элементов культуры алеутов с камчадальскими и корякскими.⁶ В другой своей работе Стеллер отмечает физическое сходство камчадалов и коряков с «американцами» и высказывает предположение, что коренные жители Америки являются выходцами из Азии.⁷

Вторая Камчатская экспедиция, проложившая путь к Алеутским островам и в Северо-Западную Америку, явилась началом целой эпохи плаваний во второй половине XVIII в. предприимчивых русских купцов, мореходов и промышленников на Алеутские острова. Привезенные спутниками Беринга ценные бобровые меха и сведения о пушном богатстве вновь открытых земель послужили толчком к организации артелей, а позже и более крупных торгово-промышленных компаний для экспедиций на Алеутские острова. Во время этих промысловых плаваний один за другим открывали новые острова, пока вся цепь Алеутских островов, п-ов Аляска и о. Кадьяк не стали известны русским.⁸

³ Steller G. W. 1) Reise von Kamtschatka nach America mit dem Commandeur-Capitän Bering. SPb., 1793, S. 73; 2) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt—Leipzig, 1774, S. 239—252, 297—303.

⁴ Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.—М., 1940.

⁵ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. А. И. Андреева. М., 1948, с. 106—110.

⁶ Steller G. W. Reise von Kamtschatka . . . , S. 73.

⁷ Steller G. W. Beschreibung . . . , S. 297—303.

⁸ История исследования Алеутских островов освещена в следующих работах: Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1949 г.; Берг Л. С. Открытие Камчатки. . . , ч. III, гл. 19; Окунью С. Б. Российско-Американская компания. М.—Л., 1939; Зубкова З. Н. Алеутские острова. М., 1948; Макарова Р. В. Русские

Первые плавания (1743—1747 гг.) были организованы сержантом команды Охотского порта Е. Басовым. Басов со своими спутниками посетил Командорские острова и прошел мимо некоторых Алеутских островов. В 1745—1746 гг. на Ближних островах Алеутской гряды зимовала команда промышленников с мореходом М. Неводчиковым и передовщиком⁹ Я. Чупровым. Здесь (на о. Агатту, а затем и на о. Атту) впервые после Беринга и Чирикова русские встретились с алеутами.

Андреяновские острова подробно были обследованы во время плавания купца Андреяна Толстых (1747—1764 гг.), в честь которого они и получили название. Толстых был не только прекрасным мореходом, но и одаренным исследователем, он стремился тщательно описывать посещенные им земли, их природу и быт населения. К несчастью, при возвращении из последнего плавания, уже у берегов Камчатки, судно потерпело крушение. Среди части погибших вещей оказался и ящик, в котором хранилось описание последнего путешествия, островов и их жителей. Удалось спасти лишь вывезенные с о. Адак алеутские байдарку, шляпу и рыболовные удочки. Эти вещи были отправлены в Большерецкую канцелярию. Сведения об экспедиции сохранились в письменных показаниях Толстых и плававших с ним казаков Васютинского и Лазарева. По ним было сделано описание островов, представленное сибирским губернатором Д. И. Чичерином Екатерине II. К своей реляции Чичерин приложил карту Андреяновских островов и некоторые алеутские вещи.

В 1753 г. вышло в плавание судно с мореходом купцом П. Башмаковым и передовщиком купцом А. Серебренниковым. Шитик выбросило на берег у о. Адак. В документах, кроме подробностей путешествия, оказались и сведения о природе острова и быте населения.

Честь открытия Лисьих островов принадлежит мореходу С. Глотову с передовщиком И. Соловьевым и сборщиком ясака С. Пономаревым (1759—1762 гг.). Глотов получил задание — отыскивать новые острова и не приставать к уже известным. Глотов и Пономарев побывали на разных островах Лисьей группы. Пономарев вместе с промышленником П. Шишким составил карту Алеутских островов. «Известия» Пономарева и Глотова об открытых ими островах и эта карта были по прибытии отправлены в Петербург. Плавание Глотова было одним из самых значительных для того времени: он прошел дальше других вдоль всей Алеутской гряды, открыл много новых островов, дал их описание, способст-

на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М., 1971.

⁹ Передовщик был организатором хозяйства на судне, пущенного промысла, а также ответственным за выполнение инструкций администрации порта, откуда выходило судно.

вовал составлению карты и, кроме всего этого, установил дружеские отношения с населением.

Во время этих плаваний (общее их количество — 70) мореходы, купцы и промышленники сталкивались с жителями островов — алеутами; отношения с ними бывали и крайне напряженными, и дружескими. Привозились драгоценные сведения о жизни местного населения, которые подавались в Большецкую канцелярию в «скасках», «рапортах» и «докладах». Публикация ряда этих интересных документов была осуществлена лишь в наше время. Л. С. Бергом опубликованы «репорт» П. Васютинского и М. Лазарева, «описания» А. Толстых.¹⁰ А. И. Андреев осуществил публикацию донесений С. Пономарева и С. Глотова,¹¹ С. Черепанова, И. Коровина, И. Соловьева, В. Шилова.¹²

В значительной степени на материалах дел камчатских приказных канцелярий и канцелярии Охотского порта основаны написанные в 50—60-х годах XIX в. работы А. С. Полонского (члена Совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске), включающие материалы по истории экспедиций русских промышленных людей в Тихом океане во второй половине XVIII в. Эти рукописи хранятся в Архиве Географического общества СССР¹³ и являются очень интересным и достоверным источником, хотя они, к сожалению, и не имеют ссылок на использованные документы. Одна из них — «Промышленники на Алеутских островах» — содержит значительное количество этнографических сведений об алеутах.

Все эти ранние материалы об алеутах составляют чрезвычайно ценное собрание данных о их культуре. Они показывают ее в том виде, какой была она до контакта с европейцами.

Сведения о новых открытиях русских промышленников в «Восточном океане» доходили до правительства, попадали в Сенат, в Адмиралтейств-коллегию.

В Петербурге внимательно следили за событиями, происходящими у берегов Америки. Царское правительство одобряло и поощряло деятельность русских купцов и промышленников, извлекая при этом для себя большие выгоды.¹⁴ Стало оно предпринимать и попытки закрепить права России на земли, открытые русскими

¹⁰ Б е р г Л. С. Из истории открытия Алеутских островов. — Землеведение, 1924, т. 26, в. 1—2, с. 114—132.

¹¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. Сб. матер. под ред. А. И. Андреева. М.—Л., 1944.

¹² Русские открытия. . . , 1948.

¹³ П о л о н с к и й А. С. 1) Перечень путешествий русских промышленных людей в Восточном океане с 1743 по 1800 год. — АГО, р. 60, оп. 1, № 2; 2) Промышленники на Алеутских островах (1743—1800 гг.). — Там же, № 3.

¹⁴ Все промышленные компании обязаны были платить (до 1774 г.) в казну пошлину в размере 1/10 от всего количества добывших мехов. Кроме того, промышленники были обязаны приводить в российское подданство жителей новооткрытых земель и собирать с них ясак в пользу казны.

мореходами. В 1764 г. Адмиралтейств-коллегия приняла решение о посылке гидрографической экспедиции под начальством капитана П. К. Креницына и лейтенанта М. Д. Левашова на Восток. Эта правительственный, по политическим соображениям — «секретная», экспедиция 1764—1769 гг. завершила этап открытий и начала новый этап — планомерных изысканий и исследований, в которых главная роль принадлежала русским военным морякам. Экспедиция Креницына—Левашова привезла ценный, впервые специально собранный материал о географии, гидрографии, природе и жителях Алеутских островов. В журнале Левашова имеются четыре самостоятельных раздела: «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», «О промысле российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц». Раздел «О жителях...» был опубликован А. П. Соколовым вместе с другими материалами экспедиции.¹⁵ Но часть этнографических материалов этой экспедиции оставалась до сих пор не использованной. В гидрографическом фонде Центрального государственного архива Военно-Морского Флота хранится альбом Левашова с прекрасными этнографическими зарисовками (например, рис. 2). Кроме того, ряд важных сведений, касающихся истории и социальной организации алеутов, имеется и в дневнике Левашова. Таким образом, экспедиция Креницына—Левашова дает нам значительный по объему материал, свидетельствующий об оригинальной культуре алеутов, еще не затронутой европейским влиянием.¹⁶

Накопление этнографических сведений о народах вновь открытых островов нашло отражение и в литературе того времени. В 1776—1777 гг. появилось сочинение И. И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», глава которого «Восточные островские жители» содержит обобщение всех известных тогда сведений об алеутах.

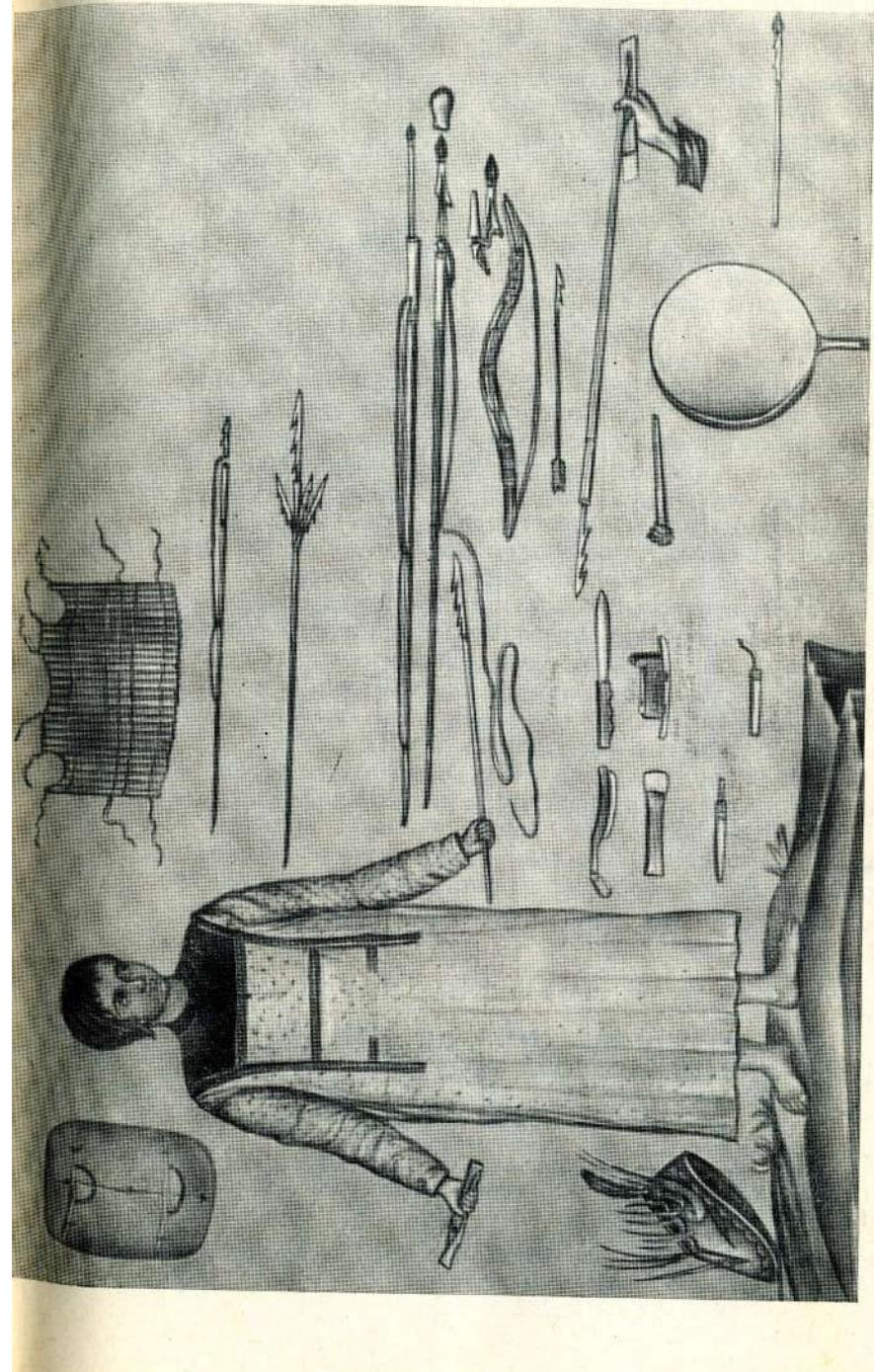
Отдельные работы научно-популярного характера со сведениями о новооткрытых островах и их жителях печатались в издаваемых Академией наук с 1726 г. исторических и географических «Месяцесловах». Были публикации и в журнале, также издаваемом Академией наук (1755—1764 гг.), «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Сведения о русских плаваниях и открытиях в Северо-Западной Америке появлялись в издаваемом академиком П. С. Палласом в 1781—1788 и в 1793—1796 гг. журнале «Neue Nordische Beiträge».¹⁷ Наряду с документами пла-

¹⁵ Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764—1769 гг. — ЗГДММ, ч. X, 1852.

¹⁶ Япунова Р. Г. Этнографическое значение экспедиции капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.). — СЭ, 1971, № 6.

¹⁷ Neue Nordische Beiträge. SPb.—Leipzig, Bd. I—IV, 1781—1788. Bd. V—VII, 1793—1796.

Рис. 2. Аллеут о. Уналашка и предметы, связанные с мужскими занятиями. Рисунок М. Д. Левашова. ЦГАВМФ.

ваний промышленников здесь печатались и работы самого Палласа, посвященные русским открытиям у берегов Америки.

Но даже раньше, чем в России, материалы о русских открытиях в Северо-Западной Америке стали появляться за границей. Среди них нужно отметить работу В. Кокса,¹⁸ основанную на данных, полученных от историографа Академии наук Г. Ф. Миллера.¹⁹ В работе Кокса впервые были опубликованы сведения об экспедиции Креницына—Левашова и «экстракт» из журналов экспедиции.

Из иностранных экспедиций богатый материал по этнографии алеутов доставило Третье кругосветное путешествие Д. Кука (1776—1780).²⁰

В период царствования Екатерины II для обследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки была организована новая правительственные секретная экспедиция под руководством капитанов И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева (1785—1793 гг.). Во время этой экспедиции Сарычевым были составлены описания Чукотского полуострова, побережья Охотского моря, Алеутских островов, берега Северной Америки вплоть до о. Калька, а также быта народов, населяющих эти места.²¹ Вместе с тем было собрано и большое количество экспонатов для музеев, в том числе этнографических коллекций по алеутам. Большую ценность имеют этнографические заметки Сарычева об алеутах.

Результаты исследований этой экспедиции опубликованы также в трудах секретаря и переводчика Биллингса — Сауэра.²²

В экспедиции в качестве врача принимал участие К. Г. Мерк. Им был собран ценный материал по этнографии чукчей, эскимосов и алеутов.²³ Извлечения из рукописи, посвященной алеутам и эскимосам, вышли в свет лишь в 1937 г.²⁴

С 1784 г. на Аляске стали появляться постоянные русские поселения. Инициатором этого начинания был русский купец Г. И. Шелихов, возглавлявший наиболее крупную торговую-промышленную компанию. На ее базе в 1799 г. была создана Российско-Американская компания, получившая от Павла I монополию на Аляску.

¹⁸ Cox e W. *Account of the Russian discoveries between Asia and America.* London, 1780.

¹⁹ Намереваясь написать историю плаваний в Америку, Миллер собрал большое число ценных материалов из архивов сибирских канцелярий, а также московских и петербургских. Но он умер в 1783 г., не завершив свой труд.

²⁰ Cook J. A. *Voyage to the Pacific Ocean.* III. London, 1785.

²¹ Сарычев Г. А. *Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану.* М., 1952.

²² Saue r M. *An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Part of Russia, Performed by Commandor Joseph Billings in the Year 1785 to 1794.* London, 1802.

²³ Русские открытия..., 1948, с. 69—70.

²⁴ Jacobi A. Carl Heinrich Mercks Ethnographische Beobachtungen über die Völker des Beringmeers. — BA, Bd. XX, Hf. 3—4, 1937, S. 113—137.

полю на ведение промыслов во всех открытых русскими землях в Северо-Западной Америке и на управление этими владениями России (получившими название «Русская Америка»).

Дальнейшее изучение Русской Америки и накопление этнографических знаний о ее народах уже связано с деятельностью Российско-Американской компании. Научное же руководство большинством этих исследований осуществляла по-прежнему Академия наук.

Во время кругосветных путешествий начала XIX в., организованных с целью установления более удобного и дешевого пути для сообщения с русскими владениями в Америке, производились и обширные географические, океанографические и естественнонаучные исследования. Значение этих путешествий для мировой науки, как известно, огромно.

Первое кругосветное путешествие было совершено на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием капитанов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 гг.).²⁵ Руководители этой экспедиции Н. П. Резанов и И. Ф. Крузенштерн были избраны членами-корреспондентами Академии наук и получили инструкции по сбору естественнонаучных коллекций для Кунсткамеры. Наряду со сведениями о других народах Русской Америки и коллекциями по их культуре экспедиция доставила материал и об алеутах.²⁶ В качестве натуралиста в первом кругосветном плавании принял участие Г. И. Лангсдорф. Его этнографические описания алеутов представляют значительный интерес.²⁷

В 1817—1819 гг. было предпринято кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головнина,²⁸ а в 1826—1829 гг. на кораблях «Сенявин» и «Мюллер» под командованием Ф. П. Литке и М. И. Станюковича.²⁹ Из этих путешествий были привезены коллекции по алеутам и сведения об их культуре.³⁰

Необходимо особо отметить ценность доставленного этими экспедициями такого этнографического источника, как иллюстративный материал. Рисунки участников экспедиций или художни-

²⁵ К р у з е н ш т е р н И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950; Л и с я н с к и й Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947.

²⁶ С т а н ю к о в и ч Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, с. 178—183.

²⁷ L a n g s d o r f f G. H. Voyages and Travels in Various Parts of the World during the Years 1803—1807. II. London, 1814.

²⁸ Г о л о в н и н В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка». М., 1965.

²⁹ Л и т к е Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. М., 1948.

³⁰ С т а н ю к о в и ч Т. В. Кунсткамера..., с. 185—187.

ков, специально включенных в их состав, прекрасно дополняют этнографические сведения о жителях посещенных мест.³¹

Отдельные наблюдения и заметки этнографического характера есть и в трудах деятелей Российско-Американской компании. Самым значительным является труд «старожила и летописца Русской Америки» К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке», который в большей своей части остался неопубликованным.³² Хлебников прожил в Русской Америке с 1818 по 1832 г. Помимо материалов этнографического характера, в труде Хлебникова содержится большой объем сведений по истории алеутов указанного периода.

К этим же примерно годам (1824—1839) относится и пребывание на Алеутских островах выдающегося исследователя культуры и быта населения Русской Америки миссионера И. Е. Вениамина (впоследствии митрополита Иннокентия) — самобытного ученого-этнографа, лингвиста и биолога.³³ Основной его труд «Записки об островах Уналашкенного отдела» представляет собой интересное описание алеутов.³⁴ Он одним из первых уловил нарастающую потребность не в отрывочных этнографических заметках, а в серьезном всестороннем исследовании отдельных народностей. Сам Вениаминов так отметил это: «Описания наших путешественников, гг. Сарычева, Лисянского, Коцебу, Литке и других, кроме морской части, содержат в себе только краткие очерки тамошнего края, и не всегда верные, по причинам неизбежным: кратковременное пребывание, незнание языка туземного и разнородные важнейшие занятия не позволяли им собирать сведений, ни довольно подробных, ни довольно верных».³⁵ Значение работы Вениамина состоит не только в сборе интересных этнографических сведений. Это и систематизация огромного накопленного материала, и подход к нему с позиций современной ему научной методологии, и привлечение для выводов данных антропологии, лингвистики и фольклора. Необходимо отметить и такие ценные черты в исследовании Вениамина, как историзм, включающий реконструирование оригинальной культуры алеутов и их социальной организации первой половины XVIII в. (до контакта с русскими).³⁶

³¹ Наиболее интересные, редкие и, наконец, ранее не публиковавшиеся зарисовки жителей Алеутских островов, предметов их культуры и быта представлены в настоящей работе.

³² Ляпунова Р. Г. Рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке» как источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов. — В кн.: От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 136—141.

³³ Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф. — ТИЭ, н. с., т. 2, 1947, с. 294—314.

³⁴ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкенного отдела. Т. I—III. СПб., 1840.

³⁵ Там же, т. I, с. 1.

³⁶ Там же, с. 113.

Труд Вениаминова о языке алеутов — источник исключительной ценности.³⁷ Он является основной базой лингвистов, в том числе зарубежных, для исследований алеутского языка.

Вениаминов ставит и решает на основании данных языка, физического типа и фольклорных материалов вопрос о происхождении алеутов. Он учитывает все известные ему сведения относительно давности обитания алеутов на островах, разбирает вопрос, откуда могли прийти алеуты — из Америки (с востока) или из Азии (с запада) — и склоняется к выводу об их азиатском происхождении. Вениаминов предполагает, что предки алеутов пришли на острова с Камчатки, куда могли попасть из Японии.

В XVIII—начале XIX в., в период первоначального исследования алеутов, происходил и сбор коллекций, которые впоследствии были сосредоточены в основном в Кунсткамере (ныне — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР). Ранние путешественники и более поздние исследователи островов привозили отдельные вещи и более или менее крупные коллекции, но значительная часть коллекций по алеутам (так же как и по некоторым другим народам Северо-Западной Америки) собрана препаратором Зоологического музея И. Г. Вознесенским.³⁸ Он был послан Академией наук в Русскую Америку и северо-восточную часть азиатских владений России специально для сбора там коллекций по зоологии, ботанике, минералогии и этнографии. Вознесенский в течение 10 лет (с 1839 по 1849 г.) один осуществлял задачи целой комплексной экспедиции. Он обогатил все музеи Академии наук ценнейшими материалами. Коллекции И. Г. Вознесенского по алеутам в сочетании с прежними поступлениями музея составляют собрание предметов, с достаточной полнотой характеризующее культуру и быт алеутов конца XVIII—первой половины XIX в. Превосходным дополнением к коллекциям служат заметки этнографического характера, сделанные Вознесенским и хранящиеся ныне в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

Но уже к концу 40-х годов XIX в. интерес к этнографическому изучению Русской Америки в России начинает заметно ослабевать. В 1867 г. русские владения в Западном полушарии — Аляска и

³⁷ Вениаминов И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.

³⁸ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня его рождения (1816—1871). — СМАЭ, т. III, 1916, с. 1—14; Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки. К столетию его экспедиции. — ИВГО, т. 76, в. 5, 1944, с. 277—279; Липшиц Б. А. Этнографические материалы по Северо-Западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского. — ИВГО, т. 82, в. 4, 1950, с. 415—420; Бломквист Е. Э. Рисунки И. Г. Вознесенского (экспедиция 1839—1849 годов). — СМАЭ, т. XIII, 1951, с. 230—303; Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки. — СМАЭ, т. XXIV, 1967, с. 5—33.

Алеутские острова — были проданы Соединенным Штатам Америки.

Охарактеризованный выше начальный период изучения алеутов, связанный с открытием и первоначальным изучением Алеутских островов и их жителей русскими, знаменует собой важную эпоху в истории изучения алеутов — накопление этнографических материалов, которых в последующее время почти нельзя было пополнить, ибо культура алеутов все больше теряла свои самобытные черты. Но для этого периода было характерно не только накопление материалов. Были сделаны также попытки его систематизации, осмысления и постановки проблемы происхождения алеутов (Стеллер, Вениаминов). Особо следует отметить громадное значение собранных за этот период коллекций по культуре и быту алеутов, хранящихся в основном в музеях нашей страны.

В вопросе о происхождении алеутов в русской науке этого и более позднего периода господствовало мнение, высказанное Вениаминовым, о заселении островов с запада через Камчатку. Л. Шренк в силу данного предположения причислил алеутов к палеоазиатам.³⁹ За Шренком последовал и С. Патканов.⁴⁰ Эта точка зрения была принята и большинством зарубежных ученых того времени.

* * *

С конца XIX в. изучение алеутов приобретает характер исследования вопроса об их происхождении. Исследование «алеутской проблемы» ставится в один ряд с изучением происхождения северо-восточных палеоазиатов и эскимосов, а также с проблемой заселения Северо-Западной Америки. Первым американским исследователем Алеутских островов был В. Долл.⁴¹ Круг его интересов был чрезвычайно широким: география, геология, палеонтология, антропология, история, этнография и археология.

Племенному составу коренного населения Аляски специально посвящены две работы Долла,⁴² в которых он суммирует сведения многих русских источников и результаты своих исследований.

Долл одним из первых начал проводить систематические археологические раскопки на Алеутских островах.⁴³ Он вел рас-

³⁹ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. I. СПб., 1883, с. 11.

⁴⁰ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев. Т. I. СПб., 1912, с. 105—129.

⁴¹ Негрон Е. А. William Hearley Dall — Alaska Pioneer. — NH, 1948, v. 57, № 4, p. 176, 179.

⁴² D all W. H. 1) On the Distribution of the Native Tribes of Alaska. — PAAAS, 1869, XVIII, p. 267—273; 2) On the Distribution and Nomenclature of the Native Tribes of Alaska. — CNAE, 1877, I, p. 7—40.

⁴³ Примерно в это же время Алеутские острова посетил французский этнолог А. Пинар. В 1871 г. на Унге (Шумагинские острова) в погребальной пещере у залива Деларова он нашел остатки 4 скелетов, вырезанные из кости человеческие фигуры, фрагменты раскрашенных деревянных масок и другие

копки и в пещерах (на островах Атту, Амчитка, Адак, Атка, Уналашка и Шумагина), где им были обнаружены остатки древних захоронений, и на местах древних поселений.

При исследовании погребальных пещер Долл собрал большую коллекцию мумий, скелетных остатков и предметов материальной культуры. Эти коллекции были им опубликованы с привлечением собранных им же фольклорных материалов.⁴⁴

Результатом раскопок древних поселений алеутов («раковинных куч» — shell-heaps) был вывод Долла о трех периодах развития культуры алеутов на Алеутских островах.⁴⁵ Каждому периоду, по его мнению, соответствовал определенный слой залегания культурных остатков. Таких слоев Долл выделяет три: слой с раковинами моллюсков *Echinus*; слой с костями рыб, орудиями и средствами рыболовства; слой с костями морских животных, орудиями и средствами морской охоты. Первый слой, самый ранний, по заключению Долла, принадлежит прибрежному периоду (littoral period) в культуре алеутов, когда основной пищей являлись продукты собирательства у морского берега; второй слой, более поздний, соответствует периоду рыболовства (fishing period); третий — еще более позднему периоду, охотничьему (hunting period), когда основным занятием алеутов стала охота на морского зверя.

Долл говорит о глубокой древности заселения алеутами островов (до 3000 лет тому назад) и высказывает мнение о принадлежности их эскимосскому (иннуитскому) стволу и о заселении островов с востока, с Американского материка.⁴⁶

В работе о происхождении эскимосов Долл энергично выступает против теории заселения Америки через цепь Алеутских островов, считая, что первоначальное заселение Американского материка происходило через область Берингова пролива.⁴⁷ Аргументирует он свое предположение тем, что расстояние от Камчатки

окрашенные деревянные предметы. Позже нижний слой этой пещеры был раскопан Доллом. Пинар также исследовал пещеру на о. Амакнакс (у Уналашки), где тоже обнаружил скелетные и культурные остатки (Pinart A. L. 1) La Caverne d'Aknah Isle d'Ounga. Paris, 1875, p. 4—11, pl. I—VIII; 2) Catalogue des Collections rapportées de l'Amérique Russe, par A. Pinart, exposées dans le Musée d' Histoire Naturelle de Paris, 1872).

⁴⁴ Dall W. H. 1) Alaska Mymmie. — AN, 1875, v. IX, № 8, p. 4330—4440; 2) On the Remains of Later Prehistoric Man Obtained from Caves in the Catherine Archipelago, Alaska Territory and especially from Caves of the Aleutian Islands. — SCK, 1878.

⁴⁵ Dall W. H. On Succession in the Shell-heaps of the Aleutian Islands. — CNAE, 1877, I, p. 41—91.

⁴⁶ Те же предположения высказываются Доллом и в двух его более ранних заметках об археологических изысканиях на Алеутских островах: Dall W. H. 1) Notes on the Pre-Historic Remains in the Aleutian Islands. — PCAS, 1872, № 4; 2) On Further Examinations of the Amaknax Cave, Captain's Bay, Unalaska. — PCAS, 1873, № 17.

⁴⁷ Dall W. H. Remarks on the Origin of the Innuit. — CNAE, 1877, I, p. 93—106.

до Командорских островов и от Командорских до о. Атту слишком велико, чтобы народы того уровня культуры могли преодолеть его. К тому же Командорские острова никогда не были обитаемы (Долл не обнаружил там следов человека). По его мнению, родина эскимосов находилась в Америке (во внутренней ее части). Отсюда, с востока, Алеутские острова и были заселены одной из групп иннукитов, которые и явились предками алеутов. Остальные эскимосские племена, теснимые индейцами, заселили Арктику. Говоря об азиатских эскимосах, он приводит доводы в пользу довольно позднего переселения их на Чукотку.

В работе, посвященной маскам и украшениям лица втулками (labrets), Долл рассматривает вопрос о бытовании этих традиций среди коренного населения Америки (в том числе и среди алеутов) и ставит вопросы их происхождения.⁴⁸

Для обоснования своих положений о заселении Америки из Азии через область Берингова пролива Долл использует данные геологических исследований.⁴⁹ Он выдвигает гипотезу о возможности существования в отдаленные эпохи сухопутного моста севернее Берингова пролива.

Теория Долла о трех периодах развития культуры алеутов была опровергнута В. И. Иохельсоном.

В. И. Иохельсон в 1900—1902 гг. принимал участие в качестве руководителя Сибирского отдела в Северо-Тихоокеанской экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории на средства Джезупа («Джезуповская экспедиция») для изучения культурно-исторических связей между народами Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.⁵⁰ Результатом этих исследований была теория «эскимосского клина», выдвинутая ее участниками (Боас, Иохельсон, Богораз), об американо-азиатской цепи родственных народов, разорванной пришельцами-эскимосами. Острием «клина» считали алеутов. При этом Боас и Иохельсон называли родиной эскимосов арктические районы Америки, а Богораз стоял за их азиатское происхождение. Палеоазиаты, согласно Боасу и Иохельсону, были реэмигрантами в Азии.⁵¹

⁴⁸ Dall W. H. Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs. — ARBAE, 1882, III, p. 73—151.

⁴⁹ Dall W. H. On Geological Aspects of the Possible Human Immigration between Asia and America. — AA, n. s., 1912, v. XIX, № 1.

⁵⁰ Jochelson W. I. 1) The Koryak. The Jesup North Pacific Expedition — MAMNH, v. 6, 1905—1908, p. 1—2; 2) The Yukaghirs and Yukaghiriized Tungus. — Ibid., v. 9, 1920—1924, p. 1—3; 3) The Ethnological Problems of Bering Sea. — NH, 1926, v. 26, № 1, p. 90—95; 4) The Ancient and Present Kamchadal and the Similarity of their Culture to that of the Northwestern American Indians. — ICA, XXIII, N. Y., 1928, p. 451—454.

⁵¹ Критику теории «эскимосского клина» см.: Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 212—218.

В 1909—1911 гг. Иохельсон проводил исследования на Камчатке и Алеутских островах, организованные Русским географическим обществом. Необходимость изучения алеутов — «острия эскимосского клина» — Иохельсон обосновывал тем, что «алеутская проблема» освещена крайне плохо (работа «Джезуповской экспедиции» не затронула их) и алеуты образуют одно из отсутствующих звеньев в цепи связей азиатских и американских племен.

Считая главной задачей исследования выяснение ранней истории алеутов, Иохельсон основное внимание уделил археологическим раскопкам.⁵² Он вел их на островах, где уже копал Долл (Атту, Атка, Амакнак), и на островах Умнак и Укнадак, полагая, что выводы Долла нужно подвергнуть проверке. Всего Иохельсон раскопал 13 мест древних поселений, исследовал 57 углублений различных размеров, 3 погребальные пещеры и 3 пещеры со следами поселений. Он подтвердил многие наблюдения Долла, но подверг резкой критике теорию о трех культурных периодах развития алеутов. По утверждению Иохельсона, все слои кухонных остатков, даже самые нижние, содержат предметы более высокой культуры. Во всех слоях Иохельсон обнаружил каменные и kostяные лампы, сверла для добывания огня, следы золы, каменные сковороды, кости морских животных (в том числе и китов). Все это привело Иохельсона к заключению, что алеуты являлись морскими охотниками с начала заселения островов. Были найдены им и орудия охоты на морских животных, иглы для шитья одежды, остатки жилищ.

Выдвигая свои положения о ранней истории алеутов, Иохельсон делает вывод, что алеуты пришли на острова со сравнительно высокой культурой, не очень далекой от той, которую застали первые русские. Он согласен с Доллом, что географические условия не позволяли алеутам достичь Алеутских островов из Азии. И Иохельсон ставит вопрос: не достигал ли Берингоморский мост (который, по предположению Долла, находился севернее Берингова пролива) Алеутской гряды, не могут ли современные Алеутские острова быть остатками древнего моста, имелся ли этот мост в эпоху плейстоцена, т. е. во время наиболее раннего возможного переселения человека из Старого Света в Новый. Иохельсон пишет, что если будет геологически доказано, что такой мост существовал в месте расположения Алеутских островов, то можно будет говорить о том, что алеуты пришли с запада. Вопрос о их происхождении должен быть, более того, связан с происхождением коренного населения Америки — эскимосов и индейцев. Родство алеутов и эскимосов Иохельсон считает несомненным (язык, культура, соматические признаки). Высокий головной индекс алеутов, сходный с индексом северо-западных индейцев

⁵² J o c h e l s o n W. I. Archeological Investigation in the Aleutian Islands. Washington, 1925.

или палеоазиатов, он объясняет не их смешением с современными американскими или азиатскими соседями, а или смешением в древние времена с атапасками (по гипотезе А. Грдлички), или же постепенным приобретением его в условиях длительной островной изоляции. Ранние скелетные остатки, считает Иохельсон, отсутствуют потому, что в пещерах и погребальных хижинах под землей за столь длительный период они успели разрушиться. Кухонные остатки (*shell-heaps*) Иохельсон относит к современной геологической эпохе. Он делает вывод, что алеуты пришли на острова в очень отдаленные времена, может быть, даже во времена самого раннего заселения Северо-Западной Америки. Культуру «раковинных куч» Иохельсон относит к каменному веку. А самый поздний период алеутской истории определяет как переходный к неолиту; но последний не получил развития вследствие прихода русских.

Характер культуры алеутов, как считает Иохельсон, позволяет сделать вывод, что культурные, духовные и физические черты алеутов в основном указывают на наиболее тесную связь их с обитателями Американского континента, а не Азии.

В другой своей работе Иохельсон более определенно указывает, что место формирования алеутской (и эскимосской) культуры лежит в Северо-Западной Америке, на территории современного обитания тлинкитов (где Долл нашел древние следы пребывания эскимосов) или где-то в западной части Канады.⁵³ Эта его работа содержит изложение истории изучения алеутов, этнографический очерк с использованием ряда старых русских источников и собственных наблюдений, сведения о физическом типе алеутов. Здесь Иохельсон отмечает, что по цвету кожи, ширине лица и строению глаз алеуты больше напоминают монголоидов, чем палеоазиатский тип или индейский.

Большой интерес представляют лингвистические исследования Иохельсоном алеутского языка и публикации фольклорных материалов.⁵⁴

Краниологический материал, собранный Иохельсоном на Алеутских островах, был обработан Т. Я. Токаревой.⁵⁵ Иохельсон датировал его дорусским периодом (до середины XVIII в.). Токарева делает вывод, что обследованные черепа по измерительным и описательным признакам должны быть отнесены к монголоидной расе. При определении места алеутского типа внутри монголоидной

⁵³ J o c h e l s o n W. I. History, Ethnology and Anthropology of the Aleuts. Washington, 1933.

⁵⁴ См., например: J o c h e l s o n W. I. The Aleut Language and its relation to the Eskimo dialect. — ICA, XVIII, London, 1912, p. 96—104; Иохельсон В. И. Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. Пг., 1928.

⁵⁵ Т о к а р е в а Т. Я. Материалы по краниологии алеутов. — АЖ, 1937, № 1, с. 57—71.

расы она отмечает, что, несмотря на культурную и языковую общность алеутов и эскимосов, в физическом типе обеих групп замечается чрезвычайно мало общего. Вместе с тем гораздо больше сходства наблюдается, по ее мнению, с черепами других соседей алеутов — тлинкитов Северо-Западной Америки. При сравнении же алеутских черепов с черепами народов Азиатского материка Токарева выявляет сходство с населением Прибайкалья (в частности, тунгусами).

Токарева считает, что островная, изолированная жизнь алеутов являлась фактором, обусловившим развитие их расового типа по особому пути. Наибольшее сходство алеутский тип обнаруживает с типом населения Прибайкалья. На основании широкого географического протяжения «байкальской» расы, ее глубокой древности Токарева делает вывод, что исходной стадией расового развития алеутов был расовый тип, известный в прибайкальском неолите как тип А. Она предполагает распространение этого типа в некоторую отдаленную эпоху на огромной территории, включавшей бассейн Берингова моря и, может быть, Северо-Западную Америку. Алеутские острова были тоже заселены народом этого расового типа, но, попав в условия изоляции на островах, данный тип изменился в определенном направлении: в сторону брахицранности при сохранении остальных расовых признаков. Механизм этого процесса объясняется повышением наследственной изменчивости в условиях изоляции. К этому выводу, пишет Токарева, был близок и Иохельсон.

Доисторическая эпоха Американского континента была одной из основных тем исследований известного американского антрополога А. Грдлички.⁵⁶ С 1926 г. интерес Грдлички сконцентрировался на изучении Аляски в связи с разработкой теории заселения Американского континента из Азии, последовательным сторонником которой он был. Он проводил антропологические и археологические исследования и во внутренней Аляске, и на путях древних сообщений между Азией и Америкой (т. е. на побережье Берингова моря и прилегающих островах), и на Алеутских островах. Особое внимание Грдличка уделял Южной Аляске, которая рассматривалась им как ареал первоначальных миграционных волн и как «плавильный тигль» для формирования американского человека. Древняя территория Аляски рисуется им как место расселения пришельцев из Азии с пестрым этническим составом.

В 1936—1938 гг. Грдличка производил археологические и антропологические исследования на Алеутских и Командорских островах. По признанию самого ученого, это было кульмиацион-

⁵⁶ Основные печатные труды Грдлички связаны именно с этой темой:
H r d l i č k a A. 1) *Skeletal Remains Suggesting or Attributed to Early Man in North America.* — BBAE, 1907, XXXIII; 2) *Old Americans.* Baltimore, 1925; 3) *Anthropological Survey in Alaska.* — ARBAE, 1931, XXXV; 4) *Lower Jaw.* — Amer. Journ. Phys. Anthropol., 1940, XXVII, № 2—3.

ной частью всех его антропологических исследований на Аляске. Предстояла задача решить проблему, кто были алеуты, как и когда они пришли на острова, был ли кто-нибудь до них на островах и являлись ли Командорские и Алеутские острова вторым маршрутом азиатско-американских миграций. На всех некогда обитаемых островах экспедицией были найдены древние стоянки и погребальные пещеры. Во время экспедиции 1936 г. были проведены исследования на островах Амакнак, Атка, Кыска, Малый Кыска, Кагамил. В 1937 г. были обследованы южная часть п-ова Аляска, острова Уналашка, Уннак, Амакнак, Командорские, Атту, Агатту, Танага, Иляк и Адак; в 1938 г. — Уналашка, Корабль, Уннак, Кагамил, Амля, Канага, Иляк, Амчитка и Командорские. Были доставлены новые доказательства в пользу того, что Командорские острова никогда (до русских путешествий) не были обитаемыми.

К главным результатам проведенных на Алеутских островах исследований Грдличка относил свой вывод о том, что вначале весь архипелаг был заселен «доалеутами», а затем уже «алеутами». И тех и других он считал выходцами с п-ова Аляска. А на островах к западу от Уннака, полагал он, остатки или даже целые общности «доалеутов» жили еще вплоть до прихода русских. Это позволило Грдличке говорить о существовании на островах представителей более древней культуры и более поздней и об интенсивном слиянии обеих.

Вторым важным результатом своих раскопок Грдличка считал вывод о том, что физически «алеуты» не являлись частью народа эскимосского ствола и даже не были близкими родственниками эскимосов.

К третьему достижению экспедиции Грдличка относил получение богатейших коллекций по культуре «алеутов» и «доалеутов». Он надеялся при этом, что последующее изучение их прольет свет на раннюю историю всего района. В изданной в 1945 г. работе он представил только предварительные выводы, среди которых особо отметил несколько положений.⁵⁷ На основании того, что ни в «доалеутский» период, ни в «алеутский» не было замечено следов приспособления к новым условиям, было сделано заключение, что и «алеуты» и «доалеуты» жили прежде в сходных условиях и коренных изменений в образе их жизни с переселением на острова не произошло. «Доалеуты» определены были первыми насеянниками островов, хотя и не очень древними (может быть, с рубежа нашей эры или немного ранее). При основном культурном сходстве на архипелаге в целом отмечена специализация культур по островам и группам островов (например, «алеутские» захоронения в китовых костях на о. Амакнак, «доалеутские» каменные горшки островов Уннак, Амчитка и др.). Далее Грдличка делает вывод, что

⁵⁷ Hrdlicka A. The Aleutian and Commandor Islands and their Inhabitants. Philadelphia, 1945.

материальная культура была принесена на острова вполне сложившейся, соглашаясь в этом с Иохельсоном, а не в зачаточном виде, как предполагал Долл.

Вместе с тем Грдличка отмечает, что, хотя антропологически «доалеуты» и «алеуты» были различными, в культурном отношении они находились на одном и том же уровне. Ближе всего «доалеутская» и «алеутская» культуры стояли к кадьякской, но по ряду черт (в каменных и костяных изделиях) и «доалеуты» и «алеуты» существенно отличались от своих соседей — южных эскимосов.

По мнению Грдлички, «алеуты» антропологически стоят очень далеко от эскимосов и более родственны монголоидам Сибири и индейцам северо-западного побережья. Он допускает возможность того, что одно из многочисленных тунгусских племен (которые варьировали по физическим признакам), распространяясь на восток, достигло алеутско-кадьякского района.

Черепа же «доалеутов», по мнению Грдлички, тоже не эскимосские, а больше напоминают черепа некоторых американских племен, особенно индейцев сиу.

При сравнении «доалеутов» и «алеутов» по соматическим признакам, пишет Грдличка, виден контраст. Данные, показывающие сходство этих групп, он считает результатом продолжительной жизни в одинаковых условиях на островах (функциональное сходство).

В 30—40-х годах в связи с исследованием проблемы путей заселения человеком Нового Света в статьях американских и датских археологов и этнографов Г. Б. Коллинза,⁵⁸ Ф. де Лагуны⁵⁹ и К. Биркет-Смита⁶⁰ обсуждается возможность культурного обмена между Азией и Америкой через цепь Алеутских островов. После периода абсолютного отрицания путей заселения Америки через Алеутские острова (на основании аргументов Долла, Иохельсона и отчасти Грдлички) и определения прародины культуры алеутов в Америке опять поднимается вопрос о том, что Алеутские острова все же служили путем проникновения азиатских культур (и населения) в Америку. Но поскольку прямые археологические свидетельства этого отсутствовали, большое внимание уделяется установлению сходных культурных явлений в Азии и Америке по этнографическим материалам.

Коллинз и де Лагуна представили свидетельства культурного обмена между Камчаткой—Курильскими островами, с одной сто-

⁵⁸ Collins H. B. 1) Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. — SMK, 1937, v. 96, № 1; 2) Culture Migrations and Contacts in the Bering Sea Region. — AA, 1937, v. 39, p. 375—384; 3) Outline of Eskimo prehistory. — SMK, 1940, v. 100, p. 533—592.

⁵⁹ Laguna F., de. The Archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia, 1934.

⁶⁰ Birket-Smith K., Laguna F., de. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. Copenhagen, 1938.

роны, и Алеутскими островами — о. Кадьяк—заливом Кука — с другой, происходившего, по их мнению, через Алеутские острова: вход через крышу в подземных жилищах; овальные каменные лампы; охотничьи лампы с ушком; лабретки; большие костяные наконечники с лезвием, но без зазубрин; гарпунные головки японской формы; наконечники поворотных гарпунов с закрытым гнездом и таким же отверстием для линя и со шпорой, а также ряд других. В результате Коллинз делает вывод, что указания на культурное родство между Южной Аляской и очерченной территорией вдоль восточного азиатского побережья так очевидны, что следует ожидать свидетельств заселения в прошлом местным населением Командорских островов.⁶¹

Биркет-Смитом и де Лагуной был предложен список культурных признаков циркумтихоокеанского круга: прямоугольный дощатый дом; отдельные спальни помещения в доме; лестница в виде бревна с зарубками; устройство частоколов; возвышающиеся строения для хранения запасов; одежда из горизонтально расположенных (полосами) шкурок мелких пушных зверей; передник; каменная обивная техника; каменная ступа; плетение на вертикальных основах (*twisted*); ящики в форме лодок; деревянный колчан; охота на морских животных в открытом море; растительный яд для стрел; рабство, травестизм, обычай отработки за невесту; кремация; шаманские куклы; особое отношение к собаке; звуковые доски; мифы о вороне; сказание о девушке и собаке. Под вопросом были следующие элементы: носовые украшения; представление о девушке-оборотне; палка-копалка; выдолбленный из дерева челнок; ямы для квашения рыбы и др. Направление движения этих циркумтихоокеанских черт предполагалось из Азии (по-видимому, из района Нижнего Амура) по направлению к Северной Америке.⁶²

И в статье американского исследователя Р. Ф. Хейцера о передаче способа охоты с употреблением яда-аконита при посредничестве алеутов из Азии в Америку также ставится вопрос о культурном обмене между Азией и Америкой через цепь Алеутских островов.⁶³

Хейцер описывает по отдельным районам китовую охоту, являющуюся одним из основных промыслов на восточном азиатском берегу от Берингова пролива и до Японии, а на американском — от мыса Барроу до р. Кинаутл. Но только в части этой зоны — на о. Хоккайдо, Курильских и Алеутских островах, на юго-восточном побережье п-ова Аляска и на о. Кадьяк, как устанавливает автор, практиковалась единая и отличная от способов на други-

⁶¹ Collins H. B. Archeology of St. Lawrence Island. . . , p. 377.

⁶² Birket-Smith K., Laguna F., de. The Eyak. . . , p. 519—520.

⁶³ Heizer R. F. Aconite Poison whaling in Asia and America a Aleutian Transfer to the New World. — BBAE, 1943, CXXXIII, p. 415—468.

территориях охота на кита с помощью бросания копья со смазанным ядом-аконитом наконечником. Таким образом, Хейцер предлагает добавить в число культурных элементов и комплексов, пришедших в Новый Свет из Азии через Алеутские острова, и охоту на кита посредством копья с наконечником, смазанным ядом-аконитом.

Американский исследователь алеутов Г. И. Квимби рассматривал алеутов как тихоокеанскую группу эскимосов.⁶⁴ Кроме того, он считал, что алеутская культура по своему характеру не только эскимосская, но и индейская, и сибирская. По ряду черт он находил ее сходной с культурой аляскинских эскимосов, по другим признакам — с культурой северо-западных индейцев, а в некоторых отношениях — с культурой племен Камчатки.

Он предложил следующую гипотезу ранней истории алеутов. Алеуты составляли группу эскимосоязычного охотничьего народа, которая покинула Азию в конце сибирской палеолитической стадии — около 2000 лет назад или значительно ранее. Подобно многим другим эмигрантам до них, древние алеуты переправились в Америку через область Берингова пролива; и так же как некоторые предыдущие эмигранты, говорившие на индейских языках, ранние алеуты были носителями циркумполярной и, очевидно, циркумсеверной (приполлярной) охотничьей культуры, возникшей в Старом Свете. Древние алеуты двигались на юго-запад, пока не были остановлены индейцами со сходной культурой, которые заняли побережье и внутреннюю часть юга Аляски и Британской Колумбии. Тогда алеуты направились на п-ов Аляска, а затем на Алеутские острова. С течением времени новые эскимосские группы вошли клином между алеутами и их индейскими соседями: новопришельцы заняли большую часть п-ова Аляска, берега и острова к северу и к югу от него. Островная жизнь сделала алеутов прекрасными морскими охотниками. На своих кожаных лодках они предпринимали путешествия и к берегам Камчатки. Возможно, что изменение в физическом типе алеутов, пишет Квимби, произошло вследствие смешения с населением Камчатки. Торговые отношения связывали алеутов не только с Камчаткой, но и с соседями — южными эскимосами, через которых шло к ним эскимосское и индейское влияние. В позднейший период южные эскимосы и алеуты находились под сильным влиянием северо-западных прибрежных индейцев (чья культура развилась из старого пласта охотничьей культуры, носители которой блокировали южное движение древних алеутов). Географическое положение алеутов делало их посредниками в распространении азиатских и американских культурных черт вдоль северных тихоокеанских берегов Азии и Америки. Эскимосы Берингова пролива, по предположению Квимби, играли такую же роль, но независимо от алеутов.

⁶⁴ Quimby G. I. Aleutian Islanders. Chicago, 1944.

На основании изучения коллекций Чикагского музея естественной истории, полученных в результате раскопок стоянки на юго-западном берегу о. Амакнак,⁶⁵ Квимби опубликовал ряд статей.

На материале декорированных изделий из двух раскопанных слоев стоянки, более раннего и позднего, Квимби делает вывод о двух периодах «доисторического» искусства на Алеутских островах.⁶⁶ По его мнению, декоративное искусство было более развито в ранней период и менее — в поздний, причем по характеру искусства оба периода сильно различались. Кроме того, считает он, вряд ли можно усматривать развитие от ранней формы искусства к поздней, хотя мотивы раннего стиля встречались на поздних изделиях. Ранний стиль представлен простыми глубоко врезанными линейными знаками на костяных наконечниках гарпунов и копий; поздний — орнаментацией костяных изделий сверлеными точками, округло-гравированными кругами, вставками в центральных точках, жесткими шпорами и т. п.

Ранний период алеутского искусства, по мнению Квимби, сходен с искусством культуры Дорсет.⁶⁷ Кроме того, имеется сходство с некоторыми декорированными изделиями культуры Качемак всех трех периодов ее развития, особенно второго и третьего.⁶⁸ Здесь Квимби приводит предположение де Лагуны о том, что на Алеутских островах, так же как и везде на юго-западе Аляски, имелась допунукская⁶⁹ стадия искусства, которая была сходна с дорсетской.⁷⁰ Поздний же период алеутского искусства напоминает развитый Пунук и современное эскимосское искусство.

Таким образом, Квимби делает вывод о некотором родстве между культурой ранних алеутов и дорсетской, а также об общности культуры Дорсет с древними культурами Юго-Западной Аляски.

В статье о наконечниках поворотных гарпунов Квимби показывает, что коллекция с о. Амакнак иллюстрирует два главных стиля поворотных гарпунов алеутов, из которых каждый харак-

⁶⁵ Коллекции подарены Чикагскому музею А. Р. Канном, раскопавшим стоянку «Д» на том же острове, где вел раскопки Иохельсон. Последний не заметил этой стоянки.

⁶⁶ Quimby G. I. Periods of prehistoric Art in the Aleutian Islands. — AAn, 1945, v. XI, № 2, p. 76—79.

⁶⁷ Культура, существовавшая в Канаде и Гренландии на протяжении более 1500 лет, примерно с середины I тыс. до н. э. и до XIII—XIV вв. н. э.

⁶⁸ Качемак I, II, III — древние эскимосские культуры Юго-Западной Аляски. Просуществовали с VIII в. до н. э. (Качемак I) до XVI в. н. э. (Качемак III). Последняя непосредственно перешла в культуру эскимосов-чугачей и кадьякцев. Качемак I и II относят к палеоэскимосским культурам, а Качемак III — к неоэскимосским.

⁶⁹ Пунук — одна из неоэскимосских культур Берингоморья, существовавших примерно с последних веков до нашей эры и сменившихся уже эскимосскими культурами XV—XIX вв.

⁷⁰ Laguna F., de. The Archaeology of Cook Inlet. . . , p. 209.

теризует определенный культурный период.⁷¹ Наконечники раннего периода снабжены ложем (bed) для копьеца, в то время как наконечники позднего периода снабжены прорезью (stol). Квимби указывает, что стили алеутских наконечников поворотных гарпунов очень специфичны, в целом они могут быть включены в южный аляскинский тип наряду с наконечниками поворотных гарпунов с о. Кадьяк и побережья залива Качемак. Однако, пишет Квимби, поворотный тип гарпунных наконечников, по-видимому, не был основным на Алеутских островах, где различные виды длинных зазубренных костяных наконечников имели более широкое распространение.

В статье о гончарстве на Алеутских островах Квимби отмечает, что, согласно имеющимся историческим сообщениям и свидетельствам предыдущих археологических раскопок, у алеутов не было гончарства (кроме случаев, когда они надставляли глиной стенки своих каменных горшков-сковородок).⁷² По материалам же состоящей из 30 черепков коллекции с о. Амакнак можно говорить о наличии гончарства у алеутов. Большинство образцов так грубо и обильно перемешано с песком и каменными частицами, что с трудом отличаются от каменных. По этой причине, пишет Квимби, а также по сходству с сосудами из камня прежние исследователи не отличали гончарные изделия алеутов от каменных сосудов. Анализ материала, характер поверхности сосудов (были найдены пальцеобразные углубления) указывают, что это все же гончарные изделия. Ни один образец не имеет украшений. Квимби считает, что гончарство о. Амакнак сходно с гончарством побережья залива Качемак,⁷³ но в основном оно имеет уникальный стиль, не родственный другим известным стилям гончарства Аляски. В ранний период, по мнению Квимби, не было гончарства; по-видимому, оно появилось в начале позднего периода и имеет своим прототипом упомянутые каменные горшки-сковородки.

Поздний период Квимби датирует по каменным лампам, бытовавшим на Камчатке и Алеутских островах.⁷⁴ При этом он основывается на тезисе о культурной связи между Южной Аляской, Алеутскими островами, Камчаткой и Курильскими островами.⁷⁵ Квимби присоединяется к гипотезе Коллинза, что данная форма ламп распространялась с Алеутских островов на Камчатку. При раскопках на Камчатке Иохельсон находил такие лампы в жилищах вместе с японскими монетами XII в. Поскольку эти

⁷¹ Quiimby G. I. Toggle Harpoon Heads from the Aleutian Islands. — FMAS, 1946, v. 36, № 2, p. 15—23.

⁷² Quiimby G. I. Pottery from the Aleutian Islands. — Ibid., 1945, № 1, p. 1—13.

⁷³ Laguna F., de. The Archaeology of Cook Inlet..., p. 68.

⁷⁴ Quiimby G. I. Sadiron Lamps of Kamchatka as Clue to the Chronology of the Aleut. — AAn, 1946, v. XI, p. 202—203.

⁷⁵ Collins H. B. Archaeology..., p. 40; Laguna F., de. The Archaeology of Cook Inlet..., p. 410; Heizer R. F. Aconite Poison...

лампы в коллекциях с о. Амакнак представлены только в позднем периоде, то Квимби датирует его временем после XII столетия и до 1741 г., а ранний — до XII в.

Предметам искусства алеутов — деревянным охотничим головным уборам и скульптурным изображениям человека — посвящены две статьи С. В. Иванова, основанные на изучении этнографических коллекций музеев Москвы и Ленинграда. Автор пришел к интересным выводам о месте, занимаемом алеутским искусством среди художественного творчества палеоазиатов и индейцев.

В статье об алеутских охотничих головных уборах Иванов говорит об удивительном сходстве охотничих деревянных головных уборов алеутов и западных эскимосов с зооморфными масками тлинкитов.⁷⁶ Алеутские головные уборы, отмечает он, носят в себе следы очень отдаленной по времени связи с индейскими зооморфными прототипами, что может быть объяснено большим территориальным разделением и ослаблением ранее тесных контактов между алеутами и индейцами. Кроме того, у алеутов и индейцев северо-западного побережья обнаруживаются глубокие корни единой традиции отмечать головной убор вождя конической (и цилиндрической) верхушкой. Общим со многими индейскими племенами от Аляски до Перу является и сюжет «громовой птицы», изображение которой в виде огромного орла, держащего в одной лапе какое-то животное, а в другой человека, имеется на одном алеутском головном уборе. Полихромная роспись алеутских головных уборов также приближает их к индийскому искусству.

Анализ же украшений головных уборов выявил черты эскимосского характера, что Иванов склонен относить к более поздним культурным явлениям и связывать с искусством резьбы по кости палеоазиатов Тихоокеанского побережья и геометрическим орнаментом эскимосов.

В статье о сидячих человеческих фигурках в скульптуре алеутов Иванов отмечает, что поза человека, присевшего на корточки, в скульптуре эскимосов и палеоазиатов северо-востока Азии встречается относительно редко.⁷⁷ В то же время она составляет одну из характерных особенностей (имеющую глубокие традиции) искусства северо-западного побережья Северной Америки. Смешанный характер алеутского искусства Иванов объясняет унаследованием алеутами форм искусства от более древних наследников островов (т. е. «доалеутов», по гипотезе Грдлички).

⁷⁶ Иванов С. В. Aleut Hunting Headgear and its Ornamentation. — ICA, XXIII, N. Y., 1928, p. 477—504. См. также: Иванов С. В. 1) Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, с. 483—504; 2) Орнамент народов Сибири как исторический источник. — ТИЭ, н. с., т. 81, 1963, с. 163—248.

⁷⁷ Иванов С. В. Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов. — СМАЭ, т. XII, 1949.

А о характере «доалеутского» населения автор высказывает предположение, что в нем, возможно, сохранились как древнеиндейские черты, так и позднейшие элементы, появившиеся под влиянием культуры индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Выводы С. В. Иванова об общих с индейскими чертами культуры алеутов представляются еще более интересными в свете данных последних археологических и антропологических исследований, согласно которым «доалеуты» и «алеуты» Грядлики являются одним и тем же народом.

Вопрос происхождения алеутов ставил и Л. С. Берг.⁷⁸ Анализируя материалы ранних сообщений о культуре алеутов и существующие гипотезы об их происхождении, он обратил особое внимание на церемониальный жезл алеутов, изображенный на одной из карт рукописи Вакселя и описанный спутниками Беринга. Такие жезлы, с крыльями или шкуркой сокола на верхушке, были брошены русским алеутами при первой встрече их в море (алеуты, по-видимому, приняли русских за духов). Подобные церемониальные жезлы-калюметы, украшенные перьями, шкурками птиц или их головами, были характерны для индейцев. Берг считает, что если будет доказано существование церемониальных жезлов, подобных калюмету, у алеутов (и эскимосов), то исконное местожительство этих народов нужно будет искать на материке Америка (в занятой теперь тлинкитами области или где-нибудь в Западной Канаде).

* * *

После окончания второй мировой войны начался этап особенно интенсивного археологического и антропологического исследования алеутов американскими учеными. Основные раскопки на Алеутских островах проводились археолого-антропологической экспедицией, возглавляемой В. С. Лафлинным и объединяющей большое число специалистов.

В то же время советскими археологами и антропологами проводились исследования на Дальнем Востоке, побережье Охотского моря, Сахалине, Камчатке, Чукотке, на Курильских островах. В целом ряде работ советских археологов, антропологов и этнографов, хотя и не посвященных прямо алеутам, затрагивались вопросы их этнической истории, что внесло большой вклад в изучение этой проблемы.

А. Спэлдинг, характеризуя в 1953 г. современное состояние археологического изучения алеутов, подчеркивает, что географическое положение и экологические условия Алеутских островов имеют особое значение для решения проблемы ранней истории

⁷⁸ Б е р г Л. С. Открытие Камчатки. . . , с. 226—232; Berg L. S. On the Origin of the Aleuts. — SPSC, 1934, V, p. 2773—2775.

эскимосов.⁷⁹ Он считает, что Алеутские острова были заселены с п-ова Аляска племенами с уже сложившимся морским укладом жизни, умевшими преодолевать значительные водные пространства, т. е. народом эскимосской культуры со всеми ее характерными чертами: техникой охоты на морских животных, лодками из шкур, жировыми лампами и, вероятно, крытыми дерном жилищами. Самые древние археологические даты Алеутских островов, по мнению Сполдинга, предполагают существование еще более древних дат для эскимосской культуры на Аляске. Допуская заселение островов в самые отдаленные времена, Сполдинг надеется, что многие черты самой ранней приморской эскимосской культуры будут представлены здесь в наименее видоизмененном виде из-за ограничивающей ее рамки естественной среды и малых возможностей контакта с материком. Но этнографические данные дают повод предполагать происхождение некоторых элементов культуры непосредственно из Азии, а именно с Камчатки и Курильских островов. Однако, пишет Сполдинг, это кажется невероятным по географическим причинам.

Касаясь истории археологического изучения Алеутских островов, Сполдинг наиболее высоко оценивает работы Иохельсона, считая, что его основные выводы вряд ли будут опровергнуты. Большие надежды возлагает Сполдинг на будущие археологические исследования Алеутских островов, отмечая значительные успехи работ, начатых под руководством Лафлина.

В 1948—1961 гг. в экспедиции Мичиганского университета на Алеутские острова Сполдинг руководил группой (в состав которой входили В. Р. Харт и Х. А. Миллер), проводившей археологические исследования на о. Агатту.⁸⁰ Экспедицией было раскопано древнее поселение у Круглого мыса на юго-западной стороне острова. Радиокарбоновым методом была определена древнейшая дата стоянки — 615 лет до н. э. Сравнивая эту дату с возрастом стоянки Чалука — 1000 лет до н. э., определенным в 1951 г. Лафлином и Маршем, Сполдинг предполагает, что примерно 500 лет понадобилось первым насељникам для достижения с о. Уманак Ближних островов.

Сравнительный материал по о. Агатту, отмечает автор, скуден. Имеются лишь материалы раскопок Грдлички трех стоянок у бухты Мак-Дональда к юго-западу от Круглого мыса. Грдличка отметил основное сходство изделий с о. Агатту с алеутскими вообще, но обратил внимание на имеющиеся особенности каменных орудий и бедность стоянки костяными орудиями.

Материалы стоянки Круглый Мыс дали основание Сполдингу для вывода о малочисленности там типов орудий, особенно костя-

⁷⁹ Spaulding A. C. The current Status of Aleutian Archaeology. — MSAA, 1953, IX, p. 29—31.

⁸⁰ Spaulding A. C. Archaeological Investigations on Agattu, Aleutian Islands. — APMA, 1962, № 18.

ных. Причем особенно характерно отсутствие поворотных гарпунов, сложных рыболовных крючков, каменных с насадом ножей, гарпунных наконечников с гнездом и полированных каменных лами.

Принимая во внимание и замечания Грдлички о материалах бухты Мак-Дональд, Сполдинг высказывает мнение, что особенности инвентаря стоянки Круглый Мыс являются следствием заселения о. Агатту ранними алеутскими группами из района о. Униак, находящегося на противоположном конце цепи. Эти группы принесли с собой простые архаические изделия и сохранили их, находясь в сравнительно изолированном положении в течение более чем тысячелетия. Характер индустрии о. Агатту подтверждает гипотезу, что главный поток диффузии шел с п-ова Аляска на запад.

Т. П. Бенк II, участник той же экспедиции Мичиганского университета, проводил исследования на Уналашке и Амакнаке, а также обследовал места древних поселений на островах Танага, Адак, Атка и Униак и погребальные пещеры островов Кагамил, Канага и Танага.⁸¹ Бенк высказывает предположение о существовании значительных культурных различий в пределах единой алеутской культуры: определенные острова или группы островов, по-видимому, имели локальные центры культурного развития, которые мало влияли один на другой из-за значительной географической изоляции островов, особенно расположенных на противоположных концах цепи. Бенк не считает возможным говорить о второй волне заселения островов, несмотря на очевидное физическое различие населения (*«доалеуты»* и *«алеуты»* — по Грдличке, *«палеоалеуты»* и *«неоалеуты»* — по Лафлину). Он предполагает, что заселены Алеутские острова были единым населением. Но в течение трех или более тысячелетий жизни на островах алеуты дифференцировались физически, культурно и лингвистически. К тому же нужно принимать во внимание полную изолированность западной части цепи и возможность смешения с материковыми группами в восточной части.

Относительно происхождения алеутов Бенк присоединяется к точке зрения, что алеуты — это самые западные и самые южные эскимосы, а, кроме того, может быть, и сохранившие культуру самых древних эскимосов. Но он не исключает возможности прямых контактов алеутов с Камчаткой начиная с самых ранних времен.⁸²

Большая заслуга в разработке проблемы ранней истории алеутов принадлежит современному американскому ученому — антропологу и археологу В. С. Лафлину. Начав исследование алеу-

⁸¹ Bank T. P. II. Cultural Succession in the Aleutians. — AAn, 1953, v. XIX, № 4, p. 40—49.

⁸² Bank T. II. Birthplace of the Winds. N. Y., 1956; Бенк Т. II. Колыбель ветров. М., 1960.

тов еще студентом, в экспедиции 1938 г. под руководством Грдлички, Лафлин продолжил изучение круга проблем, касающихся ранней истории алеутов и эскимосов, древних путей переселения их на Аляску, древних культур северной части Тихоокеанского побережья.

С 1948 г. Лафлин руководит полевыми исследованиями на Алеутских островах, проводя их совместно с антропологами, археологами, этнографами, лингвистами, биологами, геологами.

Особое значение для исследуемых вопросов имели раскопки древнего поселения Чалука, открытого еще в 1938 г. Грдличкой на юго-западной оконечности о. Умнак. Еще большее значение, и не только для решения вопросов ранней истории алеутов, но и этнической истории всего северотихоокеанского ареала, для решения вопроса заселения Америки имело открытие Лафлиным и Мейем и последующее изучение стоянки Анангугла на одноименном острове.

Лафлин не сразу приходит к своим конечным выводам, изложенным в его последних работах, на протяжении многих лет он анализирует все новые и новые материалы исследуемого ареала. В своих работах он учитывает и достижения советской антропологической школы (Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин).

Уже в самых первых своих работах Лафлин выдвигает положение, что эскимосы дают прекрасный образец полиморфизма, с главными восточно-западными градациями и со многими локальными вариантами.⁸³ Основные семьи эскимосов были выделены еще Грдличкой, но алеутов он не относил непосредственно ни к эскимосам, ни к индейцам. Лафлин же приходит к выводу, что алеутов можно считать морфологическим вариантом эскимосов. Полиморфизм эскимосов, выраженный преимущественно в форме головы, существует с основным сходством в группах крови. Но и основные морфологические признаки, считает Лафлин, также предполагают близкое родство алеутов с эскимосами. Брахицефалия и низкая головная высота алеутов, по его мнению, не должны сильно отличаться от показателей соседних с ними групп эскимосов. Основная же часть эскимосов, живущих в западной части Аляски, брахицефальная. Эта брахицефальность отличает их от длинноголовых восточных эскимосов, которые раньше считались классическим типом (и с которыми прежние исследователи сравнивали алеутов). И действительно, сравнительное антропометрическое изучение алеутов и эскимосов Бристольского залива показало незначительные различия между ними. Было выяснено, что серии показателей форм головы эскимосов идут последо-

⁸³ Lauglin W. S. 1) The Alaska Gateway Viewed from the Aleutian Islands. — In: Viking Fund Summer Seminar in Phisical Anthropology 4-th Sept. 1949. Papers the American Indian, 1951; 2) Blood Groups, Morphology and Population Size of the Eskimo. — In: Origin and Evolution of Man, Gold Spring Harbor Symposium on Quantitative Biology, v. 15, 1950.

вательно от сравнительно длинноголовых эскимосов Гренландии и Арктического океана к более круглоголовым эскимосам побережья Берингова моря и крайне круглоголовым алеутам восточных островов Алеутской гряды и южного берега Аляски. Лафлин и Марш отрицают наличие у алеутов индейской примеси как определяющей их круглоголовость.⁸⁴

Лафлин ставит вопрос и о причине возникновения двух подразделений алеутов: восточных и западных. Он критически оценивает заключение Грдлички о двух последовательных этапах заселения Алеутских островов «доалеутами» и «алеутами», не считая их представителями разных народов. Восточных и западных алеутов он рассматривает как две ветви («изоляции») одного и того же народа. Исходя из этого, было признано более целесообразным называть «доалеутов» Грдлички «палеоалеутами», а «алеутов» — «неоалеутами».

Археологический материал стоянки Чалука, пишет Лафлин, показал, что у алеутов приморская культура существовала с начала заселения островов (свыше 4000 лет назад).

В работе 1952 г. Лафлин отмечает, что значение антропологической проблемы алеутов и эскимосов Южной Аляски становится все более актуальным в связи с выдвинутым в последние годы предположением, что юго-западная часть Аляски была родиной эскимосов.⁸⁵ Можно ожидать также, считает Лафлин, что некоторые общие черты эскимосов и индейцев имеют начало в наиболее ранних и многочисленныхprotoалеутоэскимосах.

Рассматривая древность и вариабельность материальной культуры алеутов,⁸⁶ Лафлин указывает, что большое число локальных вариантов эскимосов и алеутов очень затрудняло определение алеутов как народа эскимосского ствола. Хотя в целом алеутская культура довольно единообразна во времени, раскопки в Чалуке показали большое число единовременных стилей. А этнографический материал иллюстрирует даже индивидуальность в изготовлении отдельных предметов. Но, как уже указывалось, еще более важное значение, чем исследования Чалуки, имели раскопки на о. Анангугла. Древние орудия на этом острове были найдены еще в 1938 г. во время третьей экспедиции Грдлички на Алеутские острова. Краткое сообщение об этом было сделано Лафлином в 1951 г.⁸⁷ В 1952 г. Лафлин вернулся к исследованиям на Анангугле. Там были собраны коллекции отщепов (lamellar flakes), многогранных нуклеусов (polyhedral cores) и оббитых орудий

⁸⁴ Laug hlin W. S., March G. H. A New View of the History Aleutians. — Arctic, 1951, v. 4, № 2.

⁸⁵ Laug hlin W. S. Contemporary Problems in the Anthropology of Southern Alaska. — Science in Alaska, Washington, 1952.

⁸⁶ Laug hlin W. S. Aleut-Eskimo Community. — UAAP, 1952, v. I, № 1.

⁸⁷ Laug hlin W. S. Notes on an Aleutian Core and Blade Industry. — AAn, 1951, v. XVII, № 1.

(chipped tools). В 1954 г. Лафлин и Марш публикуют эти материалы и свои предварительные выводы.⁸⁸ Поскольку на стоянке было обнаружено много заготовок орудий, авторы сделали вывод, что это мастерская, а не место поселения. Но позже они отказались от этого предположения. Подлинное значение Анангулы раскрылось только после сенсационных датировок ее (см. ниже, с. 52).

В 1956 г. в докладе на XXXII конгрессе американистов Лафлин подчеркивал, что «алеутская проблема» заключает в себе ряд важных вопросов: направление движения населения, состав его, изменение и вариабельность населения и его культуры, связи между отдельными группами населения («изоляциями») и их культурами.⁸⁹ Лафлин отметил, что изменения, произошедшие в культуре алеутов со времени заселения островов, отражены в последовательных слоях стоянки Чалука. Они включают изменения в технике выделки, в форме или стиле и в количестве тех или иных объектов. Но все главные категории вещей, такие как лодки, лампы, наконечники поворотных гарпунов и т. п., по-видимому, были представлены во все времена. Важным является вывод Лафлина, что увеличение брахицефалии — обычная тенденция во многих эскимосских группах, что хорошо может быть прослежено на населении Западной Аляски.

В 1961 г. Лафлин и Ридер публикуют работу, в которой излагают методологические принципы, используемые ими при разработке проблем ранней истории населения Южной Аляски и Алеутских островов.⁹⁰ При исследованиях учитываются эволюционные изменения, связанные с развитием существенных физических различий, отличающих самое раннее население Южной Аляски (палеоалеуты и палеоконяги) от позднего (неоалеуты и неоконяги). Большое значение уделяется экологическим исследованиям. Древние, хорошо стратиграфированные археологические стоянки дают возможность описать соотношения между наиболее важными промысловыми животными, другими пищевыми ресурсами и людьми внутри этой субарктической экосистемы. Сочетание таких наук, как антропология, археология, ботаника, зоология, геология, отмечают авторы, необходимо при исследовании стоянок.

В информации о продолжающихся раскопках стоянки Чалука Лафлин в 1961 г. сообщает, что среди других интересных находок здесь были найдены остатки жилища в виде кольца из камней.⁹¹

⁸⁸ Laughlin W. S., Marsh G. H. The Lamellar Flake Manufacturing Site on Anangula Island in the Aleutians. — AAn, 1954, v. XX, № 1.

⁸⁹ Laughlin W. S. Neo-Aleut and Paleo-Aleut Prehistory. — ICA, XXXII, Copenhagen, 1956, p. 516—530.

⁹⁰ Laughlin W. S., Reeder W. G. Rational for the Collaborative Investigation of the Aleut-Konyag Prehistory and Ecology. — ArA, 1961, v. I, № 1.

⁹¹ Laughlin W. S. Archaeological Investigations on Umnak Island, Aleutian. — ArA, 1961, v. I, № 1.

Радиокарбоновым анализом определен возраст новых находок — 2000 лет до н. э.

Новые материалы и новая датировка позволили сделать ряд дополнительных выводов.⁹² Длинноголовые палеоалеуты, по мнению Лафлина, обнаруживают некоторое сходство с ишиутакскими людьми мыса Хоп, описанными Г. Ф. Дебецом,⁹³ и с палеоконягами. Но серия скелетных находок из нижних слоев Чалуки представляет древнейших несомненных монголоидов, не считая китайских находок. Следовательно, для окончательных выводов необходимо знание законов эволюции в развитии антропологических типов и древности монголоидного типа. Авторы теперь ставят вопрос: были ранние алеуты (палеоалеуты) вытеснены неоалеутами или же палеоалеуты в результате эволюции развились в неоалеутов. Достаточно длительный период времени, считают они, является показателем возможности эволюции.

Рассматривая происхождение эскимоско-алеутского ствола, Лафлин учитывает многие данные по этому вопросу (от Л. Г. Моргана и Ф. Боаса до Г. Ф. Дебеца, И. В. Юргенсона, Б. Ковна, М. Г. Левина и др.).⁹⁴ Эскимоско-алеутскую проблему он тесно связывает с заселением Америки, с индейцами, с процессами расообразования.

Лафлин указывает на большое значение для эволюции и расселения эскимосов экологических условий и определенных культурных достижений, определяющих экономику. Одновременно Лафлин поднимает очень интересный вопрос о соотношении индейцев и эскимосо-алеутов.⁹⁵ Он подчеркивает, что эскимосы и алеуты имеют расовое родство скорее с азиатскими монголоидами, чем с индейцами. Различие между эскимосами и индейцами настолько велико, что позволяет предполагать очень большую древность их расхождения. Но этого различия могло не быть ранее 4000—6000 лет назад. А, кроме того, возможно, что когда-то имело место соприкосновение протоэскимосоалеутов с протовакашскими народами.

Определяя скелетные характеристики ранних алеутов (палеоалеутов), Лафлин отмечает их сильное отличие от центральных и восточных эскимосских типов, но некоторое единство с ишиутакскими людьми и палеоконягами.⁹⁶ Сходство с аляскинскими индейцами еще не выяснено из-за малочисленности находок скелетов.

⁹² Laughlin W. S., Reeder W. G. Revision of Aleutian Prehistory. — Science, 1962, v. 137, № 3533.

⁹³ Debetz G. F. The skeletal remains of the Ipiutak Cemetery. — ICA, XXXIII, v. 2, San Jose, 1958, p. 57—67.

⁹⁴ Laughlin W. S. Generic problems and New Evidence in the Anthropology of the Eskimo-Aleut Stock. — In: Arctic Ist. North America. Technical Papers, № 11. Montreal, 1962, p. 100—112.

⁹⁵ Laughlin W. S. Bering Strait to Puget Sound: Dichotomy and Affinity between Eskimo-Aleuts and American Indians. — Ibid., p. 113—125.

⁹⁶ Laughlin W. S. Earliest Aleuts. — UAAP, 1963, v. X, № 2.

летных остатков тлинкитов и атапасков. Возможно, пишет Лафлин, что самые ранние алеуты и коняги, так же как и другие ранние южные и западные эскимосы, покажут больше сходства с ранними индейцами, чем позднее население этих территорий (если ранние алеуты и коняги действительно отражают начинаяющуюся или частичную дифференциацию между монголоидной эскимосско-алеутской ветвью и индейцами), т. е. похоже, что существующее различие увеличилось со временем, но этот вопрос требует дальнейших исследований.

Лафлин останавливается на вопросе о том, что эскимосы и алеуты предоставляют нам единственный случай для изучения микроэволюции в истории населения с точки зрения генетики, биологической и культурной адаптации.⁹⁷ Условиями для этого являются древность населения, наличие эволюционных изменений в последовательных группах и присутствие вариаций, обусловленных распределением этого населения по длинной береговой линии. Подобное изучение возможно благодаря наличию таких стратиграфированных стоянок, как Чалука, богатых изделиями, остатками фауны и человеческими скелетами. Кроме того, изучение групп крови современных индивидуумов обеспечило вывод об основном сходстве всего эскимоско-алеутского ствола и отличии его от индейского (хотя такой признак, как общность редкой группы N, и объединяет эскимосо-алеутов и индейцев). Лингвистическое многообразие и вместе с тем единство внутри представителей эскимосско-алеутского ствола также дают ценный материал для выводов.

Однако самым важным событием в истории изучения «алеутской проблемы» и всей ранней истории народов Тихоокеанского Севера было определение возраста стоянки Анангугла, оказавшейся, как показало ее стратиграфическое исследование, не мастерской, а местом поселения древнего человека. Три даты древности этой стоянки были получены в результате радиокарбонового анализа материалов раскопок 1962 г.: 8425 ± 275 , 7990 ± 230 и 7660 ± 300 лет. Присутствие большого числа каменных орудий на стоянке иллюстрирует богатство каменной индустрии и дает ценный сравнительный материал (хотя скелеты и остатки фауны здесь отсутствуют). Новая картина этнической истории Аляски смежных с нею территорий и истории заселения Америки, указывает Лафлин, возникает в связи с такой датировкой стоянки Анангугла и результатами последних геологических исследований, которые устанавливают существование в древности (в период плеистоцен) на части нынешнего Берингова моря сухопутного моста из Азии в Америку — Берингоморской платформы. Исследованиями Р. Ф. Блэка, который занимается геологическим изучением

⁹⁷ Laughlin W. S. Eskimos and Aleuts: Their origins and Evolution. — Science, 1963, v. 142, № 3593, p. 363—645.

этой территории, установлено, что 8000 лет назад о. Анангула составлял с о. Умнак единую территорию, а 12 000 лет назад территория о. Умнак входила в состав материка Америка и представляла край п-ова Аляска и южный угол древней Берингии, соединившей Азию с Америкой. Ранние мигранты из Азии, считает Лафлин, прошли вдоль южного края платформы и достигли богатых охотничьих земель без потери контакта с морем, снабжившим их пищевыми ресурсами. Острова Св. Лаврентия, Нунивок и Прибылова, подобно Умнаку и Анангуле, являются, согласно новой гипотезе, остатками высоких холмов на этой теперь затопленной платформе.

В то же время сравнение находок из Анангулы и Чалуки позволило Лафлину сделать вывод, что изделия нижних слоев последней примерно того же рода, что и стоянки Анангула, т. е. между ними существует преемственность. Следовательно, и орудия Анангулы представляют технику народа морской культуры, подобного палеоалеутам 4000-летней давности, — длинноголовой монголоидной группы.

Индустрия Анангулы, по мнению Лафлина и исследовавшего вместе с ним стоянку в 1962—1963 гг. японского археолога М. Ешизаки, сходна с каменной индустрией Японии и Сибири XI—VII тыс. до н. э., а именно с микролитической индустрией Саккотсу на о. Хоккайдо, орудиями стоянки Арай на о. Хонсю и стоянки Будун в Сибири. Она определена как более азиатская по облику, чем орудия так называемой микролитической арктической традиции, ранним представителем которой является кремневый комплекс Денби.

Стоянка же Чалука представляет собой место обитания алеутов на протяжении 4000 лет. Здесь сохранились хорошо стратиграфированные человеческие скелеты, орудия охоты, остатки жилищ, фауны и др. При сравнении разных слоев Чалуки стало ясно, что в стилях найденных в них орудий и других предметов обихода происходили изменения, и эти слои сопровождались скелетными остатками сначала палеоалеутов, затем неоалеутов. Вместе с тем в целом характер стоянки на протяжении этих 4000 лет показывает удивительную стабильность: нет указаний на заметные изменения в образе жизни ее обитателей, в характере использования природной среды. Это позволило Лафлину сделать вывод, что, по-видимому, не было новых миграций (неоалеутов), а имели место только внутренние изменения как в области культуры, так и в физическом типе обитателей.

Таким образом, вопреки предположению Грдлички о двух последовательных волнах разного населения Лафлин и Марш выдвигают теорию эволюции палеоалеутов («доалеутов» Грдлички) в неоалеутов («алеутов» Грдлички).

Основываясь на материалах стоянки Анангула, Лафлин рисует картину непосредственного (а не через Аляску) заселения эски-

мосами и алеутами Нового Света из Азии. Берингоморская платформа была обитаема смежными «изоляциями», простиравшимися от о. Хоккайдо до места расположения современного о. Уннак, вероятно, от 10 000 до 15 000 лет назад. На Берингоморской платформе в районе о. Уннак были очень благоприятные условия для расцвета приморской культуры ранних монголоидных групп благодаря богатству морской фауны. Так как освобождение от оледенения шло с запада к востоку, население распространялось в двух направлениях: следуя за отступающим ледником и двигаясь в лодках к западным Алеутским островам. Лафлин считает, что после установления современных очертаний суши основные миграции закончились.

Возраст самых ранних известных алеутских скелетов около 4000 лет древности. Ранние скелеты кадьякцев немного более поздние, легко отличаются от алеутских. Население этих районов не становится более схожим, но подвергается некоторым параллельным изменениям.

Лафлин считает, что монголоиды представляют собой результат сравнительно недавнего эволюционного развития, которое произошло в течение последних 15 000 лет, а истоки их эволюции связаны со среднеплейстоценовым синантропом.

В 1964 г. Лафлин и Блэк на основании геологических свидетельств отодвигают даты стоянки Анангула с 8000 до 12 000 лет. Авторы пишут, что каменная индустрия Анангулы (*lamellar flake industry*) дожила до наших дней благодаря уникальной комбинации геологических факторов, сохранивших эту стоянку.⁹⁸ Возможные древние стоянки обитателей края Берингоморской платформы — народов с морской ориентацией культуры — находятся сейчас под многими метрами воды. Что это были люди с культурой, ориентированной на море, свидетельствует стоянка на о. Анангула. Это самая древняя стоянка на Берингоморско-Аляскинском побережье. Азиатское происхождение ее не вызывает сомнений. Возможность находок в этом районе культур старше, чем Анангула, маловероятна. Поднятием уровня моря большинство более ранних стоянок затоплено, а эрозия морских берегов произвела дальнейшие опустошения. Последнее же оледенение Аляски стерло здесь следы древнего человека. Единственное место на Берингоморско-Аляскинском побережье, где предположительно может быть найдена стоянка старше Анангулы, — это восточные Алеутские острова.

Итогам изучения ранней истории алеутов, а также конягов («алеутско-коняцкой предыстории») посвящен целиком один из

⁹⁸ Black R. F., Laughlin W. S. Reports. Anangula: A Geologic Interpretation of the Oldest Archeologic Site in the Aleutians. — Science, 1964, v. 143, № 3612, p. 1321—1322.

номеров «Arctic Anthropology» под редакцией В. С. Лафлина и В. Г. Ридера.⁹⁹

В первой статье сборника на основании новейших данных изложена геологическая история Берингоморского побережья Аляски в эпоху заселения Америки человеком.¹⁰⁰

В разделе «Aleutian Studies» представлены статьи, тщательно анализирующие материалы раскопок стоянок Анангуга, Чалука и Порт-Моллер.

В статье А. П. Мак-Картни и К. Г. Тернера II излагаются исследования Анангугы: ее местоположение, итоги раскопок 1952, 1962 и 1963 гг., последовательность слоев залегания вулканического пепла, итоги радиокарбонового анализа и основы экономики ее обитателей.¹⁰¹ Авторы приходят к выводу, что возраст стоянки превышает 8000 лет. Люди жили на этом мысу сравнительно короткое время, о чем свидетельствуют тонкая культурная зона и однородность изделий внутри нее. Они видят в Анангуге остатки ранних охотничих и собирательских групп обитателей Берингоморской платформы, не обнаруживающих сходства с культурными комплексами и традициями Аляски и Нового Света.

В статье В. С. Лафлина и Д. С. Эйгнер дан анализ каменной индустрии Анангугы.¹⁰²

Материалы стоянки Чалука рассматриваются в трех статьях. В статье Д. С. Эйгнера анализируются полученные во время раскопок 1962 г. («траиншип А») костяные орудия и исследуются декоративные мотивы Чалуки.¹⁰³ Костяные орудия, представленные в материалах раскопок охотничими орудиями (составными рыболовными крючками, наконечниками копий, головками гарпунов, наконечниками гарпунов) и орудиями труда (шильями и иглами, клиньями для расщепления дерева и кости, терками для охры и др.), даны в соответствии с четырьмя слоями стоянки и классифицированы по типам. Найденные украшения (лабретки, подвески) также даются с указаниями на слои стоянки и типы. Эти материалы позволили проследить изменения в экономике алеутов и художественных стилях на протяжении четырех слоев стоянки, датируемых 1700—1300 гг. до н. э. — IV слой, 1200—1100 гг. до н. э. — III слой, 1100—700 гг. до н. э. — II слой и 700 г. до н. э. —

⁹⁹ Сборник посвящен памяти А. Грдлички.

¹⁰⁰ Black R. F. Late Pleistocene to Recent History of Bering Sea-Alaska Coast and Man. — ArA, 1966, v. III, № 2, p. 7—22.

¹⁰¹ McCartney A. P., Tigner C. G. II. Stratigraphy of the Anangula Unifacial Core and Blade Site. — Ibid., p. 28—40.

¹⁰² Laughlin W. S., Aigner J. S. Preliminary Analysis of the Anangula Unifacial Core and Blade Industry. — Ibid., p. 41—56.

¹⁰³ Aigner J. S. Bone Tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island. — Ibid., p. 57—83. — Эйгнер выделяет в стоянке Чалука четыре (а не семь, как Денистон) слоя. Они соотносятся следующим образом: I и II слои Денистон соответствуют I слою Эйгнера; III и IV — II; V—VI — III, а VII — IV слою.

500 г. н. э.— I слой. Отмечено, что стили изделий Чалуки даже самых ранних периодов отличаются в основном от стилей вещей о. Кадьяк и п-ова Аляска.

Статья Г. Б. Деннистон о культурных изменениях в Чалуке также основана на материалах раскопок 1962 г. («траншеи А»).¹⁰⁴ Автор выделяет в стоянке семь слоев и три культурных уровня: Нижняя Чалука (уровни VII—V), Средняя Чалука (уровни IV—III) и Верхняя Чалука (уровни II—I); основываясь на анализе раскопанных жилищ и каменного инвентаря, делает вывод, что наиболее резкое культурное изменение в Чалуке падает на промежуток между слоями III и II (между Средней и Верхней Чалукой), тогда как остальные слои обнаруживают более стабильное развитие основной традиции каменной индустрии.

Экономике древних алеутов, какой она предстает по раскопкам в Чалуке, посвящена статья Л. К. Липпольд.¹⁰⁵ В ней отмечается, что Чалука представляет собой стабильную приморскую адаптацию охотничих и собирательских групп.

Статья В. Б. Воркмана о раскопках стоянки Порт-Моллер (юго-западная часть п-ова Аляска) раскрывает интересный вопрос о месте данной стоянки в ранней истории Юго-Западной Аляски.¹⁰⁶ В противоположность мнениям о принадлежности ее предкам эскимосов-аглекмитов или же варианту древней культуры залива Кука (Качемак III) автор, основываясь на большом материале последних раскопок, склонен определить культуру этой стоянки как алеутскую. Таким образом, устанавливается протяженность древнего расселения алеутов на п-ове Аляска до Порт-Моллера. Возраст стоянки — 2500—3000 лет до н. э. — позволяет приравнять ее к древним культурам Юго-Западной Аляски и Алеутских островов.

Статья Лафлина, в которой он определяет два черепа из Порт-Моллера как палеоалеутские, является подкреплением позиции Воркмана в характеристике стоянки Порт-Моллер в качестве алеутской.¹⁰⁷

В 1967 г. в сборнике «Bering Land Bridge», посвященном в основном геологическому обоснованию существования в плейстоцене Берингоморского сухопутного моста между Азией и Америкой, была опубликована статья Лафлина о древних миграциях человека и населении берингоморского ареала.¹⁰⁸

¹⁰⁴ Dennison G. B. Cultural Change at Chaluka, Umnak Island: Stone Artifacts and Features. — Ibid., p. 84—124.

¹⁰⁵ Lippold L. K. Chaluka: the Economic Base. — Ibid., p. 125—131.

¹⁰⁶ Workman W. B. Prehistory at Port Moller, Alaska Peninsula, in Light of Fieldwork in 1960. — Ibid., p. 132—153.

¹⁰⁷ Laughlin W. S. Paleo-aleut Crania from Port Moller, Alaska, Peninsula. — Ibid., p. 154.

¹⁰⁸ Laughlin W. S. Human Migration and Permanent Occupation in the Bering Sea Area. — In: The Bering Land Bridge. Ed. by D. M. Hopkins. Stamford, 1967.

Признание того обстоятельства, пишет Лафлин, что восточные Алеутские острова были раньше частью Берингоморского моста и что живущие там алеуты являются потомками первоначальных обитателей этого участка суши, предоставляет ценные данные для понимания происхождения монголоидов Берингова моря и американских индейцев. Берингов мост был огромной территорией, простиравшейся с юга на север на 1500 км. Южный прибрежный район был экологически совершенно не схож с внутренними районами, и на этой основе возникло различие между прибрежными племенами и племенами — охотниками внутренних территорий.

Предки алеутов и эскимосов, считает Лафлин, так же как, возможно, и предки чукчей, коряков и камчадалов, являлись постоянными населенниками берегового края моста, древние же индейцы были внутренними его обитателями. Более близкую связь алеутов и эскимосов с азиатскими берингоморскими монголоидами (чукчами, коряками, камчадалами), чем с американскими индейцами, Лафлин объясняет прибрежной (предков алеутов и эскимосов) и внутренней (предков индейцев) их адаптацией на Берингоморской платформе. Таким образом, различие между алеуто-эскимосами, с одной стороны, и индейцами — с другой, Лафлин склонен объяснить экологическим обособлением, а не разным временем миграций. Останавливаясь на условиях жизни во внутренней части моста и вдоль южного его побережья, Лафлин отмечает более благоприятные условия жизни в прибрежной зоне благодаря широкой возможности собирательства у морского берега, помимо охоты и рыболовства. Длительность обитания в этом районе (свыше 8000 лет) Лафлин объясняет особым положением данной территории, которая являлась «экологическим магнитом» как для морских животных, так и для людей.

Стоянка Анангугла, имеющая сходство скорее с древними азиатскими культурами, чем с аляскинскими, прямо указывает на береговые миграции из Азии. А между Анангуглой и Чалукой есть свидетельства преемственности: сходство каменной индустрии, близость этих двух территорий (до разделения их проливом — короткий сухопутный путь) и отсутствие возможностей вторжения извне (смежный кадьякский ареал, по имеющимся данным, был заселен не ранее 5000 лет назад).

Стоянка Чалука начинается довольно развитой приморской культурой, предполагающей длительный предшествующий период адаптации в этом ареале. Последующие ее слои демонстрируют изменение в стилях, но сохранение основного образа жизни. Верхний же слой Чалуки показывает переход к культуре современных алеутов — и поныне часть холма Чалука занимают алеуты, жители селения Никольского. Таким образом, современные алеуты, считает Лафлин, являются потомками людей древнего Берингоморского моста. Предки же эскимосов вынуждены были

мигрировать в более суровые районы Арктики, а предки индейцев заселили весь Американский континент. Лафлин подчеркивает, что эта гипотеза еще нуждается в значительном числе добавочных доказательств, которые могли бы дать новые ранние стоянки и скелетный материал.

Работы Д. Е. Дюмона, посвященные ранней истории населения Аляски, а особенно археологическому изучению северо-восточной части п-ова Аляска, освещают и вопросы происхождения алеутов.

В одной из своих статей Дюмон рассматривает классификацию эскалиутских народов по лингвистическому принципу, используя данные лексико-статистического анализа для определения времени расхождения отдельных языков.¹⁰⁹ Эту классификацию он сопоставляет с археологическими данными.

Район, где можно искать общих лингвистических предков алеутов и эскимосов, по его мнению, ограничен Алеутскими островами и Южной Аляской. И это, по-видимому, было время между 6000 и 4000 гг. до н. э.

Далее, он предлагает такую гипотезу. Народы, говорившие наprotoэскимосоалеутском языке, жили до 4000 г. до н. э. и были родственны людям, остатки культуры которых представлены на о. Анангугла. С одной стороны, они являлись предками носителей арктической традиции малых орудий, а с другой — предками людей Чалуки и современных алеутов. Традиция малых орудий Арктики возникла уже после разделения эскалиутов на эскимосов и алеутов. И индустрия Анангуглы, считает он, может в какой-то мере быть предком арктической традиции малых орудий. Носители последней — первые несомненные эскимосы, по языковому признаку и адаптации к холодным морским побережьям.

Исследования древних стоянок в системе рек Накнек, Броокс и на берегу залива Кука на Тихоокеанском побережье предоставили материал, позволяющий определить границу распространения палеоалеутской культуры на п-ов Аляска и ее взаимосвязи с соседними.¹¹⁰ В частности, на основании сравнения двух коллекций: стоянки Альдер на о. Тэкли на Тихоокеанском побережье п-ова Аляска, возраст которой 4000—3000 лет до н. э., и стоянки Круглый Мыс на о. Агатту (группа Ближних островов), датируемой 600 г. н. э., Дюмон делает ряд выводов. Он устанавливает сходство каменного инвентаря этих двух стоянок по многим решающим признакам: пропорциям основных классов орудий, специальному сходству ножей, лезвий дротиков и черенков

¹⁰⁹ Dumond D. E. On Eskaleutian Linguistics, Archaeology and Prehistory. — AA, 1965, v. 67, № 5, pt. 1, p. 1231—1257.

¹¹⁰ Dumond D. E. 1) Two Early Phases from the Naknek Drainage. — ArA, 1963, v. I, № 2, p. 93—104; 2) Eskimos and Aleuts. — In: VIII Internat. Congress of Anthrop. and Ethnogr. Sciences. III. Tokyo, 1970, p. 102—107.

лезвий копий. Стоянка Круглый Мыс расценивается им (вслед за Сполдингом) как самая периферийная из палеоалеутских культур и наиболее архаическая. Из-за временного разрыва эти стоянки не могут быть определены как имеющие одного предка. Но, опираясь на материал раскопок на Тихоокеанском побережье Аляски, Дюмон приходит к выводу, что около 4000 лет до н. э. предками алеутов были заселены территории по Тихоокеанскому побережью п-ова Аляска до залива Кукак. Происходил ли этот народ из Анангулы, пишет он, еще неизвестно.

В статье 1970 г. А. П. Мак-Картни вновь (после Квимби) возвращается к вопросу, существовало ли гончарство на Алеутских островах.¹¹¹ Он обращается при этом (как и Квимби) к коллекциям А. Р. Канна с о. Амакнак. Повторное изучение (с привлечением специалистов-геологов) содержащихся в коллекциях фрагментов сосудов для приготовления и хранения пищи позволило убедиться в том, что они были вырезаны из туфоподобных вулканических пород, а не вылеплены из глины. Таким образом, предположение Долла и Иохельсона об отсутствии у алеутов гончарства вновь получило подтверждение и Алеутский архипелаг вновь стал признаваться зоной бескерамической культуры, в то время как у соседних эскимосских групп (Южной и Юго-Западной Аляски) гончарство существовало. Границу распространения гончарства на п-ове Аляска показывает не имеющая гончарных изделий стоянка Порт-Моллер (самая крайняя из известных алеутская стоянка на п-ове Аляска). Традиция изготовления каменных сосудов прослеживается на Алеутских островах со стоянки Анангула, как показали находки 1963 г. фрагментов каменных сосудов, датированных VI и VII тыс. до н. э.

Вопрос о соотношении археологических культур востока и запада Алеутских островов вновь и на более обширном археологическом материале поднимается Мак-Картни.¹¹² На материале стоянок Ближних островов (Атту, Агатту и др. — материалы раскопок Иохельсона, Грдлички, Сполдинга и сборы времен второй мировой войны) он обосновывает точку зрения об особой культурной фазе этой группы островов, отличной от культур центральных и восточных островов цепи. Возникновение (в итоге движения населения из центральных островов цепи) и существование этой фазы, длившейся, возможно, от 1000 г. до н. э. до 1000 г. н. э. или много позже, автор связывает с особой географической изоляцией островов: крайним западным положением в цепи и к тому же самым большим в архипелаге расстоянием от ближайших групп островов (Крысих). В противоположность Сполдингу и Дюмону Мак-Картни не определяет характер изделий Ближних островов

¹¹¹ McCartney A. P. «Pottery» in the Aleutian Islands. — AA 1970, v. 35, № 1, p. 105—108.

¹¹² McCartney A. P. A Proposed western Aleutian Phase in the Near Islands. — ArA, 1971, v. VIII, № 2.

как вызванный упрощением и движением вспять по сравнению с характером коллекций центральных и восточных островов. Он отмечает прекрасную выработку изделий и особый их стиль. Мак-Картни высказывает сомнение в обоснованности предположения Дюмона относительно сходства материала стоянки Альдер на о. Тэкли с материалом стоянки Круглый Мыс Ближних островов и утверждения, что материал с о. Тэкли выступает как предковый по отношению к материалу стоянки Круглый Мыс. Отличительные же особенности фазы Ближних островов Мак-Картни считает результатом географической изоляции и стилистического дрейфа, явившегося следствием изоляции.

Вопрос происхождения алеутов рассматривался в последние десятилетия советскими исследователями преимущественно не как самостоятельный, а как входящий составной частью или в проблему происхождения северо-восточных палеоазиатов, или в эскимосскую проблему.

Г. Ф. Дебец, выделяя локальные группы арктической расы, в числе пяти типов называет и алеутский.¹¹³ Он отмечает, что вопрос о систематике алеутского типа очень сложен. Выявленное Т. Я. Токаревой сходство алеутских черепов не с эскимосскими, а с черепами прибайкальских эвенков действительно имеет место, а Грдличка «принял гипотезу Токаревой, изложив ее, впрочем, в примитивно-метафизической форме». Но Дебец не считает возможным брать черепной указатель за основу классификации, ибо это приведет к отрыву от генеалогического принципа. Как показано Дебцем, типы, выделенные только на основании высотного диаметра, иногда образуют отдельные «островки», которые не отличаются от остальных типов данной области по другим важным признакам. Таков и алеутский «островок» среди чукчей и эскимосов. По комплексу же признаков, наиболее существенных для генеалогической классификации монголоидов Северной Азии и прилегающих районов Америки, алеуты должны быть, считает Дебец, отнесены именно к арктической расе.

Деление черепов алеутов Грдличкой на «алеутские» и «предалеутские» и утверждение в связи с этим, что современные алеуты не являются потомками древних обитателей островов, встретило решительное возражение Дебца. Изменения черепных указателей во времени, пишет он, притом без всякой возможности рассматривать их как следствие миграций, зарегистрированы теперь во всех частях света. Дебец ссылается на М. Г. Левина, который на основании материалов того же Грдлички убедительно обосновал наличие процесса брахикефализации и в северной части Тихого океана. Археологические же данные даже самого Грдлички

¹¹³ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. — ТИЭ, н. с., т. 17, 1951, с. 73—75.

свидетельствуют о полной преемственности в культуре «преалеутов» и «алеутов» и, главное, указывают на поздний возраст «преалеутских» погребений. Предполагаемое же Грдличкой переселение алеутов из Азии и вытеснение ими «преалеутов» пришлось бы на время, отстоящее на два-три столетия от времени открытия островов русскими, что несомненно нашло бы отражение в данных этнографии и лингвистики.

Таким образом, круглая форма мозгового черепа, согласно Дебецу, не является указанием на древнее обособление алеутов от эскимосов. По-видимому, это было следствием островной изоляции их, как это правильно предполагала Токарева.

Однако алеуты отличаются от эскимосов не только по черепному указателю, но и по ряду характерных краниологических признаков (высота черепной коробки, ширина носа, высота лица). Но и по этим признакам Дебец считает, что «преалеуты» занимают в общем промежуточное положение между эскимосами и алеутами как группа, находящаяся в состоянии перехода от эскимосского типа к алеутскому. В условиях же изоляции одни признаки утверждали специфические «эскимоидные» особенности, другие, наоборот, усилились. Такая концепция, по мнению Дебеца, лучше согласуется с этнографическими и лингвистическими фактами, чем предложенные Токаревой и Грдличкой.

Следовательно, Дебец считает алеутов хотя и наиболее обособленной, но все же локальной формой арктической группы.

Разработка Левиным проблемы происхождения эскимосов дает отправную точку для формирования взглядов на раннюю историю алеутов. Это, во-первых, развернутая критика гипотез происхождения эскимосов как результата миграций, принесших в область Берингова моря сложившийся где-то вне этой территории хозяйственный и культурный комплекс, и обоснование теории о формировании эскимосов и их культуры и языка в итоге длительных и сложных процессов в областях, примыкающих к Берингову морю. Затем — определение алеутов как антропологически близкого эскимосам народа. Левин показал несостоятельность теорий «эскимосского клина» (острием которого некоторые из них называли алеутов), считавших эскимосов пришельцами или из лесных областей Канады (Боас, Иохельсон), или из островной Юго-Восточной Азии (Руденко), или из Северо-Западной Сибири (Ларсен и Рейни).¹¹⁴

Большое значение для антропологического изучения алеутов сыграл ряд теоретических положений, разработанных Левиным. Выявленное прежними исследователями различие в антропологическом типе эскимосов и алеутов противоречило их культурной

¹¹⁴ Левин М. Г. 1) Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 212—218, 238—248; 2) [Рец. на:] Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — СЭ, 1949, № 1.

и лингвистической близости. Это явилось основой для ряда гипотез о разном происхождении алеутов и эскимосов. Левином еще в 1947 г. была высказана мысль, что смена долихокраниального типа мезокранием является результатом эпохальной изменчивости — следствием процесса брахицефализации.¹¹⁵ Это было подтверждено Дебецом. При оценке различий в типе между отдельными локальными эскимосскими группами, пишет Левин, следует учитывать также, что на этих группах вследствие большой их разобщенности не могло не отразиться влияние длительной изоляции. В условиях же изоляции и малочисленности популяций, каковыми являются отдельные группы эскимосов, с особой интенсивностью сказываются процессы внутригрупповой изменчивости. К этому же мнению, отмечает Левин, пришел и Лафлин (1951 г.) при доказательстве расового единства эскимосов, в пределах которого алеуты были определены как группа, родственная эскимосам.

Исследования Р. С. Васильевским древнекорякской культуры на основании археологических раскопок 1930—1932 (М. Г. Левина и В. И. Левина), 1946 (под руководством А. П. Окладникова), 1955—1956 (Магаданского краеведческого музея), 1958—1961 и 1964 гг. (самого Васильевского) в северной части Охотского побережья освещают вопросы формирования культур морских зверобоев в северном секторе Тихого океана.¹¹⁶

Представляют значительный интерес выявленные Васильевским параллели древнекорякской культуры по целому ряду категорий орудий, а особенно по комплексу костяных изделий, с палеоалеутской; обнаружены параллели и в каменном инвентаре. Сходны, по его мнению, и древнекорякские гарпуны (типа А) с дорсетскими (типа II), а древнекорякские наконечники (типа 2) с наконечниками культуры Качемак I. Вместе с тем Васильевский отмечает отличие по многим решающим, специфическим чертам древнекорякской культуры от основных эскимосских культур. Он делает вывод, что древнекорякская, охотская и палеоалеутская культуры по основным чертам значительно отличаются от эскимосских культур северо-востока Азии, Северной и Северо-Западной Аляски. Исходя из этого, он устанавливает северотихоокеанский круг культур морских зверобоев, охватывающий северную часть Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова, Охотское побережье, Камчатку, Алеутские острова, о. Кадьяк и частично побережье Юго-Западной Аляски. Эскимосские культуры Северо-Восточной Азии, Северной и Северо-Западной Аляски выделя-

¹¹⁵ Левин М. Г. К антропологии эскимосов. — СЭ, 1947, в. VI—VII.

¹¹⁶ Васильевский Р. С. О первоначальном формировании древнекорякской культуры в северной части Охотского побережья. — В кн.: Вопросы соц.-экон. жизни Сибири и Дальнего Востока. В. И. Новосибирск, 1968, с. 312—320; 2) Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

ются им в другой круг культур морских зверобоев, с центром в районах Юго-Западной Аляски, независимый от первого.

Археологические раскопки на Южном Сахалине в 1953—1955 гг. дали основание Р. В. Козыревой (Чубаровой) говорить о сходстве каменного и костяного инвентаря древних культур Сахалина (I тыс. до н. э.) с культурами Курильских и Алеутских островов и древнеэскимосскими (особенно с культурой Дорсет). Рассматривая вопросы этнической принадлежности древних культур Сахалина, Козырева попыталась выдвинуть гипотезу о дайнском населении — тончах, вытесненных будто бы айнами на Алеутские острова. Культуру тончей она относит к приморским и связывает с кругом северных эскимосских культур.¹¹⁷

В результате исследований Н. Н. Дикова на Камчатке были открыты многослойные стоянки у Ушковского озера — Ушки I, II, IV — с нижними палеолитическими слоями, возраст которых по C^{14} 14—15 тыс. лет (Ушки I—VII слой — ранняя ушковская верхнепалеолитическая культура) и 11—13 тыс. лет (Ушки I, II, IV—V и VI слои — поздняя ушковская верхнепалеолитическая культура). Открытие палеолита на Камчатке позволило добавить новые существенные данные к гипотезе о путях первоначального заселения Америки из Азии.¹¹⁸ До этих находок прямых археологических свидетельств, указывающих на территории, по которым шли древние миграции из Азии в Америку, не было.

Диков указывает на сходство камчатского палеолита с южносибирским поздним палеолитом (Афонтова Гора II, Красный Яр, Федяевская, Верхоленская Гора) и палеолитом Монголии. Далее, Диков усматривает в каменной индустрии Камчатки близость к древним докерамическим культурам Японии. И наконец, отмечает заметное техническое сходство с некоторыми позднепалеолитическими и раннемезолитическими комплексами на Аляске (Юнион-Портейдж, Хилли-Лейк, Анангула и др.). Говорит он даже о точном сходстве иволистых с отжимной ретушью каменных наконечников верхних горизонтов Ушковских стоянок с американскими раннемезолитическими наконечниками кордильерских стоянок. Ушковские же черешковые наконечники из нижнего слоя, по его мнению, являются предположительно реликтами наиболее древней протоиндейской культуры.

Соответственно палеогеографической обстановке того времени (гримальдийской регрессии мирового океана в эпоху наибольшего развития последнего оледенения) Диков указывает вероятный

¹¹⁷ Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина. — СЭ, 1957, № 4; Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967.

¹¹⁸ Диков Н. Н. 1) Открытие палеолита на Камчатке и проблемы первоначального заселения Америки. — В кн.: История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967, с. 16—31; 2) Древние кости Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 102—119, 155—158, 206—213; 3) Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.

путь миграции исходных для Америки культур из областей к юго-западу от Охотского моря на северо-восток, на Камчатку и далее по Берингоморскому сухопутному мосту в Америку. Не отрицают он возможности одновременного заселения и северным путем.

Истоки же эскимосской культуры, сложившейся уже в Америке, Диков видит, во-первых, в распространении отдельных элементов культуры с юга, со стороны Камчатки, через Алеутские острова (II—I тыс. до н. э.). Более же позднее распространение элементов эскимосской культуры шло, по его мнению, с берегов Берингова пролива (в середине I тыс. до н. э.), а затем (со II тыс. н. э.) с Аляски и Канады на запад в сторону Колымы.

Большое значение придает Диков находкам на Камчатке лабреток, характерных для алеутов, эскимосов и индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Он приводит доказательства в пользу южного происхождения этих украшений и перенесения обычая их использования к алеутам, а затем уже к эскимосам.

Исследование социального строя алеутов наряду с изучением этих вопросов у эскимосов было предпринято Л. А. Файнбергом.¹¹⁸ Основываясь на широком археологическом материале об этапах развития культуры эскимосов и алеутов, Файнберг делает вывод, что культура алеутов в том виде, в каком ее застали русские, в большей степени, чем эскимосская культура того же времени, сохранила черты древней социальной организации. Установив наличие у алеутов материнского рода, находящегося, правда, в стадии разложения, Файнберг делает выводы о существовании в прошлом материнского рода и у эскимосов. Таким образом, Файнбергу удалось показать, что типично «бездоровое» общество эскимосов, каким его считает большинство буржуазных ученых — противников концепции о единстве исторического процесса, в действительности прошло через эпоху материнского родового строя, как и все другие народы земли.

И. С. Вдовин, поставив проблему историко-культурных связей северо-восточных палеоазиатов (в частности, ительменов и коряков восточного побережья Камчатки) с эскимосами и алеутами, приводит целый ряд археологических, исторических свидетельств, широкий этнографический материал и данные лингвистики, иллюстрирующие общие элементы культуры коряков и ительменов с алеутскими. Эту общность автор считает скорее всего результатом длительных непосредственных связей названных народностей, которые существовали на Тихоокеанском побережье Камчатки. Опираясь на данные археологических исследований, проведенных в последние два десятилетия на побережье Охотского моря, Камчатке, Сахалине и Хоккайдо, автор делает вывод, что предки але-

¹¹⁸ Файнберг Л. А. 1) К вопросу о родовом строе у алеутов. КСИЭ, т. XXIII, 1955; 2) Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964

утов некогда были обитателями западного побережья Хоккайдо, видимо, Курильских островов и несомненно восточного побережья Камчатки.¹²⁰

Вопросы эскимосско-алеутской языковой общности и ее отношение к другим языкам исследуются Г. А. Меновщиковым.¹²¹ Он отмечает, что история заселения и освоения человеком северо-восточных окраин Сибири и субарктической зоны Северной Америки связывается со все еще не до конца ясной историей образования и разделения эскимосско-алеутской языковой общности. Остается вопросом и генетическое родство эскимосско-алеутских языков с другими языками.

Происхождение алеутского и эскимосского языков от единой языковой основы не подлежит сомнению, подтверждает Меновщик. Но кардинальное различие в лексике этих языков, относящееся к названиям морских животных и предметов приморской культуры, дает основание для вывода, что разделениеprotoэскимосо-алеутов могло иметь место в период прихода их на морское побережье или в более ранних экологических условиях примитивной континентальной культуры. Можно предполагать, считает Меновщик, что общий protoэскимосо-алеутский язык к периоду разделения его носителей имел вполне развитившийся грамматический строй и соответствовал той примитивной палеолитической культуре, с которой protoэскимосо-алеуты пришли на новые земли много тысяч лет тому назад. Далее, высокий уровень островной культуры алеутов был достигнут уже в результате тысячелетий обособленного развития на Алеутских островах. Само же алеутское общество, оказавшись разрозненным по отдаленным островам, в языковом отношении развивалось неравномерно, что имело существенное влияние на образование нескольких алеутских диалектов.

Меновщик приходит к выводу, что генетическое родство эскимосско-алеутских языков с урало-алтайскими и индоевропейскими не находит убедительного подтверждения на основе наличия фактов типологического сходства их отдельных строевых элементов. Что же касается контактных связей, то они обнаруживаются при сравнении лингвистических данных более всего между эскимосско-алеутскими языками и палеазиатскими Чукотки

¹²⁰ V d o v i n I. S. The Traces of an Aleut-Eskimo Culture on the Kamchatka Pacific Shore. — In: XI Pacific Science Congress (Tokyo, 1966). Moscow, 1966; Вдовин И. С. Следы алеутско-эскимосской культуры на Тихоокеанском побережье Камчатки. — В кн.: Страны и народы Востока. В. XIII. М., 1972, с. 41—51.

¹²¹ М е н о в щ и к о в Г. А. 1) Эскимосско-алеутские параллели. — В кн.: Уч. зап. Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена. Т. 167. Л., 1960, с. 171—192; 2) Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Мат. Всесоюзн. конф. 1973 г. Томск, 1973, с. 12—15; 3) Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям. — ВЯ, 1974, № 1, с. 46—59.

и Камчатки, менее всего — с другими языками Дальнего Востока, Сибири и Северной Америки.

Вопросы антропологии алеутов исследовались в недавние годы сотрудниками кафедры антропологии Московского государственного университета под руководством Ю. Г. Рычкова.¹²² Это изучение было предпринято в связи с исследованиями проблем коренного населения северной части Тихоокеанского бассейна, а также проблем адаптации населения древней Берингии.

Прежде всего необходимо привести вывод исследователей о том, что алеуты Командорских островов являются действительно алеутами, несмотря на существующее мнение о их гетерогенности. Командорская популяция, по их мнению, отличается от прочих алеутских популяций не более, чем эти последние между собой.

Полученными популяционно-генетическими материалами обосновывается вывод о близости алеутов Командорских островов (а следовательно, и алеутов вообще) к населению Северо-Восточной Азии в целом в не меньшей степени, чем к народам западного полушария (т. е. индейцам).

Очень интересно и заключение авторов о том, что алеуты островов Уналашкинского отдела (восточные алеуты) оставили наибольший след в генетической структуре современного поколения алеутов Командорских островов. Это объясняет и наибольшее расхождение между командорскими алеутами и группой Атту-Атка, с одной стороны, и подтверждает генетическое уклонение группы Атту-Атка, наиболее западной и отдаленной в цепи, от алеутов о. Уналашка (восточная группа) — с другой. Отсюда следует предположение, что на крайних западных островах (Ближних и Крысих) сохранялась наиболее изолированная и не затронутая влияниями с Американского континента (как это отмечается для восточных алеутов) группа алеутов. Это отводит исследованиям западных алеутов решающее значение при выяснении проблемы древности заселения южной окраины Берингии и при решении все еще неясного вопроса о развитии от палеоалеутов к неоалеутам.

Далее, представляет интерес то обстоятельство, что при сравнительном изучении таких обладающих свойствами генетических маркеров признаков, как некоторые аномалии черепа, подтвердились указания Т. Я. Токаревой и А. Грдлички на сходство алеутов с населением неолитического времени Прибайкалья. Это расценивается авторами в качестве еще одного примера воспроизведения особенностей родоначальной группы, как принципиальное свойство популяционной системы современного населения.

¹²² Рычков Ю. Г., Шереметьева В. А. Популяционная генетика алеутов Командорских островов (в связи с проблемами истории народов и адаптации населения древней Берингии). — ВА, 1972, в. 40, 41.

Авторы дают и схему вероятного пути командорской популяции: от «монголоидов Северной Азии и Америки» через «народы Северной Азии» к «палеоазиатам Северной Азии», «чукчам и эскимосам», затем к «эскимосам азиатским». И уже рядом с последними располагаются командорские алеуты.

* * *

Как видно из обзора истории «алеутской проблемы», большинство исследователей в той или иной мере решало вопросы, откуда и когда пришли алеуты, каким путем шло заселение островов, были ли алеуты первыми их населенниками.

Нужно признать, что до последнего времени основной вопрос — откуда пришли предки алеутов и когда — решался в плане миграции их или с северо-восточного азиатского побережья (Стеллер, Вениаминов, Квимби, Коллинз, де Лагуна, Хейцер, Козырева), или из Аляски (Долл, Иохельсон, Грдличка, Сполдинг, Бенк) в период от 3000 лет назад и позже. И только исследования Дебеца, Левина, Дикова, Васильевского, Лафлина позволяют рассматривать формирование алеутов, со всеми особенностями их физического типа, языка и культуры, как происходившее на той же территории, где застали их первые европейцы, т. е. на Алеутских островах (и части п-ова Аляска).

Второй важный вопрос, который ставился при решении проблемы происхождения алеутов, — каким путем шло заселение Алеутских островов. Обсуждение этого вопроса неизбежно приводило большинство авторов к вопросу о заселении Америки вообще, о древних путях миграций человека из Азии в Америку. Здесь наметились две точки зрения: заселение с запада, через Камчатку и Командорские острова, и заселение с востока, через Аляску. Но географическое положение Алеутских островов давало мало возможностей для предположений о западном пути и уже в сравнительно раннее время возникает предположение о существовании сухопутного моста между Азией и Америкой (Долл, Иохельсон). Но все же целый ряд современных авторов (Квимби, Сполдинг, Бенк) придерживался мнения о заселении островов с востока, через Берингов пролив и Аляску. Обоснование Лафлиным на основе данных современных геологических исследований пути предков алеутов через Берингоморскую платформу, подкрепленное материалом стоянки Анангула (показывающей время, соответствующее существованию этого моста), дает наиболее убедительное решение этой проблемы.

Вопрос о том, были ли алеуты первыми населенниками островов, обсуждался с начала их археологических исследований. Здесь точка зрения о двух волнах заселения островов (Грдличка, Квимби, Лафлин — на первом этапе исследований) или даже трех (Долл) противопоставлена точке зрения о едином по времени их

заселении (Иохельсон, Сполдинг, Бенк, Лафлин). Археологические исследования последних лет, возглавляемые Лафлином, предоставили свидетельства в пользу единовременного заселения островов.

Вопрос соотношения эскимосов и алеутов также стоит перед исследователями. И здесь мы видим разные точки зрения: полное признание алеутов южной группой эскимосов (Квимби, Бенк), отделение алеутов в большей или меньшей степени от эскимосов (Долл, Иохельсон, Токарева, Грдличка) и, наконец, определение такого отдаленного времени их расхождения, что оно обусловило самостоятельное этническое формирование алеутов (Меновщиков, Лафлин, Диков, Васильевский).

ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ.
ОРУДИЯ И СРЕДСТВА МОРСКОГО ПРОМЫСЛА

Тип хозяйства алеутов, сложившийся к XVIII в., был тесно связан с природными условиями островов и традициями приморского уклада жизни, характерного в целом для представителей северотихоокеанской культурно-исторической области.

Суровая и негостепримная на вид область, занимаемая алеутами, в действительности являлась благоприятной для ведения приморского охотниче-рыболовно-собирательского хозяйства. Берингово море, омывающее с севера цепь островов, богато было ластоногими и китами. В окружающих архипелаг морях водились палтус, треска, камбала, сельдь, терпуг, кижуч, в речки на острова заходили на нерест лососевые. Бесчисленные скалистые острова с птичьими базарами создавали возможность для промысла птиц и сбора яиц. В литоральной зоне морского берега можно было собирать съедобных моллюсков, иглокожих, ракообразных и пр.

Ко времени прихода русских плотность населения здесь была даже большей, чем среди индейцев Флориды, штатов Нью-Йорк или Новая Англия до прихода европейцев.¹

Но для обеспечения пищевыми ресурсами такого многочисленного населения, занимающегося охотой и рыболовством и ведущего оседлый образ жизни, помимо естественных богатств края, необходим был и достаточно высокий уровень производительности труда, что достигается, как известно, степенью развития средств производства и формой организации труда. Наличие именно такого уровня производительности труда можно предполагать у алеутов к середине XVIII в. Мы попытаемся показать это, рас-

¹ Collins H. B., Clark A. H., Walker E. H. *The Aleutian Islands: their People and Natural History*. Washington, 1945, p. 2.

смотров орудия и средства труда, форму организации промыслов, нормы распределения добычи и, наконец, характер общественных отношений (см. ниже, с. 106 слл.).

Основу хозяйства алеутов указанного периода, как свидетельствуют все ранние источники, составляла охота на морских животных. Важным добавлением к ней являлось рыболовство: морское (ужением) и промысел рыбы в речках во время сезонного хода морских рыб. Промысел водоплавающих и морских птиц также играл значительную роль в хозяйстве. Подсобное значение имели собирательство в приливно-отливной зоне, а также сбор съедобных кореньев и ягод.

Море и морской берег служили для алеутов источником всех необходимых средств существования. Из шкур морских бобров, котиков, нерп, сивучей они шили одежду, их же использовали в качестве постелей. На одежду шли также шкурки морских птиц. Шкурами сивучей, нерп и моржей обшивали байдарки и байдары. Мясо морских животных, рыб, птиц и продукты собирательства являлись пищей. Из выкидываемого на берег дерева делали оставы жилищ и различные изделия (каркасы лодок, древки орудий, метательные дощечки, охотничьи головные уборы, домашнюю утварь); из костей морских животных и клыков моржей — наконечники стрел и копий. Ребра и челюсти больших китов использовали при постройке жилищ.

Необходимо отметить, что на территории, занимаемой алеутами, круглый год имелись естественные пищевые ресурсы (хотя были сезоны более обеспеченные пищей и менее) — море около Алеутских островов не замерзало.

Хозяйственно-бытовой цикл алеутов складывался следующим образом.

В конце апреля прилетали летние птицы и появлялись у островов морские звери — секачи (самцы) котиков и сивучей, на которых в это время начинали охотиться в море. С конца же апреля начинали промысел рыбы, входившей из моря в речки для метания икры. Рыба разных видов шла до осени (с некоторой разницей во времени на отдельных островах).

В мае продолжали добывать секачей котиков и сивучей и рыбу. С мая до июля охотились в море на морских бобров.

В июне и июле промышляли котиков (в том числе самок, которые появлялись у островов в конце мая), морских бобров и рыбу.

Охоту на птиц начинали с половины июля (с момента оперения птенцов) и продолжали почти до самого отлета птиц, т. е. до сентября.

Моржи заплывали летом только в немногие проливы вблизи п-ова Аляска. Приходили лишь очень старые или очень молодые самцы. Их промышляли в это время на лежбищах.

Летом же охотились и на китов, которыми в данное время года изобиловало Берингово море, а также удили в море рыбу.

В октябре—ноябре добывали котиков, возвращавшихся с севера и направлявшихся к югу.

После окончания этих промыслов из-за холодной погоды и сильных ветров в море переставала ловиться рыба. Алеуты питались запасами мяса котиков, сухой рыбы, икры, жира, кореньев сараны, а когда они кончались, собирали моллюсков в приливно-отливной зоне и морскую капусту.

Зимой заплывали к островам из северной части Берингова моря тюлени (нерпы). Их промышляли у берега с помощью манщиков. Традиционный хозяйственно-бытовой уклад отражен в календаре алеутов, который приводит в своем труде И. Вениаминов.² Он пишет, что каждый месяц имел свое название, связанное главным образом с промыслами зверей, птиц и сезонными явлениями. Названия эти не всегда одинаковы, ибо существовали некоторые различия между островами по времени появления промысловой дичи, видам ее и т. д.

Исчисление месяцев алеуты начинали с марта.

Март назывался *кадугих* — «передний» или *кисагунак* — «время, когда едят кожу за недостатком пищи». В словаре алеутско-лисьевского языка дан термин '*γλαμ ылян κάдик*' — «время, в которое едят в юрте».³

Апрель — *агалю'игих кисагунак* — «месяц, в который в последний раз едят кожу». Это время прилета летних птиц и прихода морских зверей — котиков, сивучей. В словаре дается термин *сабаган κάдик* — «время, когда едят уже вне дома».

Май — *ичичхух* или *чигум түгидá* — «месяц цветков» — время промысла сивучей и котиков-секачей. В словаре дается термин *сагасангулюк* — «время, когда мало спят».

Июнь — *чиэллим түгидá* или *чагалигим түгидá* — «месяц птенцов и новорожденных морских зверей». В словаре дается термин *садигнам түгидá* — «месяц, в который звери жиреют».

Июль — *садигнам түгидá* — «месяц, когда жиреют молодые звери». В словаре дается термин *чагалилым түгидá* — «месяц, в который рождаются нерпенки и прочие земноводные».

Август — *үгнам* или *'үхнам түгидá* — «теплый месяц, в который начинают вянуть травы». В это время птенцы уже летают, а у морских зверей детеныши становятся самостоятельными. В словаре дается следующее пояснение названия этого месяца: «месяц, в который вянет трава и все звери начинают терять тучность».

Сентябрь — *чиг'лим түгидá* — «месяц, в который шерсть у всех зверей и оперение у птиц становятся наилучшими» (т. е.

² Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. II. СПб., 1840, с. 256—258.

³ Здесь и далее первое значение дается по: Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 256—258; второе: Вениаминов И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846, с. 2—69.

«звери становятся выходными»). В словаре дан следующий перевод: «месяц, в который звери переменяют шерсть».

Октябрь — *кымаджим тугида*, — «промышленный месяц». В словаре дается термин *кимадгим тугида* — «время, в которое ловят зверей, и в особенности котов».

Ноябрь — *кимадгим канин тугида*, — «последпромысловый месяц». В словаре дается термин *агальгалик* — «время, в которое более не занимались ловлей зверей».

Декабрь — *агалгугак* или *агалгалук* — «месяц, в который промышляют нерп манщиками». В словаре этот месяц назван главным — «всем месяцам месяц» (вероятно, длинный) — *тугидигамак*.

Январь — *тугидигамак* — «большой, главный месяц». В словаре дается термин *анулгилик* — «время, в которое появляются урилы».

Февраль — *анулгиляк* — «урилий месяц», так как в это время промышляют урилов силками. В словаре дается термин *кисагунак* — «время, в которое очень часто едят ремни по нужде».

Охота на морских животных производилась и в море, и на лежбищах. На морских бобров охотились преимущественно в море. Охота на берегу была и очень опасна и малопродуктивна (бобры только при самом бурном море выходили на берег, но и то на мало доступные для людей места). Охотники отправлялись в море обычно группой в три-четыре и более байдарок⁴ и шли на таком расстоянии друг от друга, чтобы между байдарками можно было увидеть бобра. Первый, увидевший бобра, сигнализил поднятием весла и шел по направлению к животному, остальные тоже старались окружить его. С каждым нырянием бобра круг становился все уже (во время первого ныряния бобр может пробыть под водой 20 минут, затем все менее, доходя, наконец, до полминуты). После попадания в бобра первого гарпуна метали второй, третий и т. д. Раненный гарпуном зверь уже не мог скрыться, так как наконечник оставался в его теле, отделившись от головки древка, привязанное же к наконечнику древко тащилось за ним по воде (перпендикулярно движению зверя, так как противоположный конец короткого маута был раздвоен и привязан к верхней части древка и к нижней), тормозя его ход, а при приближении бобра к поверхности воды обнаруживало его торчащим кверху легким концом. Чтобы бобр не утонул, последним в него бросали гарпун с надутым пузырем. Если бобров было несколько, то большая группа охотников распадалась на отдельные отряды.

Об охоте на бобров на лежбищах («каменьях») имеется сообщение Т. И. Шмалева: «Те промыслы делают тамошние народы, езда

⁴ Имеющиеся в литературе сообщения о больших охотничих партиях алеутов (до 100—200 байдарок), снаряжавшихся для промыслов морских бобров, относятся к периоду существования русских промысловых компаний на островах. Инициатива создания таких партий целиком принадлежала русским промышленникам, а позже — Российской-Американской компании.

на каменья, а по камчатскому наречию называемые отрядыши, сколь бы оные далеко от острова ни были, на своих малых байдарках, в которой по одному человеку сидя».⁵ В этом же сообщении говорится и о способах охоты на бобров русских промышленников, в частности с помощью сетей: «Прежде, до приходу промышленных, тамошние народы промышляли бобров стрелами, однакож не из лука, но из дощечки их бросая, которыми могут в пятнадцати саженях бобра застрелить и поранить. И потому их промысел весьма в малом числе состоит, но по обычае российских промышленных, во-первых, производили стрельанием из винтовок, когда

Рис. 3. Манщик из шкуры тюлена, разрисованный красками. (Колл. МАЭ, № 571-37).

бобры на камень выходят, чем против тамошних народов несравненно больше получали, ныне и того прибыточнее, потому что употребляют сети не толстой пряжи и около каменья ставят, и как бобр часто в своем ходу ныряет, тогда в те сети запутывается и скоро умирает».⁶ Этим сообщением опровергается встречающееся иногда в литературе утверждение, что и алеуты употребляли для охоты на бобров сети.

Так же, как и на бобров, на море охотились на котиков, сивучей и других ластоногих.

Котиков промышляли и на лежбищах, отгоняя животных дальше от воды, где они становились беспомощными. Наиболее эффективной была охота группами. Несколько человек, вооружась дрыгалками (специальные палки для битья котиков), заходили цепью вдоль берега, отрезая котиков от воды и отгоняя их дальше от берега, и убивали ударом по носу.

Охотники отправлялись на лежбище нерп, котиков и в одиночку, как это упоминается в одной из алеутских сказок.⁷

⁵ ЦГАДА, ф. 199, д. 528, ч. 2, л. 10—10 об. — Т. И. Шмалев посыпал академику Г. Ф. Миллеру материалы, составленные на основании рапортов и журналов промышленников.

⁶ ЦГАДА, ф. 199, д. 528, ч. 2, л. 10—10 об.

⁷ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. III. СПб., 1840, с. 23.

Отгонная охота на сивучей производилась таким же образом, но только старались выбрать время, когда при стаде не было самцов, опасных и на суше.

К моржам, лежащим на берегу, старались подойти со стороны моря и заколоть копьями ближайших к воде; их туши загораживали путь к морю остальным, очень неповоротливым на суше животным.

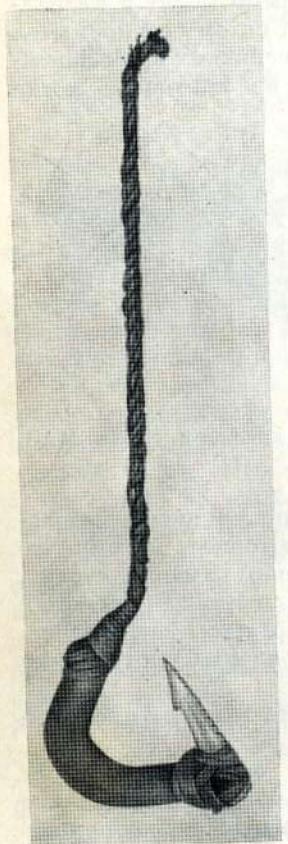
Нерп промышляли и в море, и отгонами, и с берега гарпуном.

В последнем случае употреблялся манщик — надутое чучело нерпы (рис. 3). Охотник, притаившись на берегу и положив манщик перед собой, имитировал крик самки. Когда плавающая нерпа подходила близко, охотник бросал в нее гарпун и вытаскивал на берег, где и добывал ударом дрыгалки или копья. Такой способ охоты имел характер индивидуального промысла.

Из многих видов китов, обитавших у Алеутских островов, алеуты промышляли малого полосатика — *алямак*. Для охоты на китов в море могла выйти и группа охотников, и даже только один охотник. В обоих случаях охота имела индивидуальный характер. Охотник подплывал к киту сзади и метал (при помощи метательной дощечки) в него копье, стараясь нанести рану поближе к переднему плавнику, затем поспешно уходил прочь. То же делалось со вторым, третьим и следующими китами. Обсидиановый наконечник копья, смазанный растительным ядом (аконитом), оставался в теле кита. Через 2—3 дня раненый кит умирал, и при благоприятном ветре его выбрасывало на берег. Хотя при таком способе охоты из 10 раненных китов алеуты получали примерно одного, но при изобилии их в Беринговом море и сноровке охотников киты были частой добычей.

Рис. 4. Рыболовный крючок составного типа.
(Колл. МАЭ, № 4087-15).

На Алеутских островах с весны до осени обитает множество кайр, чистиков, чаек, которые образуют на островах птичий базары, прилетают также гуси и утки. На птиц алеуты охотились с шатинами (особыми копьями), ловили их в силки (или петли) из китового уса. На промыслы птиц отправлялись как группами, так и поодиночке.

Кроме морской охоты и охоты на птиц, мужчины занимались также и ужением рыбы в море. Для этого употреблялись костяные крючки, привязываемые к лесе из морской капусты или сухожилий (рис. 4, 5). Этот промысел мог быть и индивидуальным.

Добыча рыбы во время сезонных нерестилищ была в основном делом женщин. На этот период женщины собирались группами (из мужчин в группу включались 2—3 старика или больные) и заблаговременно расселялись по уже заранее известным местам. Во время таких промыслов в устьях рек устраивали запруды из

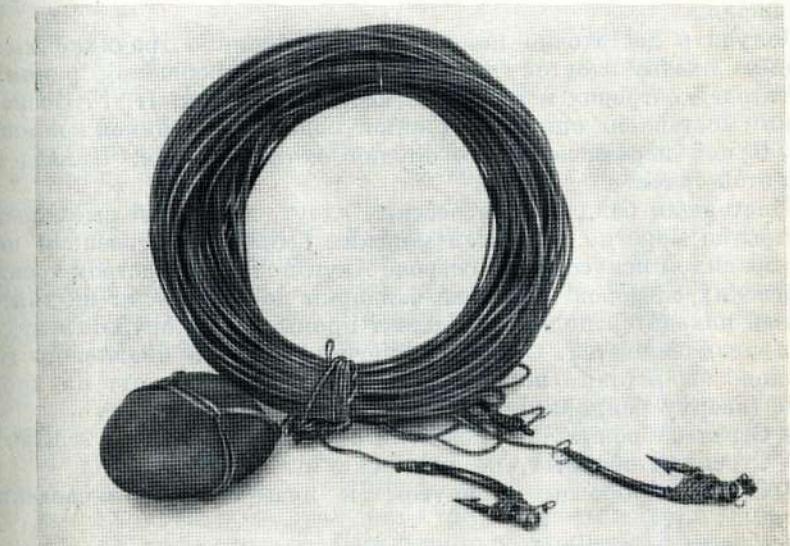

Рис. 5. Леса из морской капусты с костяными составными рыболовными крючками и каменным грузилом. (Колл. МАЭ, № 4104-29).

камней. Били рыбу при этом копьем (острого) и ловили саками, плетенными из сухожилий. Здесь же женщины приготовляли и юколу. О традиционных способах ловли рыбы и рыболовных орудиях дают представление записки А. А. Баранова: «...рыбу промышляют в море на уды костяные, с сделанными из длинной капусты и привязанными к оным поводками, а речную колют носками, к шестику утвержденными, костяными ж, и делают из каменьев запоры, где во время большого ходу, карауля, саками и черпают».⁸

⁸ Цит. по: Хлебников К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. III. — АЛОИИ, колл. 115, д. 344.

Собирательство, которым тоже занимались женщины и дети, включало сбор даров моря в приливно-отливной зоне, а также сбор различных ягод, выкапывание луковиц сараны, корней маркаши и петрушек (рис. 14).

Промысловые орудия алеутов, как показывает этнографический материал, соответствуют особенностям традиционного хозяйства. Орудия морской охоты были основными среди них. Более подсобная роль отводилась орудиям рыболовства (морского и речного), лукам и стрелам, употреблявшимся как во время охоты на сушке, так и на войне, специальным палкам для битья котиков на лежбищах.

Получить достаточно полное представление о традиционных орудиях охоты алеутов дают возможность сообщения ранних посетителей островов и музейные коллекции.⁹ Так, И. Г. Вознесенским составлена опись содержимого одного из ящиков коллекции. В ней перечислены все орудия охоты алеутов. Приведем текст этой описи.

«Настоящая байдарка лисьевских алеут, в которой выезжают в открытое море на промысел морских бобров. Выстроенная по всем правилам искусства на острове Акун под руководством тоена Лисьевских островов (название байдарки по-лисьевски ик-хяк), при ней находится полный комплект промысловых орудий и других принадлежностей. Стрелы и прочие другие принадлежности расположены в таком порядке, в каком бывает у алеут на промысле (вверху байдарки).

- 1) Стрел бобровых, по-лисьевски аякудахич, — всего 9 штук.
- 2) Стрел китобойных, по-лисьевски иглэках, — 3.
- 3) Стрела бобровая с маутом и пузырем, по-лисьевски акличих, — 1.
- 4) Стрела, которою бьют сивучей и нерп, по-лисьевски агальчих; при сей стреле маут (ангтан) и пузырь (наюх).
- 5) Стрела, которою бьют одних только сивучей, по-лисьевски ах-чун; при ней маут и раскрашенный пузырь (ах-чун-са).
- 6) Стрелы, коими промышляют морских птиц, по-лисьевски читасик, — 3 штуки.
- 7) Стрела для добывания молодых нерп, по-лисьевски чудук-сек.
- 8) Дрыгалка, по-лисьевски ан-нах; сим доколачивают морских бобров.
- 9) Стрела, которая служит как бы украшением байдарки или для полноты прибора и не бывает употребляема, по-лисьевски катих.
- 10) Рукометка, по-лисьевски асьхух; с дощечки этой алеут кидает стрелки в зверей.

⁹ Подробнее см.: Ляпунова Р. Г. Орудия охоты алеутов. — СМАЭ, т. XXI, 1963.

- 11) Нерпячий манщик, по-лисьевски уммагих; манщик этот надувают и тюленей близко приманивают к байдарке.
- 12) Срела (церела) (циновка, — Р. Л.), по-лисьевски ин-ксе-лукх, для подстилания в байдарку.
- 13) Сука или обтяжка байдарочная, по-лисьевски сук-ках; маут или шнур, коим затягиваются, называется по-лисьевски канахах-ах тусян.
- 14) Двухлоастное весло, по-лисьевски ак-кха-дгусак.
- 15) Точеное из кости изображение морского бобра и с птицей глупышом на байдарке служит вместо уключины, по-лисьевски кийгачинанг.
- 16) Еще штука для стрел, по-лисьевски таканак.
- 17) Лисьевско-алеутская национальная деревянная шляпа, по-лисьевски каятлух. Кишечная камлейка — чигидах. Резное украшение из китового уса, увенчанное на вершине костяным изображением птицы (костяная птичка посыпается особо), следует к водорезу байдарки на нос, по-лисьевски называется кангу-лисик».¹⁰

Приведенный перечень орудий охоты по назначению примерно совпадает с тем, который дает Г. А. Сарычев. Он перечисляет пять видов метательных орудий (или, как он их называет, «стрел»), употребляемых алеутами: «Первые для нападения на людей и на больших зверей, длиною бывают в 4 фута; в передний конец их вставляют — на место копьца — сделанный наподобие же оного кусок лавы, длиною полтора, шириной в три четверти дюйма. Второй род меньше первых, употребляется для малых зверей; у сих стрел на место каменных копьцов вкладываются костяные носки, привязываемые составляемыми из жил веревочками. Третий род, употребляемой для стреляния птиц, величиною равен первого рода стрелам; передний конец их вооружен четырьмя костяными спицами с зазубринами. Четвертый род также для зверей, величиною в 8 фут; в переднем конце вставлено костяное копьцо, привязанное к жиленому шнурку, у которого другой конец раздвоен и привязан лапкою, то есть в двух местах посередине стрелы; к заднему концу ее прикреплены орлиные перья. Пятый род длиною 4 фута 4 дюйма, с костяным носком и привязанным посередине стрелы надутым пузырем; сия стрела употребляется для того, чтобы зверь, когда умрет, не утонул».¹¹

И. Вениаминов сообщает о «стрелках» четырех видов. «Различие стрелок, — пишет он, — состоит отчасти в величине их и вооружении снурками, а более в носках. У бобровых стрелок носки (которые обыкновенно вставляются в костяной наконечник) бывают костяные, длиною около 2 дюймов, и с тремя зазубрин-

¹⁰ Архив И. Г. Вознесенского. — ЛОААН, ф. 2, 1845, № 12.

¹¹ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 213.

ками, а у китовых стрелок носки каменные, из обсидиана, наподобие копья, длиною также около 2 дюймов; у птичьих стрелок к одному длинному носку (около 8 дюймов) — с зазубринами — приделывают с боков еще три, такой же длины, которые в концах своих расходятся вразь наподобие остроги; и у такого рода стрелок наконечники почти никогда не бывают. Нерпичьи стрелки длиннее всех, наконечники у них длиною от 3 до 5 четвертей, толщиною около 5 дюймов, а носки похожи на бобровые, только длиннее и толще. Кроме этих стрел, есть еще особые, с пузырями, которые по вооружению и по носку похожи на бобровые, только подлиннее и поболее; к древку их прикрепляется небольшой пузырь с краном или затычкой для надувания. Эта стрелка употребляется только тогда, когда бобр или другой зверь будет уже подстрелен, и чтобы он не потонул или скорее замаялся».¹²

«Записка с описанием орудий, употребляемых жителями Алеутских островов для звериного и рыбного промысла», содержит такие сведения: «. . . стрела под № 4. Она сделана из легкого наноснаго душистаго дерева, которой один конец из моржовой, а бывает и китовой кости; а в оной всаживается вместо железа костяной носочек, к коему привязан жиляной снурок, а другой онаго конец закреплен к стреле. Когда промышленник потрафит в зверя, то оная посредством баланса плавает одним концом книзу, а другим вверх воды, чрез что показывает место, где подстреленный зверь находится, и потому продолжает он стрелять из других стрел: таковая стрела значится под № 5. Конец у оной зделан вместо железнаго из крепкаго камня. Стрелка для стреляния птиц с тремя малыми и одним в середине большим с зазубринами носком под № 6. На каждой онай стреле есть проведенная вдоль жилка, которая служит для того, если зверь переломит стрелу, то части оной утратиться не могут.

Стрела, зделанная из душистаго дерева, для промыслов большаго сивучья зверя на утесах, а иногда и на море, к которой привязывается большаго нерпичья зверя пузырь, со снурком, сплетенным из жилок, который собирается и обвивается вокруг стрелки, а другой (конец, — Р. Л.) привязывается к носочку, зделанному вместо железа из камня; и когда стрелка брошена бывает в зверя, то из оной костяной носочек остается в нем, а привязанной снурок, распустившись с посредством на стреле пузыря, не позволяет уходить ему далее в глубину, и так зверь, утомившись, бывает пойман».¹³

Кроме письменных сведений, важное значение имеют зарисовки орудий охоты, имеющиеся в старых публикациях и архивных

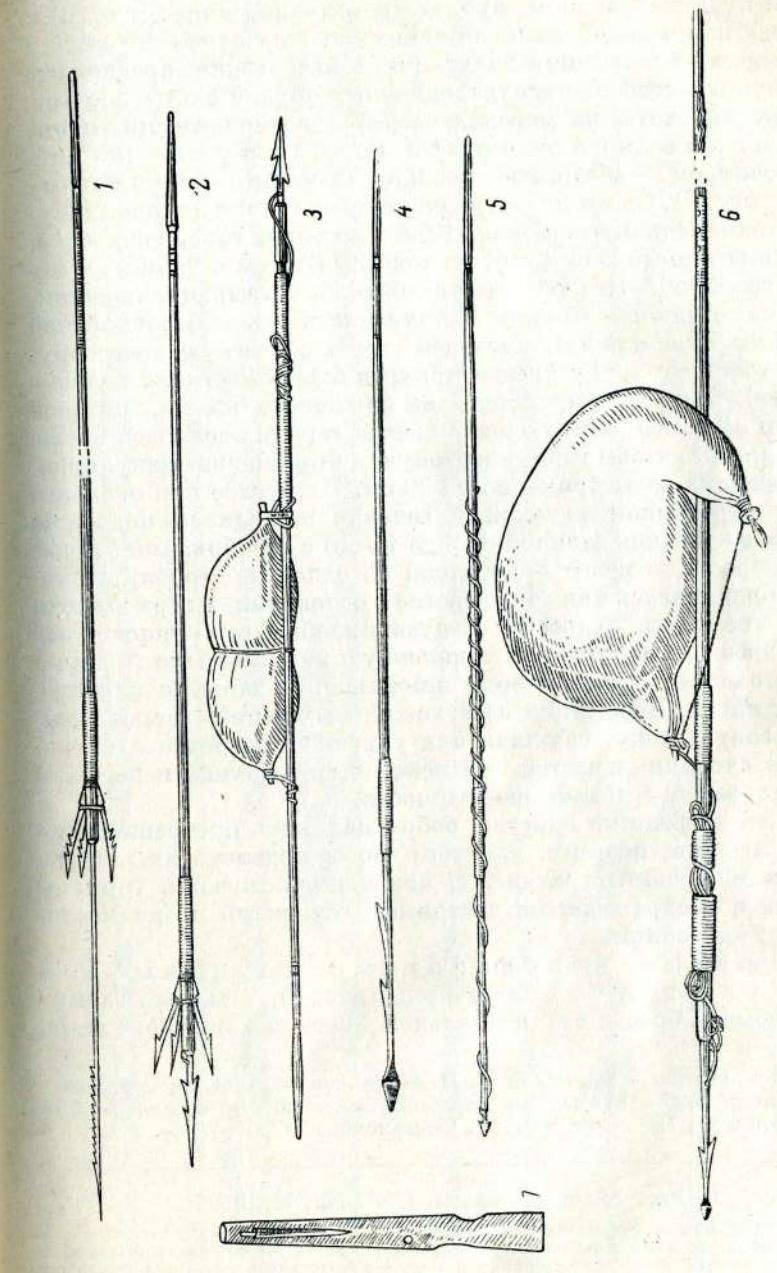
¹² Вениаминов И. Записки. . . , ч. II, с. 246.

¹³ Фонд М. М. Булгакова. — АВПР, ф. 339, оп. 808, д. 733, л. 1 об., 2 (черновики донесений Булгакова в Академию наук о препровождении найденных Российско-Американской компанией редкостей, 26 ноября 1816 г.).

Рис. 6. Алеутское оружие. Рисунок П. Н. Михайлова. ГИМ ЭССР. Публикуется впервые.

1, 2 — метательные копья для охоты на птиц; 3 — неповоротный гарпун для охоты на нерп; 4 — копье для китовой охоты;

5 — неповоротный гарпун для охоты на бобров; 6 — поворотный гарпун для охоты на сивучей; 7 — метательная дощечка.

источниках (рис. 2). Наиболее интересные из них, в том числе ранее не публиковавшиеся, приведены в данной книге (рис. 6).¹⁴

Исходя из имеющихся об алеутских орудиях охоты сведений и основываясь на изучении коллекций МАЭ, можно предложить следующую классификацию традиционных орудий охоты алеутов.

1. Орудия охоты на морских зверей и водоплавающих птиц.

1. Легкие неповоротные гарпуны (по старым источникам — «бобровые стрелки», бросаемые с метательных дощечек; рис. 7). Среди них выделяются два типа: с длинной (24—27 см) и тонкой (диаметром около 1.5 см) костяной головкой древка; с более короткой (около 8 см), но толстой (2.5 см в диаметре) костяной головкой. Второй тип снабжался пузырем-поплавком.

Древко гарпуна обычно вытачивалось из калифорнийской чаги (*Pinus Lamberziana*), имеющей наиболее легкую древесину. К более толстому концу древка прикреплялась костяная головка (навершие), которая вырезалась из моржового клыка, китовой кости или оленевого рога. Головка древка гарпуна делалась всегда тяжелее древка, чтобы гарпун не тонул, а стоял перпендикулярно, высаживаясь из воды примерно на 30 см. В круглое или овальное гнездо с деревянной втулкой в головке вставлялся подвижно костяной наконечник (длиной от 3 до 14 см) с зазубринами (по две с двух сторон или менее — до одной на одной из сторон). Наконечник привязывался или за отверстие в основании, или за выступ. Головка крепилась к древку следующим образом: клиновидный черенок древка вставлялся в вышиленную вилкообразно (с двумя рогами) головку древка; сверху наматывалась обмотка из сухожильных нитей. Перетяжки из сухожильных нитей, расположенные по всему древку, служили для укрепления древка и сохранения его сломанных частей. На некоторых гарпунах перетяжки украшены разноцветными шерстинками.

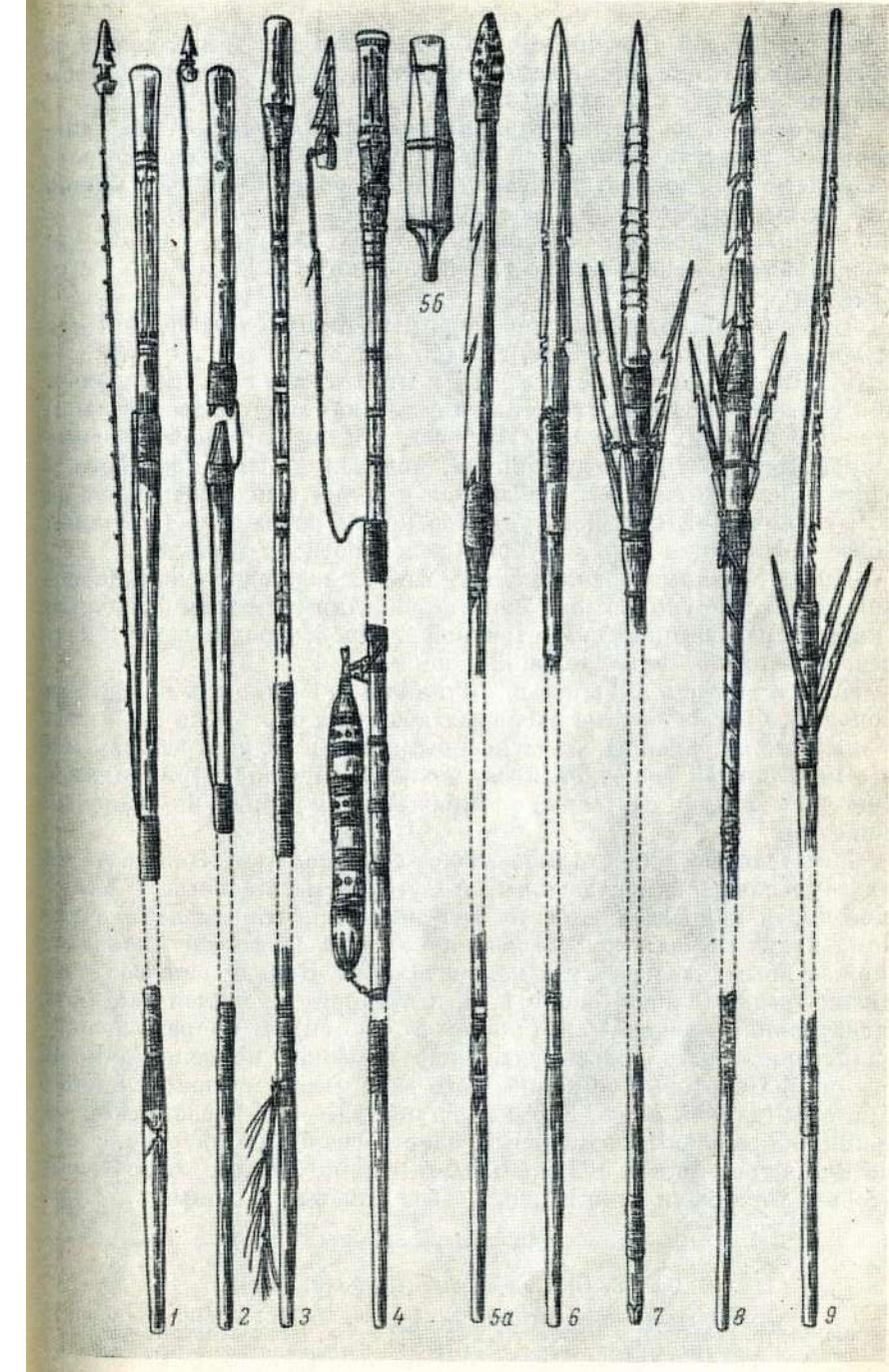
Согласно мифологии алеутов, бобры являются превращенными в зверей людьми, поэтому, для того чтобы привлечь их, алеуты украшали «бобровые стрелки». В коллекциях имеются гарпуны с резными и раскрашенными костяными головками и орнаментированными древками.

2. Тяжелые неповоротные гарпуны для охоты на сивучей и нерп (рис. 8). Тяжелый гарпун охотник обычно бросал без метательной дощечки в морского зверя

¹⁴ Автор рисунка — художник П. Н. Михайлов — участник кругосветной экспедиции 1826—1829 гг. на кораблях «Сенявин» и «Мюллер» под командованием Ф. П. Литке и М. И. Станиковича.

Рис. 7. Орудия охоты. (По колл. МАЭ).

1—4 — легкие неповоротные гарпуны, № 593-89₂, 2868-122, 4270-73, 593-87; 5а — метательное копье для охоты на китов, № 4270-74; 5б — футляр для наконечника копья; 6 — метательное копье, № 593-91; 7—9 — метательные копья для охоты на птиц, № 4270-75, 2867-27, 21.

6 Р. Г. Ляпунова

с берега. Другой охотник убивал его копьем или дрыгалкой, в то время как охотник, бросивший гарпун, держал маут в руке, чтобы раненое животное не ускользнуло.

Тяжелые неповоротные гарпуны подразделяются на три типа: гарпуны с костяной головкой древка, сходной с головкой второго типа легких неповоротных гарпунов, но более крупной (длиной 25—30 см соответственно размеру древка — 1.2—1.3 м); с костяной головкой древка, состоящей из двух длинных (50—60 см) продольных половин; без костяной головки с длинным (2—2.2 м) древком.

Наконечники тяжелых неповоротных гарпунов такие же, как у легких, но большего размера (15—20 см).

3. Поворотные гарпуны. Этот тип гарпунов у алеутов употреблялся при охоте на сивучей, лахтаков (морской заяц) и других морских животных. Их бросали без метательной дощечки. Наконечник поворотного гарпуна, попадая в тело животного и зацепляясь там шпорой, соскакивал с колка и поворачивался на 90°, становясь в перпендикулярное колку положение (исполняя более действенную роль зазубрин неповоротного гарпуна).

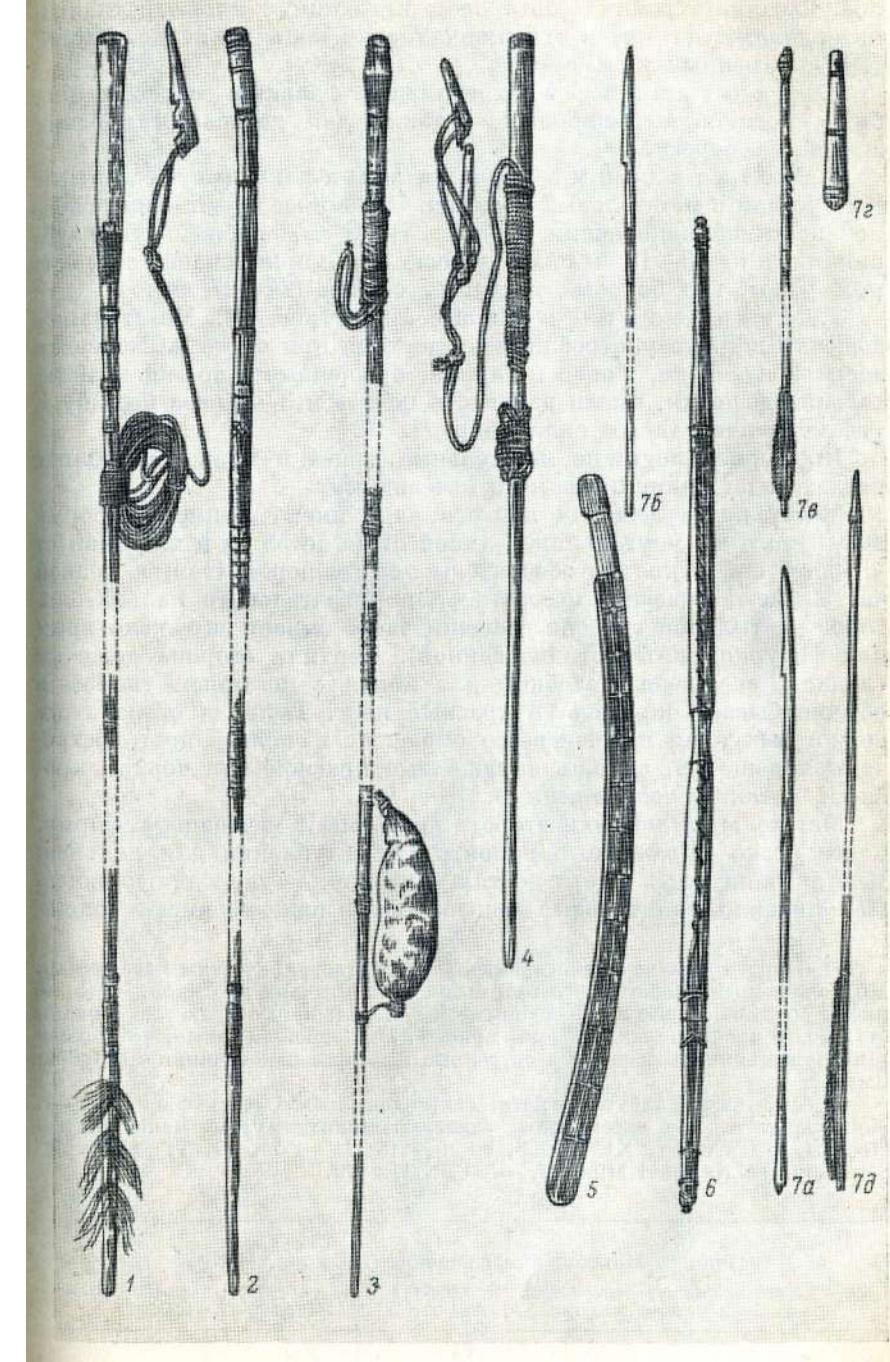
Представленные в коллекциях МАЭ 3 экз. наконечников поворотных гарпунов характеризуются закрытым симметричным гнездом, раздвоенной симметричной шпорой, прорезью для концевого копьца, параллельной шпоре.

4. Метательные и колющие копья. Этими копьями, бросая их с метательных дощечек, охотились на китов. Являлись они одновременно и военными копьями, употребляемыми и с метательной дощечкой и как колющее оружие. Применялись они и во время охоты на лежбищах для добивания раненых животных.

Метательные копья отличаются от гарпунов тем, что все части их закреплены и неподвижны. Алеутские метательные и колющие копья подразделяются на два типа: с костяным наконечником, куда вставляется обсидиановое или шиферное копько, и с костяным заостренным наконечником. Копья первого типа имели древко (длиной около 1 м), к которому крепился костяной с зазубринами наконечник (длиной 27—33 см). В прорезь вверху наконечника вставлялось указанное каменное копько (длиной 6—9 см). Некоторые из копий этого вида имеют на наконечниках футляры (длиной около 20 см и шириной 4—5 см), сделанные из тонких, окрашенных в красный цвет деревянных пластин с обмоткой в трех местах сухожильными нитями (рис. 8, 7 α —7 δ). Копья второго типа были такими же, но без каменного копько. Судя

Рис. 8. Орудия охоты. (По колл. МАЭ).

1—3 — тяжелые неповоротные гарпуны, № 2868-228, 593-82, 2868-119; 4 — поворотный гарпун, № 4270-37; 5 — дрыгалка, № 593-23; 6 — лук, № 2868-186; 7 α —7 δ — стрелы, № 4104-119, 4193-23, 2868-2, 4104-16; 7 ε — футляр для наконечника копья.

по описаниям ранних авторов и имеющимся иллюстративным материалам, на китов охотились только копьеми первого типа, т. е. с каменным копьецом.

5. Дрыгалки. Употреблялись главным образом для битья котиков на лежбищах, а также для добивания морских зверей на берегу.

6. Метательные копья на птицы (шатины).¹⁵ Их бросали с метательных дощечек. Эти копья имеют один основной костяной наконечник длиной 25—30 см, снабженный зазубринами, а на 13—15 см ниже его основания прикреплены под острым углом три боковых костяных острая (24—27 см).

7. Метательные дощечки (рис. 9). Метательные дощечки широко употреблялись алеутами при охоте на морского зверя и на войне. Копье и гарпун, брошенные с помощью метательной дощечки, имели дальность полета в 3—4 раза большую, увеличивалась также сила удара.¹⁶

По форме алеутские метательные дощечки можно разделить на два вида: прямоугольные и мечевидные.

Метательные дощечки первого вида имеют примерно форму вытянутого прямоугольника длиной от 44 до 55 см и шириной от 4.5 до 6 см. Рукоятки обозначены легким перехватом, в правой части имеют сквозное отверстие для указательного пальца, которое на тыльной стороне дощечки часто бывает окружено врезной фигуркой кита (стилизованной). Верхняя сторона дощечки гладкая, снабжена желобком для копья с костяным упором и обычно бывает окрашена в красный цвет. Тыльная сторона дощечки выпуклая и чаще всего окрашена в черный цвет. Встречаются дощечки, сплошь окрашенные красной или черной краской, а также неокрашенные.

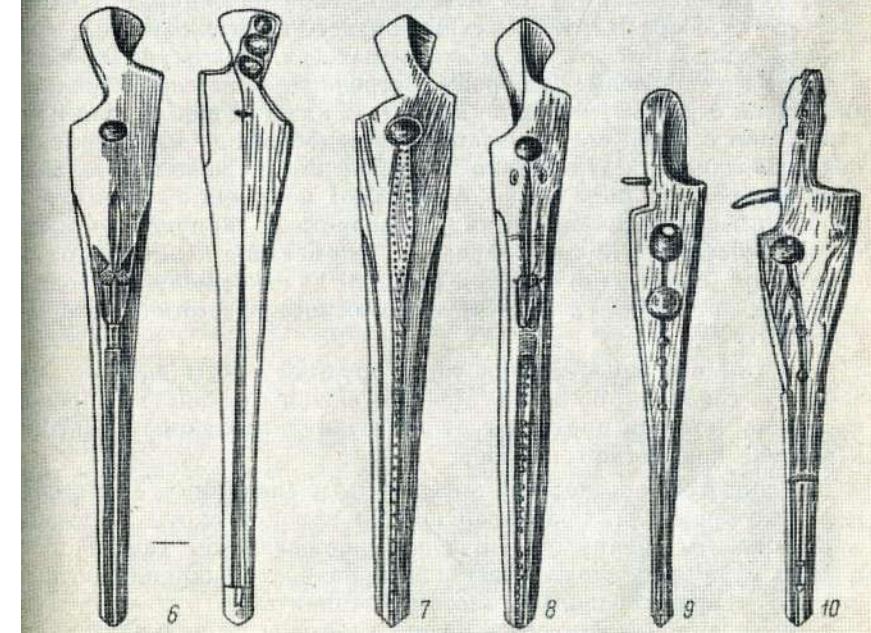
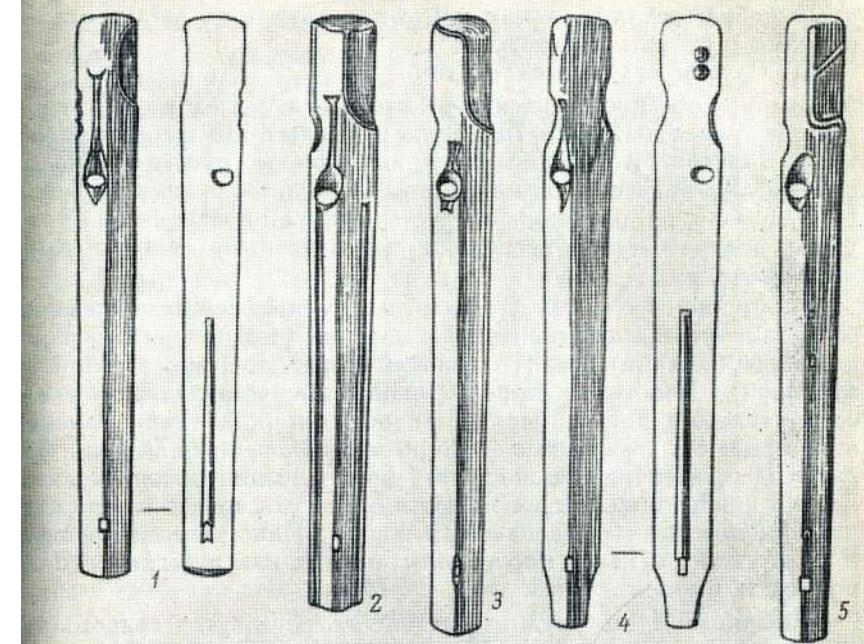
Метательные дощечки второго вида имеют мечевидную форму, более резко выраженные рукоятки и углубления для пальцев. Иногда у них есть еще и костяной пшеник — упор для пальцев. Как правило, метательные дощечки этого вида не имеют сплош-

¹⁵ Остроги нам не удалось выделить по этнографическим материалам. Но можно предположить, что ими были те из птичьих дротиков, которые имеют боковые острая с обращенными к центральному острюю зазубринами (для более прочного захвата рыбы; рис. 7, 7). Возможно также, что кололи рыбу и копьеми, имеющими заостренные костяные наконечники с зазубринами.

¹⁶ См. также об алеутских метательных дощечках: Гирфельд О. А. Копьеметалки по материалам этнографических музеев Ленинграда и Москвы. — СМАЭ, т. XIV, 1953, с. 98—118; Mason O. T. Throwing-Sticks in the National Museum. — RUSNM, 1899.

Рис. 9. Метательные дощечки. (По колл. МАЭ).

1—5 — дощечки прямоугольного типа, № 2868-113, 114, 12, 337-21, 2868-180; 6—10 — дощечки мечевидного типа, № 2867-31, 32, 4087-10, 593-67, 4104-22.

ной окраски, но украшаются барельефным изображением морского бобра (реалистическим или стилизованным), вставными бусинками и зубами животных.

II. Орудия сухопутной охоты.

Эти орудия представлены у алеутов луками и стрелами (рис. 8, 6, 7 a —7 b , 7 d). Луки и стрелы были и военным оружием алеутов. Алеутские луки аналогичны лукам эскимосов, отличительной особенностью которых является наличие сухожильного шнуря, протянутого вдоль наружной поверхности лука и прикрепленного к нему несколькими поперечными сухожильными перевязками.

Алеутские стрелы также аналогичны эскимосским и имеют заостренные костяные наконечники плоской (с одной или несколькими зазубринами) или трехгранной формы (обычно с одной зазубриной). Некоторые стрелы снабжены вставленными в них обсидиановыми или шиферными копьецами (для таких наконечников имеются деревянные футляры типа описанных выше, с. 82). Алеуты применяли также стрелы с тупыми наконечниками. Задние концы таких стрел имеют вырезы для тетивы и оперение из двух или трех расщепленных перьев. Наконечники крепятся к древку так же, как в метательных копьях или в легких неповоротных гарпунах.

Описанные здесь орудия морской охоты алеутов свидетельствуют о существовании у них большого разнообразия средств охоты на море и побережье. Все орудия морского промысла были строго дифференцированы по видам животных, для охоты на которых были предназначены: «бобровые стрелки», «сивучьи стрелки», «нерпичьи стрелки», «китовые копья». И каждый вид орудия в соответствии с своей специализацией был доведен до максимальной целесообразности его действия и применения. И даже метательные дощечки различались по употреблению: мечевидные были предназначены для бросания легких неповоротных гарпунов во время охоты на бобров, а прямоугольные — для метания копий при охоте на китов. Нельзя не отметить и высокий художественный уровень алеутских орудий — результат технического и эстетического мастерства.

Все эти особенности, присущие орудиям охоты алеутов, позволяют говорить о такой степени специализации в морском промысле, которая предполагает длительную эволюцию культуры в данном конкретном районе.

Орудия охоты позволяют определить и специфику алеутского морского промысла. Сравнивая орудия морской охоты алеутов и эскимосов, мы обнаруживаем целый ряд различий. Так, неповоротные гарпуны у алеутов составляли наиболее широко употребляемую и представленную многими вариантами группу орудий. В то же время у эскимосов этот тип гарпунов не получил такого

развития. Исключением из этого правила являются только тихоокеанские эскимосы, соседи алеутов, которые широко использовали неповоротные гарпуны.

Но вместе с тем поворотные гарпуны, которые были основным оружием эскимосов в морской охоте, у алеутов употреблялись сравнительно мало.

Тип легкого метательного и колющего копья совершенно неизвестен эскимосам, тогда как у алеутов он был наряду с неповоротными гарпунами одним из самых распространенных, имевших широкое применение: во время охоты на китов, на лежбищах морских животных, на войне.

Археологические исследования на Алеутских островах, в результате которых были обнаружены в большом числе головки неповоротных гарпунов и наконечники копий, показали, что эти виды оружия преобладали с довольно древних этапов алеутской истории (до 2000 лет до н. э.).

Тяжелые эскимосские копья с листовидными копьецами и массивными костяными навершиями, с ледовой пешней на нижнем конце полностью отсутствовали на Алеутских островах.

Луки и стрелы алеуты употребляли сравнительно мало — больше всего как военное оружие. Как известно, для охоты с байдарок луки и стрелы не годились, а охота на наземных животных имела некоторое значение только у алеутов п-ова Аляска. Следует отметить, что луки и стрелы алеутов были во всем подобны эскимосским.

Показательным является и количественное соотношение хранящихся в коллекциях МАЭ орудий охоты алеутов. Так, легких неповоротных гарпунов имеется 105, поворотных гарпунов — только 3, метательных (и колющих) копьев — 18, метательных копий на птиц — 9, метательных дощечек — 30, луков — 2, стрел — 28.

Различие в орудиях морской охоты алеутов и эскимосов во многом определялось тем, что промысловой лодкой алеутов была исключительно однолючная байдарка, а у эскимосов промысел крупных морских животных, и особенно китов, производился с многовесельного умиака. Охотничье оружие алеутов было приспособлено для бросания его именно с легкой, малоостойчивой байдарки.

Известными зарубежными археологами Ф. Рейни и Х. Ларсеном эскимосская китовая охота с помощью умиака и гарпунного поплавка относится к позднему этапу эскимосской культуры и «культура охотников на кита» определяется как основа формирования современной эскимосской культуры.¹⁷ Более ранний период характеризуется ими как не имеющий четкой специализации в мор-

¹⁷ Larsen H., Rainey F. Ipiutak and Arctic Whale Hunting Culture. — APAM, 1948, XLII.

ском промысле. Следовательно, есть много оснований считать технику и орудия алеутского морского промысла, так же как и способ их охоты на кита, самобытными, алеутскими.

В этой связи интересным представляется вопрос, существовала ли охота на кита на всех Алеутских островах или она была характерна лишь для населения восточной их части. За неимением более конкретных указаний привлекает внимание одно замечание К. Т. Хлебникова. Он пишет о том, что «атхинские алеуты» (т. е. западные) раньше не промышляли китов: «Китов бывает у берегов довольно, но алеуты особенно боятся их и никогда не промышляют. Выкидные случаются по берегам, но не каждогодно». В примечании же он отмечает, что «ныне атхинские алеуты китов уже не боятся и начинают промышлять».¹⁸ При отсутствии других сообщений об охоте на китов у западных алеутов это единственное прямое свидетельство приобретает важное значение. Можно предполагать, что китовая охота была характерна только для восточных алеутов, а к западным группам она стала проникать уже только в начале XIX в.

Говоря об особенностях приморской культуры алеутов и отличии ее от эскимосской, необходимо отметить и следующую характерную для алеутов черту: значительную роль собирательства в приливно-отливной зоне. Даже при отсутствии тех продуктов питания, которые давали им морская охота и рыболовство, алеуты могли некоторое время прокормиться иглокожими, ракообразными, моллюсками, морской капустой и прочим. На стойкость этой традиции указывает и то обстоятельство, что продукты морского собирательства сохраняли свое значение в пищевом рационе алеутов вплоть до XX в. как национальное, традиционное добавление к пище.¹⁹

Рассмотренные выше орудия морского промысла алеутов достаточно ясно иллюстрируют наличие у них самобытного стиля морского промысла со всеми специфическими орудиями его.

Средствами передвижения у алеутов в условиях их приморского островного быта были только лодки: однолючные, двухлючные и трехлючные кожаные байдарки и многовесельные кожаные лодки-байдары.²⁰ Байдарки были промысловыми лодками (рис. 10), а многовесельные байдары служили только для переездов

¹⁸ Хлебников К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. IV. — АЛОИИ, колл. 115, д. 447, л. 120об., 121.

¹⁹ Ransom J. E. Aleut Natural-Food Economy. — AA, п. с. 1946, XLIII.

²⁰ Русские промысленники называли алеутские одно-двух-трехлючные лодки байдарками, а многовесельные — байдарами; эти названия и укрепились в литературе для обозначения алеутских лодок. За эскимосскими лодками сохранились в литературе их местные названия: каяк — для однолючной и умиак — для многовесельной.

с острова на остров, для перевозки грузов и для военных походов.

При морском охотниче-рыболовном направлении хозяйства алеутов байдарка играла особо важную роль. Она была необходима для обеспечения населения средствами пропитания. Море около Алеутских островов не замерзало и почти круглый год являлось местом тех или иных промыслов. Алеуты охотились на морских животных и в открытом море (удаляясь от берега на 150 км

Рис. 10. Алеут в байдарке. Рисунок М. Д. Левашова. ЦГАВМФ.

и более) и на лежбищах, куда можно было добраться только на байдарках. Удили в море рыбу тоже с байдарок. На них же отправлялись к скалистым островкам для промысла птиц и яиц.

По меткому выражению Вениаминова, байдарка для алеутов была «самонужнейшим средством существования» и «столь же необходима, как для земледельца плуг и лошадь».²¹ И действительно, среди средств производства алеутов байдарке принадлежала ведущая роль.

Байдарка давала наибольший эффект при охоте на морских животных в море благодаря своей скорости и маневренности, что являлось решающим при выслеживании и загарпунивании их. Большую роль играла и бесшумность при приближении к зверю.²²

²¹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 240.

²² Замечательную способность алеутов к морской охоте использовали русские в XVIII—XIX вв., заставляя их заниматься промыслом пушных морских животных (морского бобра, котика) для промышленных компаний, а позже — для Российско-Американской компании.

Возможность детального изучения конструкции байдарок алеутов предоставляют нам музейные коллекции, а сведения о качествах байдарок имеются в ранних сообщениях путешественников и исследователей.²³

В коллекциях отдела Северной Америки Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР хранятся одна однолючная байдарка и 32 модели байдарок, изготовленные алеутами и привезенные Вознесенским и другими русскими путешественниками и исследователями в первой половине XIX в. Три байдарки (однолючая, двухлючья и трехлючья), остав однолючной байдарки и 9 моделей байдарок имеются в собрании Центрального военно-морского музея в Ленинграде.

Модели байдарок значительно дополняют наши знания об этом виде лодок. Они в большинстве своем удивительно точно, во всех деталях, воспроизводят подлинные байдарки. Кроме того, они дают представление о снаряжении охотника и его одежде, чего нет в достаточно четком виде в литературных источниках.

У алеутов существовали байдарки трех видов: однолючные (*иках*) — основной вид охотничьей лодки; двухлючные (*уллютадак*), служившие для выхода в море старика с мальчиком с целью обучения последнего или для перевозки женщины, старика или ребенка; трехлючные (*уллюхтак*).²⁴ После появления в обиходе алеутов огнестрельного оружия двухлючные байдарки стали более необходимы для охоты, чем прежде, так как отдача при стрельбе могла опрокинуть легкую, имеющую очень малую остойчивость однолючную байдарку. В двухлючной байдарке гребец сидел во втором люке. Трехлючные байдарки стали строить с приходом на острова русских, и пользовались ими в основном как средством передвижения (в первом и третьем люках сидели гребцы, в среднем — пассажир).

Находившийся в байдарке охотник поверх одежды обязательно надевал камлейку из кишок с глухим капюшоном. Широкий пояс из кишечных полос (*цуки*), стянутый сухожильным шнурком у люка байдарки и подмышками охотника (с ремнем через левое плечо), объединял в одно целое охотника и байдарку. На голову поверх капюшона охотник надевал деревянную расписную шляпу с вытянутым вперед козырьком или шляпу-козырек; она предохраняла глаза от солнечных лучей и от водяных брызг. И. Вениаминов писал об алеутах, что несколько неуклюжие на суше, они в байдарках имели «красивый и величественный вид», и «кажется, что он (алеут, — Р. Л.) создан для байдарки или байдарка изобретена для того, чтобы показать его с самой лучшей стороны».²⁵

Исследователи и путешественники XIX в. отмечают высокие технические качества алеутской байдарки и исключительную

²³ Ляпунова Р. Г. Алеутские байдарки. — СМАЭ, т. XXII, 1964.

²⁴ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 62, 63.

²⁵ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 7.

ловкость алеутов в управлении ею. И. Вениаминов пишет: «Мне кажется, что байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень немногого и даже едва ли что-нибудь может добавить к усовершенствованию ее морских качеств». И в другом месте: «В то время у отличных ездоков они столь легки были на ходу, что не отставали от птиц (бегущих по морю с помощью ног и крыльев перед подъемом в воздух), столь узки и острокильны, что без ездока не могли держаться на воде в прямом положении, и столь легки, что семилетний ребенок мог легко переносить их».²⁶ Однако эти слова относились к байдаркам прежних лет (по-видимому, до прихода русских), а во время пребывания Вениаминова на Алеутских островах уже наблюдался некоторый упадок в технике их строительства. Г. Сарычев отмечает большое искусство алеутов в управлении байдаркой и скорость ее: «Островитяне (алеуты, — Р. Л.) на байдарках своих так скоро ездят, что никакая легкая шлюпка догнать их не может. Мы приметили, что когда судно наше шло по четыре мили в час, то и тогда они его догоняли».²⁷

Алеуты удивляли русских и своей неутомимостью в езде на байдарках, они способны были работать веслом 10 и 12 часов без отдыха. И. Вениаминов пишет: «Мне случалось ездить с ними несколько раз от 14 даже до 20 часов, не приставая к берегу, и во все время таковых переездов они останавливались не более одного разу и не более как минут на 15». И далее: «В бытность здесь капитанов Креницына и Левашова был послан один алеут, из лучших ездоков, из Капитанской гавани в Иссанахский пролив с важнейшим известием, который в 25 или 30 часов проехал расстояние около 200 верст . . . И также весьма много раз случалось, что от 18 до 12 часов проезжали от Угамака на Саннах (около 120 верст)».²⁸

Лучшие из алеутских байдарок могли плыть против самого быстрого течения в проливах.

Качества отличных байдарочных ездоков и морских охотников воспитывались у алеутов с раннего детства. Мальчиков «приучали к байдарочной езде: учили быть искусными как при отвале и привале байдарки, так и управлять ею при сильных бурунах, наставляли, как должно спасать себя и других в опасных случаях и особенно быть искусными в промыслах».²⁹ Их воспитание предусматривало тщательные каждодневные тренировки: сидеть прямо, вытянув вперед ноги, должным образом сгибать при этом руку для бросания гарпуна. Девочки обучались снаряжать охотников для выхода в море: шивать шкуры для обтяжки байдарок и шить водонепроницаемую одежду из кишок.

²⁶ Там же, с. 220, 222.

²⁷ Сарычев Г. А. Путешествие . . . , с. 214.

²⁸ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 12, 221—222.

²⁹ Там же, с. 72.

В море алеуты уходили за десятки верст и возвращались домой в любую погоду, не сбиваясь с пути, узнавая правильное направление по полету птиц и другим приметам. Если ветер усиливался и у берега появлялся прибой, они поджидали подходившую к берегу волну, и ее гребень выносил их на сушу; когда волна отступала, они успевали оттащить байдарку подальше от берега, чтобы новая волна не могла подхватить ее и унести обратно в море. При сильном волнении к бокам байдарки привешивали надутые пузыри (нерпичий или сивучий желудок) или, если в море находилось несколько байдарок, связывали их по две или по три рядом, а в промежутках, с боков, привязывали надутые пузыри (чтобы при качке не терлись бока байдарок), ставили носом против волн и выжидали затишья. Пузырь (*сангук*) был необходимой принадлежностью каждой байдарки. Если обшивка лодки прорывалась, охотник мог, опираясь на пузырь, вылезть из байдарки, держась на воде с его помощью, починить лодку и снова сесть в нее, опять-таки используя пузырь в качестве опоры. Правда, это возможно было сделать только в тихую погоду; при шторме пузырь клади в байдарку, надували как можно больше, и он удерживал лодку, хотя она могла быть полна водой. Существовал и другой способ починки байдарки в море (если их было три и более): поврежденную лодку поднимали из воды и ставили поперек двух других. При появлении течи в швах байдарки их промазывали жиром морских животных.

Для отлива воды из байдарки пользовались полыми костяными или деревянными трубками.³⁰ Отливали воду также с помощью морской губки.

Весла к байдаркам (*акадгусик*) употреблялись двухлопастные, длиной около 2.5 м. Лопасти весел были овальными, с заостренными концами и с продольным ребром на обеих плоскостях; веретено круглое. Искусные охотники при опрокидывании байдарки могли, не вылезая, поставить ее прямо с помощью весла. С помощью весла выполняли и другие трудные маневры. Потеря весла была самым большим несчастьем в море.

Алеутские байдарки имели следующие размеры (в м):

	Одноложные	Двухложные	Трехложные
Длина	4.2—6	5.6—7	7—8.5
Ширина	0.42—0.54	0.6—0.8	0.72—0.85
Высота	0.27—0.4	0.38—0.54	0.4—0.55

Количество затрачиваемого на изготовление байдарки (и промысловой одежды) материала (исключая дерево) видно из

³⁰ Heizer R. F. [ed.]. The Aleut Sea Otter Hunt in the Late Nineteenth Century. — UAAP, 1960, v. 8, № 2, p. 133.

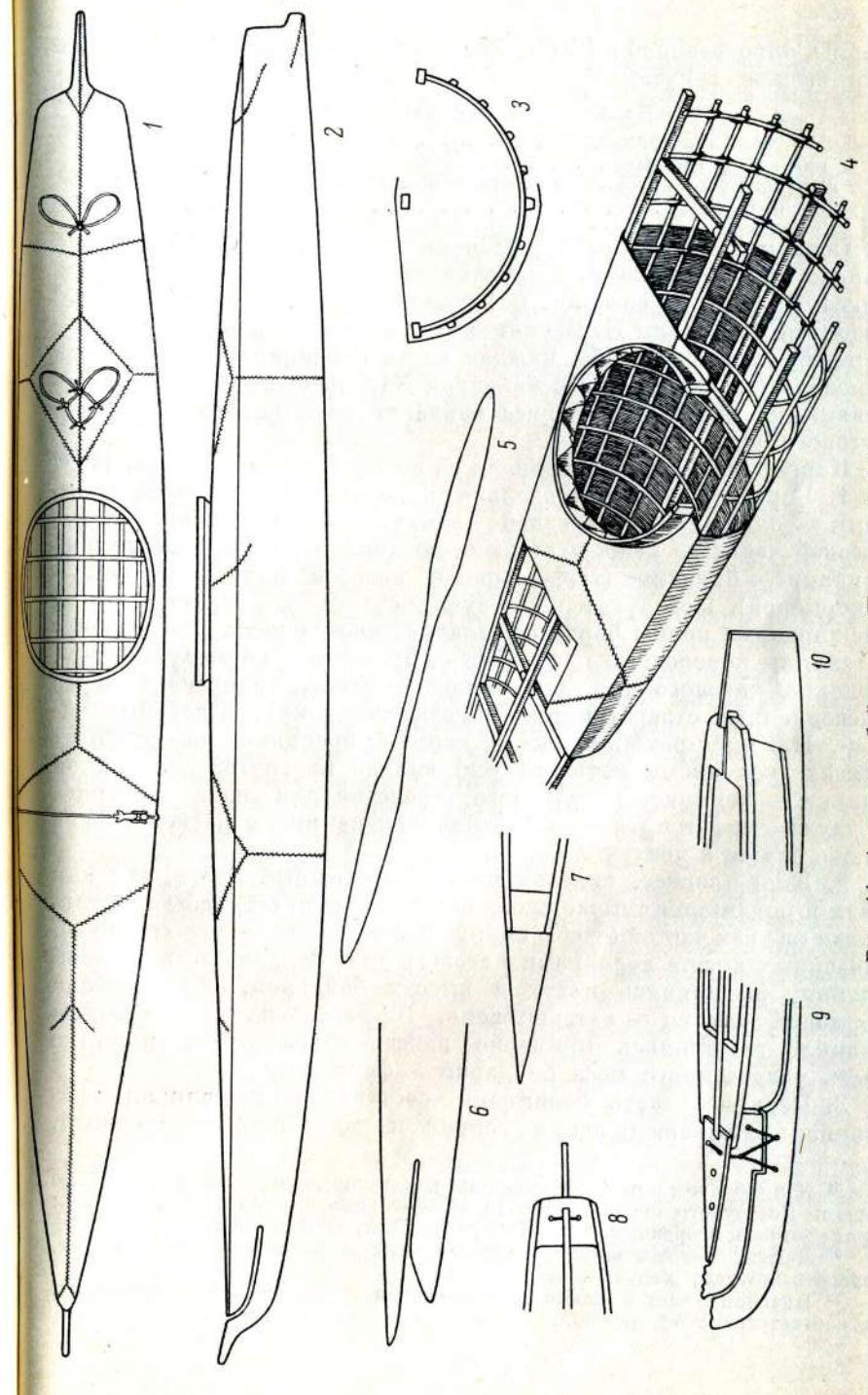

Рис. 11. Алеутские байдарки. (По колл. МАЭ).

1—вид сверху; 2—вид сбоку; 3—поперечный разрез; 4—деталь каркаса с покрышкой (вид спереди); 5—фортштевень с покрышкой; 6—весло; 7—фортштевень каркас (каркас вид спереди); 8—корпус (каркас, вид сверху); 9—форштевень (каркас, вид сверху); 10—корпус (каркас, вид спереди).

нормы, определенной в 1816 г. Российско-Американской компанией для выдачи алеутам:³¹

На байдарку для двух человек	
6 лафтаков холостячих ³²	по 3 р.
2 камлеи кишечных	по 5 р.
7 фун[тов] усов китовых для связки, жилы китовой для шитья, часть жиру китового	10 р. 2 р.

Основной частью байдарки являлся деревянный решетчатый каркас обычно из калифорнийской чаги, имеющей наиболее легкую и прочную древесину. В каркас стариных байдарок-скороходок, по сведениям И. Вениаминова, вставлялось до 60 костяных деталей, для того чтобы каждая часть байдарки во время хода «имела движение». Каркас байдарок XIX в. был уже сплошь деревянным. Все части каркаса байдарки связывались полосками китового уса.

Каркас байдарки составлялся из нескольких частей (рис. 11).³³

1. Верхняя рама с продольными деталями: бортовыми планками — планширями, средней планкой — мидельвейсом (от носовой части до люка и от люка до кормы) и поперечными распорками — бимсами (три-четыре в носовой части и два-три — в кормовой). Носовую и кормовую оконечности рамы составляли расширенные концы бортовых планок; иногда между последними вставляли поперечные пластинки — брештук и кормовую банку. Волокна китового уса, скрепляющие части, пропускали через высверленные отверстия или обматывали вокруг отдельных частей. Наверху рамы, ближе к корме, укрепляли на соседних бимсах (волокнами китового уса) кольцо из гнутой деревянной планки — коминкс, образующее отверстие для люка байдарки. В двухключной и трехключной байдарках коминксы располагались также ближе к центру и корме.

2. Киль (вернее, килевая планка — «ложный киль», так как киля в подлинном смысле слова байдарка не имеет) всегда состоялся из трех частей (чтобы корпус байдарки был менее хрупким), связанных вместе волокнами китового уса. Задняя часть килевой планки, расширяясь почти в высоту байдарки, образовывала кормовой выступ — ахтерштевень. В передней части килевая планка, расширяясь примерно вдвое, образовывала нижнюю часть раздвоенного носа байдарки — форштевня.

3. Верхнюю часть форштевня составляла деревянная пластина, примыкавшая одним концом к раме; противоположный,

³¹ Хлебников К. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. (Записки К. Хлебникова об Америке). — В кн.: Приложение к Морскому сборнику, № 3. СПб., 1861, с. 66.

³² Лафтак — здесь шкура; холостяк — двух-трехлетний самец сивучи, морского котика, лахтака.

³³ Названия частей даются по аналогии с лодочной терминологией, но соответствуют ей не полностью.

передний, конец ее заострялся и был или прямым, или загибался кверху. Верхняя половина носа прикреплялась к нижней полосками китового уса, пропущенными через просверленные отверстия. Раздвоение форштевня у алеутских байдарок было двух разновидностей: с загнутыми вверх концами и с прямыми.

4. Кормовой выступ байдарки — ахтерштевень — имел форму неправильного прямоугольника (от рамы шел скос) с вырезом, куда входил конец рамы.

5. Вдоль киля по бортам байдарки шли продольные планки (круглые или прямоугольные) — стрингеры (два-три-четыре с каждой стороны).

6. На стрингеры с внутренней стороны накладывали поперечный набор — шпангоуты, из гнутых круглых или квадратных в сечении палочек. Каждое соединение стрингеров со шпангоутами связывали волокнами китового уса. Заостренные концы шпангоутов входили в круглые отверстия в нижней части бортовых панелей — планширеи.

7. Люк обрамляла гнутая деревянная планка.

Весь каркас окрашивали краской, иногда наносили и полосы голубого цвета. Готовый остов байдарки обтягивали кожаной покрышкой, покрывая ее и верх лодки, палубу, исключая люки. Кожа сивучка считалась лучшей для этих целей и использовалась для обшивки как байдарок, так и байдар. Шкура нерпа употреблялась для обшивки небольших байдарок. При недостатке сивучих кож на обшивку шли и шкуры моржей (чаще для байдар), но они были слишком толсты и требовали слишком больших усилий для обработки (расщепления шкуры). Обшивка шивалась из двух, трех или четырех цельных шкур со вставками между ними. Ее прикраивали на самом каркасе мужчины, а шивали (мелким сметочным швом, скрученными из сухожилий) женщины. Затем мужчины натягивали обшивку на каркас и зашивали (тоже сметочным швом) последний шов, идущий от люка до кормы и поперек кормы в однолючной байдарке и от переднего люка до кормы и поперек нее в двухлючной и трехлючной байдарках. Все швы на байдарке, кроме последнего, внутренние, последний шов — наружный. В готовой байдарке швы тщательно промазывались жиром морских животных, чтобы внутрь не просачивалась вода. Верхние швы байдарки украшали вставленными в них мелкими перышками птиц и длинной шерстью. После прихода русских в швы вместо перьев стали вставлять отрезки разноцветных шерстяных ниток размером от 0.5 до 1 см; украшали швы также корольками (крупные бусы) и стеклярусом разных цветов. Готовясь к выезду в море, охотники стелили на дно байдарки старую шкуру, на нее — травяные циновки, затем клали груз (провизию, воду, камни для балласта).

Перед люком, где должен сидеть охотник, и за ним натягивали поперек байдарки одну или две полосы китового уса или сухо-

жильных бечевок, под которыми закрепляли охотничьи орудия. С боков эти полосы часто украшали костяными резными изображениями бобров. Сзади люка на многих байдарках делали петли из ремней (одна пара, а иногда две). Они служили, по-видимому, для транспортировки дичи.

Обшивку байдарки меняли каждый год или даже чаще (более длительного срока она не выдерживала). Чтобы кожа не разбухала в воде и не ссыхалась на суше, ее периодически смазывали жиром. Остов байдарки, правда с починкой, мог служить несколько лет.

Строительством байдарок и байдар занимались особые мастера, искусство которых высоко ценилось; починить байдарку мог каждый алеут.

В материалах, используемых для изготовления байдарок, нашли максимально целесообразное использование все средства, предоставляемые природными ресурсами островов: выбрасываемое морем дерево, шкуры, сухожилия и жир морских животных, китовый ус, кость. Украшения байдарок иллюстрируют художественные наклонности алеутов и некоторые стороны мировоззрения, связанные с охотой.

Тип обтянутой кожей охотничьей лодки с деревянным каркасом, с закрытой, за исключением люка для гребца-охотника, палубой, был распространен вдоль всего северного побережья Северной Америки, включая ее северо-западную часть, побережья Гренландии, а также на северо-востоке Азии (у эскимосов, чукчей, коряков). В пределах этого района имеется много вариантов кожаных лодок особых локальных форм, свойственных тому или иному району или племенной группе.³⁴ Но главные черты единого типа конструкции сохраняются повсеместно: деревянный каркас, состоящий из верхней рамы с продольным (планшири, мидельвейсы) и поперечными (бимсы) деталями; «ложный киль»; стрингеры; шпангоуты; покрышка из кожи морских животных, оставляющая открытый только люк.

Характер кожаных лодок был обусловлен в первую очередь тем конкретным районом, где они должны были применяться (в открытом море, на прибрежной полосе, в окружении льдов, в реке, озере), затем — функцией в хозяйстве.

Так, конструкция байдарок алеутов — островного народа, у которого морская охота являлась ведущей отраслью хозяйства, достигла наивысшего совершенства. Они были прекрасно приспособлены к плаванию в открытом море — имели наибольшую длину

³⁴ Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1961, с. 107—130; *Birket-Smith K.* 1) *The Eskimos*. London, 1936, p. 83—89; 2) *The Caribon Eskimos. Material and Social Life and their Cultural Position*. Copenhagen, 1929, p. 172—175; *Boas F.* 1) *The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay*. — BAMNH, 1901, v. XV, p. 9—13, 76—78; 2) *The Central Eskimo* — ARBAE, 1888, VI, p. 390—669.

при малой ширине и острокильности, обладали быстроходностью, маневренностью, у алеутских байдарок были заостренный нос и срезанная корма с кормовым выступом (ахтерштевнем). У каяков эскимосов (включая даже тихоокеанскую группу их), чукчей, коряков в основном нос и корма одинаково заострены. Последнее позволяло в условиях плавания среди льдин двигаться без разворота в обоих направлениях. Алеутам же при незамерзающем круглый год море не было необходимости снижать мореходные качества своих байдарок за счет таких деталей. Раздвоенный по вертикали форштевень алеутских байдарок также следует, по-видимому, отнести к достижениям алеутского судостроения. Это, вместе с составной киевой планкой, давало способность «изгибаться на волне». И, кроме того, видимо, такой форштевень, рассекая боковую волну, был лучше предохранял от перелома. В целом можно вполне присоединиться к словам Лафлина, определившего байдарку как «инженерный триумф алеутов».³⁵

Вениаминов, характеризуя байдарки восточных алеутов, заявляет, что «совершенствование байдарок принадлежит алеутам, это неоспоримо; стоит только видеть байдарки кадьякцев, аглехмюотов и других северных жителей, и даже самих их одноплеменцев — алеутов, живущих на ближайших островах к Камчатке, и с первого взгляда видно преимущество здешних байдарок перед всеми».³⁶

Естественно, что степень совершенства этих лодок и конструктивные особенности их отражают в каждом отдельном случае специализацию хозяйства. Как известно, в хозяйстве эскимосов значительную роль играла не только морская охота, но и зимняя охота на тюленей «подползанием», у продушин, сетями, сухопутная охота на оленя-карибу и некоторых других животных. Большое значение имело речное и озерное рыболовство. Кроме того, для морской охоты у эскимосов (а также чукчей и коряков) употреблялся не только каяк, промысловой была и многовесельная кожаная лодка — умиак. Так, охота на китов и других крупных морских животных осуществлялась большим коллективом охотников с умиака, тогда как алеуты и на китов охотились с тех же байдарок.

Становится очевидным, что техническое совершенство алеутских байдарок связано прежде всего со специализацией их хозяйства на морском промысле и рыболовстве, а затем уже — со специфическими особенностями их морского промысла, одним из главных проявлений которого являлась охота в открытом море.

Если говорить о различии байдарок восточных и западных алеутов, то здесь, кроме приведенного выше замечания Вениамина

³⁵ L a u g h l i n W. S. Human Migration and Permanent Occupation in the Bering Sea Area. — In: The Bering Land Bridge. Ed. by D. M. Hopkins. Stanford, 1967, p. 425.

³⁶ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 220.

о превосходстве байдарок лисьевских (восточных) алеутов по своим качествам над байдарками более западных алеутов, добавить нечего: конструктивных отличий нам отметить не удалось.

Многовесельные кожаные лодки — байдары — были до прихода русских неотъемлемой принадлежностью алеутского быта. Так, например, И. Соловьев сообщает о встрече с жителями о. Саннах (восточные Алеутские острова) на маленьком соседнем островке.³⁷ Саннахи приехали сюда всем селением для «исправления кормов к зиме» и сообщили, что они «всегда здесь летают, а на Саннахе в жилах живут зимою». Здесь находились 5 тойонов и 51 человек их «команды» (т. е. мужчин-охотников), а также жены и дети. Каждый алеут-охотник имел одноместную «маленькую байдарочку». Кроме того, у них было 5 «больших байдар, поднимающих целые семьи».

Относительно конструкции байдар вопрос несколько запутан. В музейных коллекциях алеутских байдар нет, нет и их моделей. Поэтому главное значение в определении вида этих лодок приобретают письменные свидетельства и зарисовки. В литературе встречаются лишь упоминания о них, но нет ни подробных описаний, ни рисунков. Вскоре после прихода русских на острова типично алеутские байдары стали редкими, а потом и совсем исчезли. Появился другой тип кожаной многовесельной лодки — байдары, употреблявшиеся русскими промышленниками. Эти байдары уже делались по образцу корякских. О таких лодках упоминал Ф. И. Соймонов.³⁸ Подробно на их характеристике останавливался Т. И. Шмалев: «. . . а российские промышленные сперва с собою дощатые малые лотки возили, ныне же то совсем отменили и употребляют наподобие тамошних байдар, сделав на Камчатке все основания оные наподобие малого бота или ялбота, то есть киль, штевни, тонкие кокорки и бархоты, потом разбирают, на судне возят, а по приходе на те острова собирают и не употребляют нигде железными гвоздями, но по большей части ремнями, вместо досок обшивают сивучевою или морских котов кожею, обив шерсть, которая в немалое время размокнуть не может, оные же так прочны, что и сквозь ея изнутри вода видима бывает, и делают их так немалы, что до 6 и до 8 человекам ездить можно, и между промыслу всегда втаскивают на берег и просушивают, что за лехкостию их касается, то втаскиват без болшого труда возможно, когда в промыслах удовольствие получат».³⁹

³⁷ О глоблин Н. Н. Путевые заметки морехода И. М. Соловьева. 1770—1775. Эпизод из истории русских открытий в Восточном океане. — Русская старина, 1892, кн. IX, с. 744—762.

³⁸ Соймонов Ф. И. К древней пословице — Сибирь — золотое дно. Собрание сочинений к пользе и увеселению служащих. СПб., 1761, ноябрь—январь.

³⁹ Шмалев Т. И. Прибавления к журналу тайного советника и сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова. — ЦГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 10, л. 10 об,

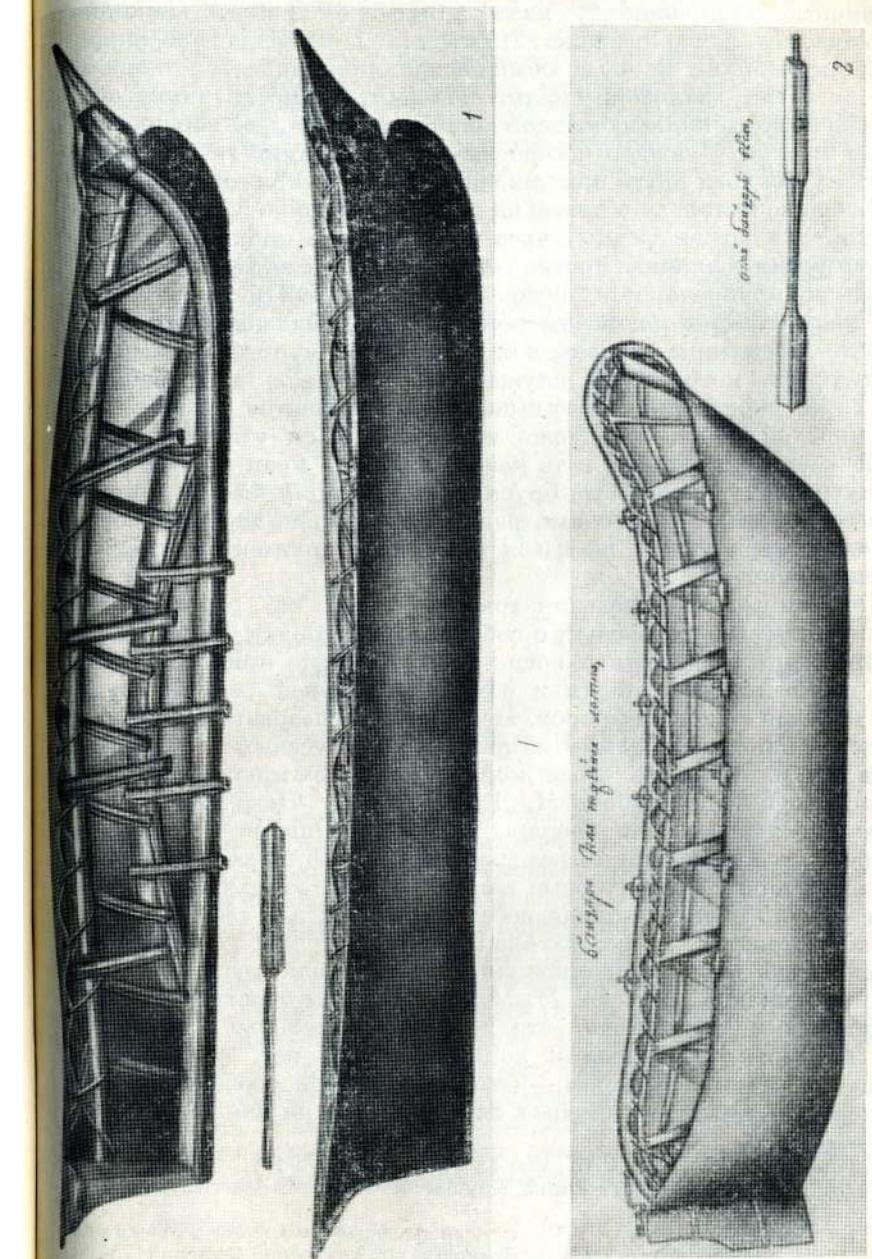

Рис. 12. Байдары. Рисунки М. Д. Левашова. ЦГАВМФ.
1 — традиционная алеутская байдара; 2 — байдара русских промышленников.

Далее: «§ 1. Как выше упомянуто, что все основания делаются деревянные, а именно: 1) киль длиною 8 аршин, шириной 4 вершка, толщиною 3 вершка, 2) штевни, оба не толще 4 вершков, нижними концами на суда обыкновенно приставлены к концам киля, а сверху наложены малые кокорки, прикрепленные гвоздями, 3) по всему килю на каждом аршине положены в 3 вершка шириной бруски, у каждой посередине прибито двумя гвоздями, на концах у всякого бруса приставлены кокорки с криваго конца по 5 и 6 вершков длиною, а прямо на киль вышиною до борта, те кривые кокорки ис поперечных чрез киль брусков прикреплены китовыми усами толщиною против гусиного пера, а на верхнем конце потом уж прикрепляется бруск или тонкий шестик вместо бортов, вместо банков положены поперек 5 и 6 маленьких дощечек, которые концы прикреплены к стоячим кокорам, потом уже китовыми усами, которые им служат вместо банков для гребцов.

§ 2. По укреплению всего вышеписанного сплошное кожей сиучка или морской коровы, подложка под киль, краем утягивает чрез верхней бортовой бруск и те кожи или чехла края прикрепляет по внутреннему ниже борта бруск или круглому шестику, кожу сшивает вервями или жилами, равно как морские парусы шьетца накладное на круж в 2 шва, вся тех байдар архитектора состоит вышеписанном».⁴⁰

Приводимые ими сведения говорят о том, что русские промышленники вначале возили с собой дощатые лодки, затем стали возить только их деревянное основание, а уже по приходе на острова собирали остов лодки и обтягивали кожей сивучей, морских котиков и морских коров. Некоторые исследователи считают алеутским типом байдар именно такую лодку русских промышленников, т. е. в основе своей корякскую.⁴¹ Помогают прояснить вопрос рисунки из альбома М. Д. Левашова.⁴² На одном из них мы видим изображение байдары промышленников с подписью «байдара, или коженная лотка» (рис. 12, 2). Она имеет закругленные нос и корму, характерные для корякских байдар, но вместе с тем — руль и уключины для весел, 8 скамеек для гребцов, чего нет на настоящих корякских байдарах. На другом рисунке безусловно изображена традиционная алеутская байдара, хотя подписи нет никакой (рис. 12, 1). У этой байдары заостренный нос и раздвоенный форштевень, что характерно также и для алеутских байдарок. Заострена и крма. Скамеек нет, есть только узкие поперечные распорки — бимсы (в ранних сообщениях говорится, что алеуты в байдарах сидели прямо на днище, а не на

⁴⁰ То же. — АВИР, ф. РАК, оп. 888, д. 2, л. 157—158.

⁴¹ Dugham B. Canoes and Kayaks of Western America. Seattle, 1960, p. 21.

⁴² См.: Ляпунова Р. Г. Этнографическое значение экспедиции капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.). — СЭ, 1971, № 6.

скамейках). Этот рисунок Левашова представляет большую ценность, так как помогает установить настоящий вид традиционной алеутской байдары.

Следует отметить, что иллюстрации, имеющиеся в работе В. И. Иохельсона, представляют тип алеутских байдар уже начала XX в.⁴³ В их конструкции есть элементы традиционных алеутских байдар и элементы, привнесенные русскими. У байдар заостренный нос, но форштевень не раздвоен, крма почти отвесная, есть скамейки.

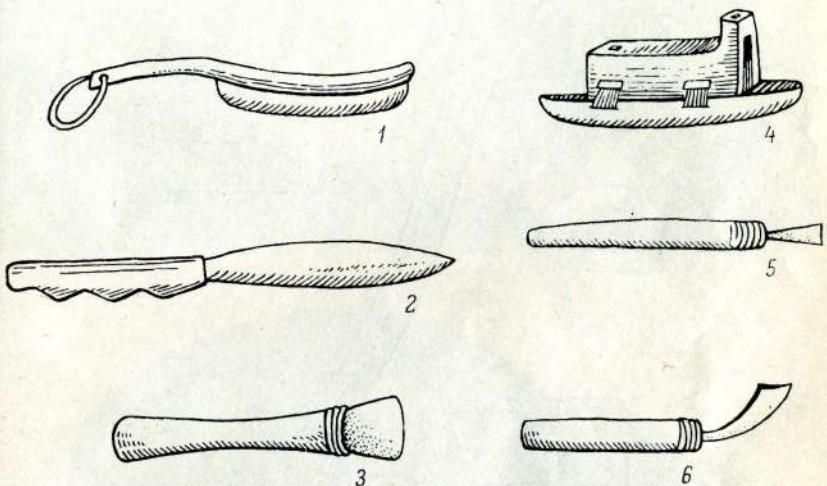

Рис. 13. Мужские орудия труда. (1—6 — по М. Д. Левашову).

Рассмотрев алеутские лодки, мы имели возможность убедиться в том, что островные условия сделали из алеутов прекрасных мореходов, оснащенных высокоразвитыми средствами передвижения по морю. Но все это, конечно, потребовало длительного периода адаптации в данном конкретном районе.

Остановимся теперь вкратце на орудиях, употреблявшихся алеутами-мужчинами для изготовления промысловых орудий, оружия, байдарок и других изделий, а также на основных женских орудиях. Этнографические данные по этой теме крайне ограничены, так как довольно быстро традиционные алеутские орудия труда вышли из употребления. Материалом для орудий до прихода русских служили камень, кость и дерево, лишь в небольшом количестве проникал на Алеутские острова металл (или обменом через Аляску, или вместе с деревянными

⁴³ J o c h e l s o n W. I. History, Ethnology and Anthropology of the Aleuts. Washington, 1933, p. 56, 58.

частями разбитых судов); из него холодной ковкой изготовляли ножи и наконечники.

Для обработки дерева алеуты прежде всего употребляли kostяные клинья, которыми они раскалывали древесину. Затем ее обтесывали топором. Топоры алеутов были подобны шляхтам

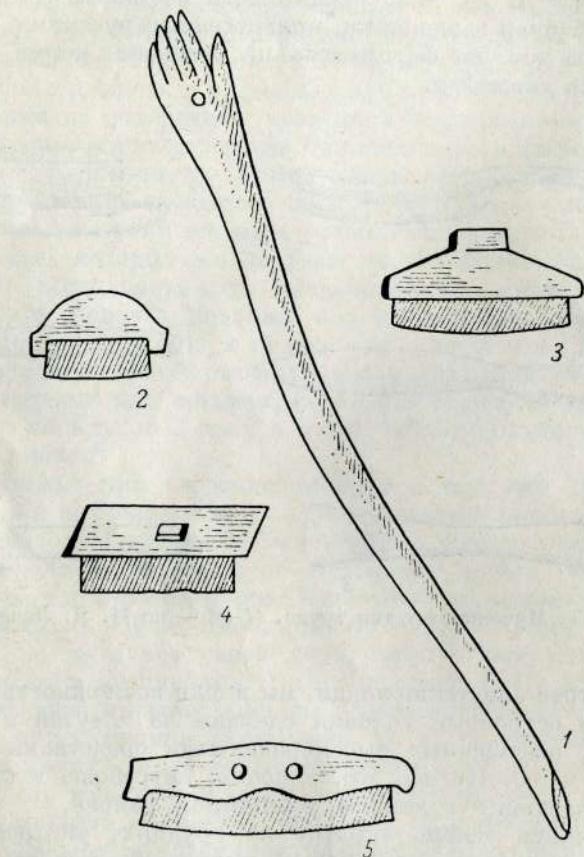

Рис. 14. Женские орудия труда. (1—5 — по М. Д. Левашову).

(обтесывающим орудиям), т. е. топорища прикреплялись так, что лезвие было перпендикулярно рукоятке. Каменное топорище привязывалось к деревянной рукоятке ремнями и сухожилиями.⁴⁴

⁴⁴ Jochelson W. I. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925, p. 32, 57, 58, 90, 120; Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 249.

Дальнейшая обработка изделий производилась уже более мелкими инструментами. Уникальное изображение набора инструментов алеутов XVIII в. находится в альбоме М. Д. Левашова — «набор инструментов для делания байдарок и стрел»

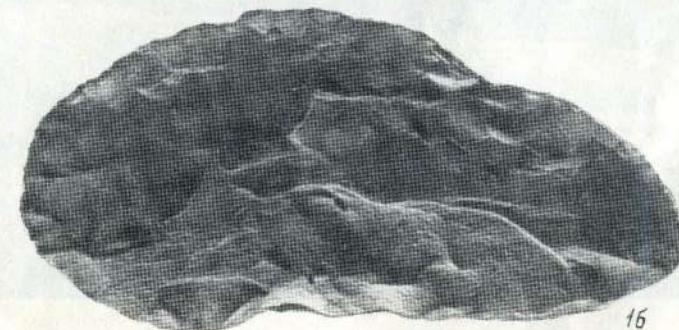
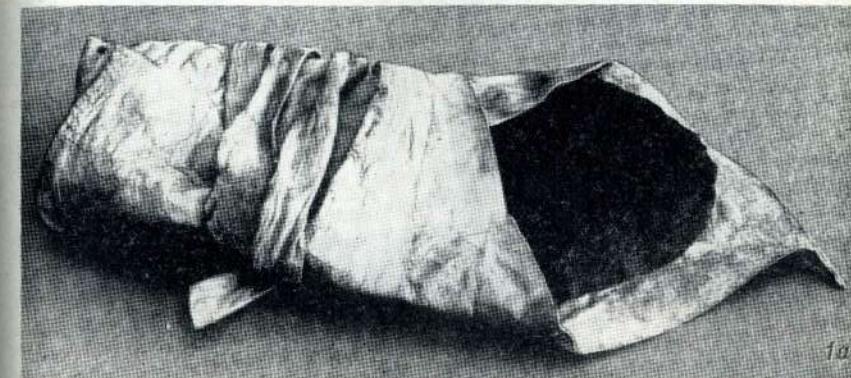
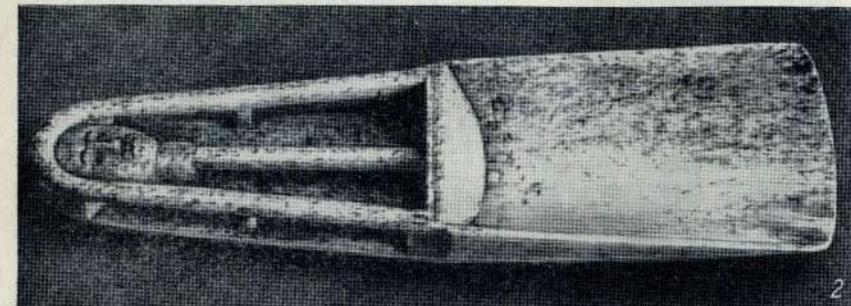

Рис. 15. Женские орудия труда. (По колл. МАЭ).
1а, 1б — нож, № 4104-137.

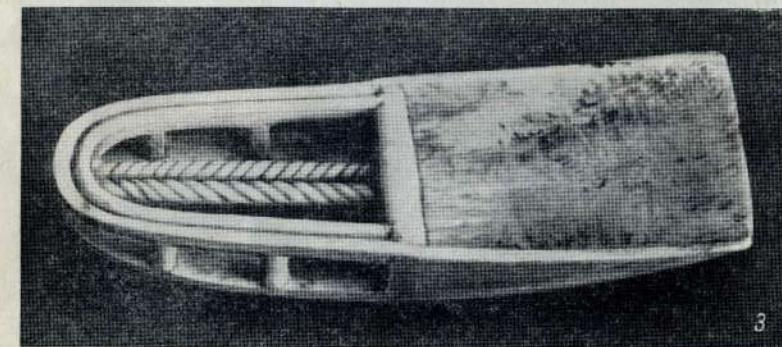
(рис. 2 и 13).⁴⁵ Из шести предметов четыре (рис. 13, 3—6) имеют подписи, которые хотя и с трудом, но все же можно разобрать. Рис. 13, 1 и 2 — разновидности ножей; рукоятки их, судя по раскраске на рисунке Левашова, деревянные. Рис. 13, 3 — орудие типа долота (на оригинале над ним надпись — «счищают стрелки»). Рис. 13, 4 — ретушер (подпись — «сим обделяют для стрел камешки», причем над рукояткой написано «дерево», а около

⁴⁵ Рис. 13 сделан по акварели М. Д. Левашова.

нижней рабочей части — «кость»). На орудиях этого типа подробно останавливался Иохельсон.⁴⁶ Он дает и рисунок с модели такого инструмента, которую изготовил по его просьбе один старый алеут.⁴⁷ Рис. 13, 5 — резец (подпись под ним — «вертук,

2

3

Рис. 15 (*продолжение*).

2, 3 — скребки, № 4104-55, 2937-17.

сим делают дыры»). Рис. 13, 6 — тоже резец, но изогнутый (около рукоятки его написано — «дерево», а у рабочей части — «зуб звериной»; подпись под инструментом — «оным и в дереве вынимают желобки в какое-нибудь дело»).

Орудия, которыми пользовались женщины, связаны с собирательством, обработкой шкур и т. д. (рис. 14). Это палка-копалка для выкапывания съедобных корней — копарулька, широкие сланцевые ножи с деревянной рукояткой у обуха для раскрайки

⁴⁶ J o c h e l s o n W. I. Archaeological Investigations. . . , p. 71.
⁴⁷ Ibid., p. 70.

шкур и пр. — пекулки. Изображения этих предметов даны по рисункам Левашова. В коллекциях МАЭ имеется обсидиановый нож, употребляемый без рукоятки (рис. 15, 1). Овальный по форме, он более округлый с одного конца и более заостренный — с другого. Завернут нож в полосу тонкой белой кожи. О таких ножах упоминает Иохельсон и приводит их образцы.⁴⁸ Имеются в коллекциях МАЭ два скребка для очистки мездры (рис. 15, 2, 3). Оба они, помимо свидетельств о типе алеутских скребков, иллюстрируют и высокохудожественную резьбу по кости.

Рассмотренные выше орудия демонстрируют дифференциацию труда мужчин и женщин в алеутском обществе, связанную с разным характером их участия в хозяйственной жизни.

⁴⁸ Ibid., p. 63.

Г л а в а 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассмотрев хозяйство алеутов, мы подошли к вопросу о производственных отношениях, выражающихся в отношениях к собственности, к вопросу о социально-экономических отношениях, существовавших у алеутов на базе определенного уровня развития производительных сил их общества. Даже частичное (из-за недостатка материалов) освещение этих вопросов представляется крайне необходимым для характеристики общества алеутов ко времени знакомства с ними русских.

Основным источником сведений об общественном строе алеутов является труд И. Вениаминова.¹ Составленное им описание алеутов восточной части островов содержит попытку реконструкции алеутского общества первой половины XVIII в. (Ко времени прибытия Вениаминова на острова в социальной структуре алеутов произошли уже сильные изменения). Но сведения Вениаминова, к сожалению, далеко не исчерпывающие, а ряд утверждений его требует проверки. Не определяет он, естественно, и характер социального строя алеутов. Общую оценку Вениаминовым уровня развития алеутов можно видеть лишь в следующем замечании: «Алеуты выше индейцев, потому что местность заставляет их изобретать средства к продовольствию и, следовательно, совершенствовать смысленость свою».²

Анализируя сведения, изложенные Вениаминовым, М. В. Степанова пришла к следующему выводу: «Общество, которое рисует нам Вениаминов, переживает переходную стадию от родо-

¹ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. I—III. СПб., 1840.

² Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 18. — Здесь он имеет в виду индейцев Северо-Западной Америки, которые также были объектом его изучения.

племенного строя к "военной демократии". Если в тлинкитах следует видеть прототип германцев Тацита, то восточные алеуты Вениаминова имеют сходство со скандинавами предвикинговой поры».³

Вопрос об общественном строе алеутов как часть единой проблемы общественного строя эскимосов и алеутов был исследован Л. А. Файнбергом.⁴ Основное внимание он обратил на доказательство существования в прошлом у алеутов материнского рода. Алеутское общество конца XVIII в. он определяет как переходное от материнской родовой организации к отцовскому роду с наличием «по крайней мере формально рода-племенной организации» при начавшемся имущественном и социальном расслоении.⁵

Зарубежными специалистами вопросы общественного строя алеутов до самого последнего времени почти не затрагивались. Лишь В. С. Лафлин, присоединяясь к распространенной среди западных исследователей теории о изначально безродовом обществе эскимосов, высказал предположение, что и у алеутов род развился в сравнительно позднее время, как это будто бы имело место у эскимосов о. Св. Лаврентия.⁶ Дж. Берреман также не усматривает существования в прошлом у алеутов рода-племенной организации, а исходит из положения, что супружеская пара издавна была первичным социальным и экономическим объединением алеутов, а селение — самым большим конечным. Представляется интересным заключение Берремана об индивидуализме как одной из примечательных черт алеутского характера.⁷ И только в 1970 г. в ответ на особый в последние годы интерес к алеутам как к народу, объединяющему цепь культур Старого и Нового Света, появился большой труд американской исследовательницы М. Лантис о социальной организации алеутов 1750—1810 гг. по ранним историческим источникам.⁸

Эта работа, естественно, базируется главным образом на старых русских публикациях. Нужно отметить широту охвата их и тщательность характеристик. В основной части своего труда автор приводит материалы, распределяя их по следующим руб-

³ Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф. — ТИЭ, и. с., т. 2, 1947, с. 298—300.

⁴ Файнберг Л. А. 1) К вопросу о родовом строе у алеутов. — КСИЭ, т. XXIII, 1955; 2) Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.

⁵ Файнберг Л. А. Общественный строй..., с. 151—160, 208—213, 244.

⁶ Laughrin W. S. Eskimos and Aleuts. Their Origins and Evolution. — Science, 1963, v. 142, № 3593; Hughes Ch. An Eskimo deviant from Eskimo Type of Social organisation. — AA, 1958, v. 60, № 6.

⁷ Bergeman G. 1) Inquiry into community in an Aleutian village. — AA, 1955, v. 57, № 1; 2) Effects of a technological change in an Aleutian village. — Arctic, 1954, v. 7, № 2.

⁸ Lantis M. The Aleut Social System, 1750 to 1810, from Early Historical Sources. — In: Studies in Anthropology, 7, Ethnohistory in Southwestern Alaska and the Southern Yukon. Univ. Press of Kentucky, 1970, p. 139—311.

рикам: население островов; селения; жилища; домашнее хозяйство; домашняя жизнь; обычаи, отмечающие рождение, зрелость, брак, смерть; социальная система — родство, партнерство, тайные общества, классы и касты, политическая власть и управление, собственность и торговля. Подводя итоги, Лантис подчеркивает, что приведенные ею данные должны послужить основой для выяснения «все еще остающегося неясным культурного и исторического места алеутов в истории северотихоокеанского и берингоморского ареалов». Это, по ее мнению, должно быть выполнено в дальнейшем путем сравнительного изучения культуры алеутов и культур, находящихся к западу и востоку от них, т. е. на азиатском побережье Тихого океана и на американском.

Мы старались привлечь к исследованию социально-экономических отношений, сложившихся у алеутов к середине XVIII в., те данные, которые были получены в первые десятилетия после открытия русскими островов. Это «скаски» и «репорты» русских купцов и промысленников, посещавших Алеутские острова во второй половине XVIII в., материалы правительственные экспедиций 1764—1769 (Креницына—Левашова) и 1785—1793 гг. (Билингса—Сарычева), а также записки А. А. Баранова об Уналашке, относящиеся к 1790 г. Некоторые из этих материалов опубликованы, а часть извлечена из архивов.

Несмотря на то что мы располагаем довольно скучным материалом, не дающим возможности до конца прояснить некоторые стороны производственных отношений и характер общественных институтов, даже имеющиеся сведения позволяют увидеть самобытные черты алеутского общества и конкретно-историческое своеобразие его развития.

Рассматривая хозяйственные занятия алеутов, мы отмечали, что их основные промыслы (охота на морских животных, ловля в море рыбы, охота на птиц) были связаны в ряде случаев с кооперацией труда как средством повышения его производительности. Но она не имела уже обязательного характера. Наряду с коллективными широко практиковались и индивидуальные промыслы. Особую роль при этом играло использование в качестве промысловской лодки однолючной байдарки, а не многовесельной байдары. Байдарка с ее прекрасными мореходными качествами во многом определяла характер промыслов.

Очень важно, что этот тип охотничьей лодки допускал возможность индивидуальной охоты. Байдарка могла быть спущена на воду, а также вынесена на берег только усилиями самого охотника. Алеутский охотник в своей байдарке мог отправиться на промысел, не нуждаясь в сопровождении товарищей по охоте. Сообщения о таких выездах встречаются в фольклоре алеутов. Привезенная охотником добыча бывала и довольно значительной: 100—200 кг внутри байдарки и сотни килограммов на буксире (для транспортировки дичи имелись поплавки из тюленьих шкур).

Значит, байдарка позволяла поддерживать обособленное существование охотника и его семьи без обязательной кооперации усилий всей общины или даже нескольких ее членов.

Орудия охоты алеутов, как мы видели, были исключительно хорошо приспособлены к особенностям их морского промысла.

В целом можно сказать, что весьма совершенные средства производства, высокая квалификация охотников, выработанная многими веками ведения данного вида хозяйства, способствовали развитию у алеутов довольно высокой производительности труда, дающей высокую эффективность их производственной деятельности. В этих условиях кооперация труда как средство повышения его производительности была уже не столь необходимой. Роль индивидуальных охотничьих промыслов и соответственно отдельных охотников-промышленников была значительной.

Однако кооперация труда была обязательной при добыче и заготовке впрок рыбы на сезонных перестилищах в речках. Этими промыслами занимались женщины. Известно, что на этот период они с детьми собирались группами и расселялись по определенным местам. Но, к сожалению, мы имеем только сведения, что эти группы составлялись из женщин или всего селения, или же нескольких семей.

Собирательство также было делом только женщин и детей. Кооперации здесь не отмечено.

Последние виды промыслов не являлись ведущими в условиях хозяйства алеутов рассматриваемого периода, они играли уже только вспомогательную роль.

Однолючная байдарка и охотничьи орудия были собственностью одного охотника, т. е. основные средства производства находились в индивидуальном владении. Наряду с практикой индивидуальных промыслов это свидетельствует об экономической самостоятельности отдельных семей, возглавляемых хозяином-охотником. Об этом же говорит и характер норм распределения материальных благ в алеутском обществе рассматриваемого периода: индивидуализация труда вела к индивидуализации присвоения и к выделению малой семьи из коллектива общины. Как известно, коллективный характер производства при первобытнообщинном строе обуславливал и коллективный характер потребления. У алеутов же существовала практика индивидуального присвоения добычи индивидуального промысла, но с пережиточными явлениями коллективного распределения.

На это указывает ряд обычаев. У алеутов, так же как у некоторых групп эскимосов, отмечен обычай, являющийся пережитком существовавшего ранее коллективного распределения: «С начала промысла первого убитого зверя мясо хозяин оного раздает в своем селении всем алеутам, по части каждому».⁹

⁹ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 197.

Кроме того, у алеутов бытоваля определенная форма экономических содружеств, основанных на братском родстве. Причем это были фиктивные братские связи, на что указывает термин *агитудак* — «брать», «товарищ».¹⁰ Очевидно, именно этот обычай отражен в сообщении, что при охоте на морского бобра первый, попавший стрелой и получивший животное, никогда не оставлял его себе, а дарил своему ближайшему родственнику, который в свою очередь поступал таким же образом.¹¹ Эти пришедшие на смену коллективным экономические связи между отдельными семьями опять-таки указывают на отсутствие коллективных норм распределения.

Имеющиеся в архивах сообщения второй половины XVIII в. подтверждают, что у алеутов существовала значительная доля индивидуальных промыслов, продукты которых присваивались отдельными семьями, а не распределялись на всех. Например, в записках А. А. Баранова мы читаем: «... они не знают общественно ни нужд, ни выгод, а к собственности привязаны, даже и в промыслах бывает часто так, что один подстрелит нерпу или котика стрелкою, другой готового хватает и редко делится в чем, разве больших зверей — сивучей упромышлят вообще или кита выкинет, но и тут сколько можно старается один перед другим более присвоить».¹²

Из сообщения о бедственном положении в общине сирот, которые были вынуждены кормиться только собирательством в приливно-отливной зоне или оставшимися от других обглоданными костями, также можно сделать вывод об отсутствии коллективных норм распределения.¹³

Исконные традиции коллективного распределения пищи между всеми общинниками сохраняли свое значение только при ее крайнем недостатке.¹⁴

Для распределения добычи существовали определенные нормы. Наибольшее равенство наблюдалось при распределении выброшенных на берег китов. Первый человек, нашедший кита, имел право взять себе половину перепонки с языка, половину кишок и сухожилий, «остальное же тоен селения распределял всем алеутам поровну».¹⁵ Если в ките находили рану с наконечником копья, то по знаку собственности устанавливали, кто ранил животное. Если кит был ранен охотником из другого селения,

¹⁰ Вениаминов И. 1) Записки..., т. III, с. 23; 2) Опыт грамматики алеутско-лесьеского языка. СПб., 1846, с. 4.

¹¹ Jacob A. Carl Heinrich Merks Ethnographische Beobachtungen über die Völker des Beringmeers. — BA, Bd. XX, №. 3—4, 1937, S. 120.

¹² Цит. по: Хлебников К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. III. — ЛОИИ, ф. 115, д. 344, л. 14 об.

¹³ Журнал экспедиции Креницына—Левашова. — ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. 1, л. 252 об.

¹⁴ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 56.

¹⁵ Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 201.

то извещали его жителей и добычу делили сообща. Собственнику наконечника принадлежали лучшие доли, остальное глава селения распределял поровну.

Распределение добычи коллективных промыслов производилось всегда по строго установленным правилам.

Добытый сивуч делился следующим образом: первый, попавший стрелой с пузырем, получал половину кожи и половину кишок и имел право назначить другую половину кожи и кишок, кому ему заблагорассудится (из участвовавших в промысле); второй, попавший стрелой, получал горло и остальные кишки; третий — пузыри; четвертому и пятому доставались передние ласты; шестому и седьмому — задние ласты; мясо же делилось на всех, кто был на промысле. При охоте на котиков шкура животного доставалась тому, чья стрела с надутым пузырем первой попадала в зверя. Мясо делилось между всеми участниками промысла. При охоте на морского бобра шкуру (представлявшую наибольшую ценность) получал охотник, который первый попадал в него гарпуном. Если в зверя попадало сразу несколько гарпунов, то шкуру получал тот охотник, чей гарпун был ближе к голове, — в случае, если смертельная рана находилась на спине; если такая рана была на животе — то получал ее тот, чей гарпун был ближе к хвосту (на всех гарпунах имелись знаки собственности). Остальные участники охоты получали положенные доли мяса.¹⁶

Указанным правилам распределения добычи соответствуют и сведения о хранении пищевых запасов каждой семьей отдельно. В больших коллективных жилищах алеутов имелись помещения для каждой семьи, где хранились ее имущество и «кормовые запасы». Кроме того, «достаточные хозяева иногда делали особые каморки (*агаяк*) в сторону от своего отделения, врываясь внутрь стены, где хранили свое имущество в пищу».¹⁷ Летние жилища (*уляк*), существовавшие, правда, не на всех островах, были уже не коллективными, а отдельными для каждой семьи. И в них круглый год семья хранила промысловое снаряжение, пищевые запасы и имущество.

В общем жилище ели не сообща, а каждая семья в своем помещении.¹⁸

Охотничий и рыболовные угодья у алеутов являлись коллективной собственностью общин-селений: «...всякое селение имело свои отдельные места для промыслов... Вожди селений обязаны были защищать свои угодья и... не позволять посторонним промышлять в чужих границах».¹⁹

Сведения ранних русских источников («репорт» И. Соловьева) подтверждают это: «А где же кто имеет жилище, другой побли-

¹⁶ Там же, с. 196—197.

¹⁷ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 207.

¹⁸ Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 121.

¹⁹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 166.

зости оного зверей промышлять, а что и с моря выкинет, явно взять не смеет, разве с дозволения».²⁰ Или: «...всякая хижина или усадьба бережет свое на берегу место. Чужие нуждающиеся люди не смеют поднять ни же мертвый рыбы, но должны сперва просить оной как милостыню; в противном же случае с целыми головами не уплетутся ... необитаемые острова принадлежат всем равно; на населенных же бывают или как гости, или как неприятели».²¹

В фольклоре алеутов встречается сюжет, где нарушители этого правила наказываются смертью.²²

Кроме собственности отдельных общин на определенные угодья, имелась, по-видимому, и собственность на земли объединений ряда селений-общин (например, одного острова). Тойон, возглавлявший объединение нескольких родственных селений со своими вождями-тойонами, считался «владетелем своего острова или участка» и имел право на долю «от всего выкинутого» (выброшенных на берег морских животных, рыб, древесины и пр.) на этой территории, тогда как тойоны селений на участках своих общин таким правом не пользовались.²³

В сообщении купца В. Шилова (1767 г.) можно усматривать также указание на существование такого рода угодий: «... не видели они (русские промышленники, — Р. Л.) никогда, чтобы одного острова жители между собою воевали, а примечены битвы по причине угодий в промысле одного острова против другого общими силами».²⁴

Источники отмечают и борьбу между отдельными общинами за места промыслов. «Слабейшие и беднейшие» вынуждены были «искать себе средства к существованию в другом месте, делаясь недругами или даже врагами прежних своих утеснителей, а потом и всем единоплеменникам».²⁵ По-видимому, это нашло отражение и в названиях отдельных групп населения. Так, жителей Ближних островов восточные алеуты называли «изгнанные с острова».²⁶

При определении экономических отношений внутри домашней общины алеутов следует учитывать прежде всего, что они складывались при доминирующей роли мужчин во всех сферах хозяйственной жизни. У алеутов существовало четкое разделение труда между полами. Мужчины занимались промыслами морских животных, удили в море рыбу, охотились на птиц, заготавливали

²⁰ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. А. И. Андреева. М., 1948, с. 167—168.

²¹ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. III. СПб., 1799, с. 92.

²² Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 280—282.

²³ Там же, с. 166—168.

²⁴ Русские открытия..., 1948, с. 177.

²⁵ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 94—95.

²⁶ Jacob A. Carl Heinrich Merks..., S. 116.

древесину (плавнёе дерево), изготавляли охотничи байдарки и байдары, промысловые орудия и оружие, охотничи деревянные головные уборы, каменную и деревянную посуду, строили жилища. К женским работам, выполнять которые мужчины считалось постыдным, относились промысел рыбы в речках и за-

Рис. 16. Тойон с Лисьих островов. Акварель
М. Т. Тиханова. Музей Академии художеств СССР.

готовка ее впрок, выкапывание корней и сбор ягод, собирательство в приливно-отливной зоне, шитье, плетение, изготовление сухожильных нитей. Таким образом, благодаря труду мужчин алеуты были обеспечены основным продуктом питания — мясом, материалом для одежды и средств производства, орудиями и некоторыми предметами домашнего обихода, жилищами. Соответ-

ственno этому мужчины являлись владельцами основных средств производства. Труд женщин играл хотя и важную, но подсобную роль в хозяйственной жизни.

Существовавшие производственные отношения и отношения в сфере распределения создавали предпосылки для социального расслоения в общине алеутов. В ранних источниках есть сведения, что у алеутов уже имели место имущественная дифференциация и начальные формы эксплуатации человека человеком. Патриархальное рабство уже прочно вошло в их жизнь и нашло отражение в идеологии.

Согласно Вениаминову, у алеутов были три «сословия»: «почетные», «простолюдины» и «калги» (рабы).

«Тоёны и их дети и племянники составляли высшее сословие; прославившиеся воинскими подвигами и искусством в промыслах и потомки их составляли так называемых собственно почетных; класс простолюдинов составляли все обыкновенные алеуты, ни в чем не отличившиеся, и вольноотпущеные рабы; а калгами были военнопленные и их потомство».²⁷

Но даже по материалам самого Вениаминова получается, что в обществе алеутов существовали не три подразделения, а больше.

Тойоны, их дети и племянники представляли, по-видимому, высшую категорию — потомственную родовую знать (рис. 16).²⁸ Это была социально и имущественно выделенная группа. Ей свойственно было особое размещение в большом доме: семья тойона всегда занимала переднюю, восточную сторону жилища (жилища строили протяженными с востока на запад, а восток особо почитался алеутами). Если в селении имелось несколько домов, то вождь с семьей размещался в самом большом. Этую группу отличали и характер погребений, и одежда, и наличие рабов для услугений.

«Собственно почетные» — это, вероятно, вновь выделившаяся имущая прослойка и военная знать. Они также могли иметь рабов: «Право владеть калгами имели одни только почетные, простолюдины весьма редко».²⁹

Названные две категории отличались от прочих тем, что были лучше снабжены пищей и имели возможность накапливать в своих руках богатство: самые хорошие байдарки, каменные ножи и кинжалы, богато украшенные деревянные головные уборы, хорошо выделанные орудия и оружие, нарядные парки, камлейки, разные краски и, наконец, костяные украшения для лица и самые дорогие украшения — янтарь и «цукли» (раковины денталия). Продукты охоты и рыбной ловли как богатство але-

²⁷ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 164—165.

²⁸ Рисунок выполнен М. Т. Тихановым, участником кругосветного путешествия 1817—1819 гг. на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головина.

²⁹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 164—165.

утами не накапливались (в отличие от индейцев северо-западного побережья Северной Америки).

К третьей категории относились «простолюдины» — рядовые члены общины.

Четвертую категорию составляли так называемые безродные алеуты. К ним относились отпущеные на волю рабы и переселенцы с других островов. Это была экономически зависимая категория. О том, каково было положение «бездонных алеутов», может свидетельствовать песня, судя по тексту, сложенная одним из них: «Так как я человек бедный (работающий), должен я поневоле благодарить и веселиться».³⁰

И наконец, самую низшую ступень на общественной лестнице занимали рабы — «калги».

Рабство у алеутов было широко распространено еще в конце XVIII в. Некоторые алеуты имели до 20 рабов. Количеством рабов измерялось богатство человека. Рабы являлись частной собственностью тойонов, членов их семей и других «почетных» алеутов. Из фольклора алеутов можно видеть, что рабы находились в личном услужении у каждого члена семьи. Слова «раб» и «слуга» у алеутов обозначаются одним термином: *таляк* — «раб», *«слуга», *аягам таляганы** — «служанка», «рабыня».³¹ Рабыни часто становились наложницами.

Раб целиком находился во власти господина. Наказания рабов были четко определены: «. . . за непослушание резали уши, за перенос господских речей отрезали губы, а если он не унимался и особенно если от его языка рождались вражды, то неминуемая смерть была его участью. За первый побег наказывали телесно, т. е. били чем попало; за второй — связывали руки назад и в таком положении держали несколько времени; за третий — резали у ног икры; за четвертый — казнили смертию. Род смертной казни калгов был совсем другой: их не расстреливали, как прочих, но давили палками».³² Существовал обычай убийства рабов после смерти хозяина.

Раб являлся меновой единицей. «Цена калги была такова: за байдарку и за хорошую парку давали по паре калгов, т. е. мужа и жену; за каменный нож, за пару цуклей и за бобровую парку — по одному калге».³³

У Левашова имеется запись, характеризующая институт рабства у алеутов: «Вышеописанные начальники сами тут как своих байдарок, так и убору в байдарке ничего не работают, а убирают у них слуги, коих название калги».³⁴

³⁰ Там же, с. 303.

³¹ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 56.

³² Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 170.

³³ Там же, с. 165.

³⁴ Журнал экспедиции Креницына—Левашова, л. 241 об.

Кук описывает такую картину: «Мне случилось быть при обеде одного начальника, все кушанье его состояло из сырой головы только что пойманной большой рыбы. Двое слуг обрезали мясо коло жабр и съели, потом голову помыли и, нарезав куски от щек, подносили начальнику, который глотал оную с таким же удовольствием, как мы едим устрицы. По окончании сего обеда слуги разделили себе голову и оглодали оную до костей».³⁵

Охотничи и другие орудия, байдарки, используемые рабами, принадлежали хозяевам: «Калга не мог иметь своей собственности; все, приобретенное им, принадлежит господину его».³⁶

В быту алеутов труд рабов дополнял труд свободных. Они выполняли главным образом домашнюю, преимущественно женскую, работу. Делом рабов было «наблюдать чистоту и обходство домашнее», своих детей алеуты к этому не приучали, «говоря, что дети их не из рода калтов».³⁷ Встречается, однако, указание на изготовление рабами каменных ламп, на участие рабов в охоте и в военных морских походах.

Рабов иногда отпускали на волю, что считалось делом славным и достойным.

Дети рабов наследовали рабское состояние. Но дети рабыни от свободного мужчины становились свободными.

Судя по всему, рабство у алеутов, носившее патриархальный характер, было развитым институтом и имело значительную давность.

Рабов приобретали не только на войне, но и покупали во время морских походов у кадьякцев, чугачей, тлинкитов и кенайцев.

Первооткрыватель Андреяновских островов А. Толстых, сообщая о своем плавании в 1764 г., отмечал, что алеуты во время военных столкновений берут в плен своих противников и, «привезя в свое жилище, делят по родам и содержат оных во уединении и немалых работах и озлоблениях».³⁸

Левашов пишет об алеутах Уналашки, что они увозят с п-ова Аляска «меною ивойной баб, девок и ребят себе в холопы, а по их названию — в калги».³⁹

Из приведенных сообщений первое относится к алеутам западным, а второе — к восточным, т. е. рабство было характерно для обоих подразделений алеутов.

Наряду с эксплуатацией рабов в алеутском обществе существовала и эксплуатация беднейших сородичей. Так, сироты, чтобы не умереть с голodom, переходили на попечение какому-либо богатому человеку и работали на него за пищу и одежду. Хозяин,

³⁵ Сook J. A. Voyage to the Pacific Ocean. III. London, 1785, p. 106.

³⁶ Вениаминов И. Записки..., ч. II, с. 165.

³⁷ Там же, с. 73.

³⁸ ЦГАДА, ф. 538, ч. 1, л. 236—265.

³⁹ Цит. по: Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764—1769 гг.—ЗГДММ, ч. X, 1852, с. 99.

у которого вырос сирота, мог продать его, кому хотел.⁴⁰ Несколько случаев продажи сирот в рабство описано в дневниках Левашова. Например: «.. .примечено у жителей здешнего острова (Уналашки, — Р. Л.) в разных юртах много бедных маленьких ребят, совсем голых и в крайней нечистоте живущих, о коих чрез толмача уведомленность, что они беспомощные сироты, а пытаются только собирая при убылой воде ракушки и оставшимися от взрос-

Рис. 17. Алеуты о. Унимак. Акварель М. Т. Тиханова. Музей Академии художеств СССР.

лых людей оглоданными рыбьими костями. Наш капитан-лейтенант дал им чрез толмача: не похотят ли тоены, в коих юртах означенные малолетние сироты живут, продать оных на платье и рубашки, на что они с охотою и согласились, почему наш командующий купил на платье и обувь из помянутых сирот двоих».⁴¹

По-видимому, также эксплуатация беднейших сородичей отражена в сообщении С. Черепанова: «Тоены же имеют в холопстве у себя умерших родников своих жен и детей, а они называют этого тоена отцом».⁴²

⁴⁰ Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 216.

⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. 1, л. 252 об.

⁴² Русские открытия..., 1948, с. 115.

Таким образом, состав селений-общин алеутов был далеко не однородным (рис. 16, 17). Кроме родственников, в них жило значительное число чужоплеменников: рабов, «бездонных алеутов». И даже родственники были дифференцированы по имущественному признаку и социальному.

Домашнюю общину алеутов, видимо, можно уже рассматривать как патриархальную. Хотя, очевидно, некоторые локальные особенности на отдельных островах и существовали.

О характере селений для западной и восточной половин Алеутской гряды ко времени их открытия имеются несколько различные сведения. Относительно Ближних островов С. Черепановым сообщается, что в их селениях были «юрты», в которых жило по два, три и одному человеку, а также одна большая юрта, в которой жил «тоен с ближайшими своими родственниками».⁴³ Об Андреяновских островах есть сведения А. Толстых, что там имелись жилища, где жил «всякой женатый со своею семьей».⁴⁴ Эти два сообщения относятся к алеутам западным.

Самые первые сообщения о восточных алеутах содержат данные о том, что у них были селения с большими коллективными домами. Так, на о. Уналашка найдены селение с двумя «юртами», где обитало около 300 человек и было 3 тойона, селение с одной «юртой», где жило 30 человек и был 1 тойон, селение с одной «юртой», в которой находились ее 400 обитателей с 2 тойонами, селение с «одной большой юртой», где было 4 тойона.⁴⁵ Путешественники конца XVIII и самого начала XIX в. (Левашов, Кук, Лангсдорф, Сарычев и др.) сообщают о наличии таких же селений и жилищ в восточной цепи островов, но преимущественно с одним тойоном. О селении с одним тойоном говорит и Вениаминов.

Обитатели коллективного жилища с одним тойоном составляли, по-видимому, одну патриархальную домашнюю общину, а жители селения с несколькими тойонами — разросшиеся патриархальные домашние общины, в которых выделились уже новые, самостоятельные. То же самое относится к селению с несколькими большими домами. Селения с несколькими патриархальными общинами можно уже рассматривать как формирующиеся территориально-соседские общины. Такие общины существовали только, видимо, в восточной части архипелага — на Уналашке и Умнаке — самых крупных островах цепи. Здесь отмечена наибольшая плотность населения и здесь, как представляется вероятным, шло более интенсивными темпами общественное развитие. Обитатели указанных островов были и наиболее воинственными из всех. В этих общинах больше, чем в остальных, родственные отношения уступали место территориальным, ос-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Цит. по: Б е р г Л. С. Из истории открытия Алеутских островов. — Землеведение, 1924, т. 26, в. 1—2, с. 13.

⁴⁵ Русские открытия..., 1948, с. 123—126.

нованным на началах частной собственности и общественного расслоения.

Но ядро алеутского селения состояло из группы родственников и свойственников. Это объединение Вениаминов называет «родники» и приводит алеутский термин его — *сган*. Для определения обитателей одного дома — «домочадцев» — он приводит другой термин — *улякилянак* или *уляннак*, со значением «дом», «семья», «семейство».⁴⁶ «Родники» составляли определенное социальное объединение также и во время военных и торговых походов и при перемене местожительства. Расширению категории «сган» путем браков представителей общинной верхушки с женщинами из других селений придавалось большое значение (в то время как остальные браки были эндогамны). Однако традиции материнской родовой организации были все еще сильны в алеутском обществе. Особенно это относилось к брачным отношениям и системе родства.

Брачные отношения характеризовались пестротой, присущей переходному периоду. Желательной формой брака был брак с дочерью дяди со стороны матери, что связано с нормами материнской родовой организации. Существовал брак за отработку,⁴⁷ характерный для переходного периода от материнского рода к патриархальной семье. Матрилокальность брака и патрилокальность сосуществовали.⁴⁸ Матрилокальность часто проявлялась в форме пережиточного брака посещением или временной матрилокальности до рождения первого ребенка. Существовала и братская полигандрия.⁴⁹ Вместе с тем было развито и многоженство. Об этом есть сообщение у Левашова, показывающее вместе с тем и неоднородность общества алеутов «по достатку»: «Жен имеют они по своему достатку, по 1, по 2, по 3, по 4 и более . . . Если которой мужик на сколько жен может сделать парок, столько жен и имеет . . . А если которой муж не любит жену, то может ее продать или променять другому, а наипаче с голоду — отдает жену за пузырь китового жира».⁵⁰

Новорожденному «давалось имя, родовое со стороны отца или матери, а иногда и оба вместе»,⁵¹ т. е. сочетались материнская, отцовская и билатеральная филиация. Наряду с этим существовал обычай возвращения детей в род матери, а также авункулат: брат матери играл большую роль в воспитании, чем отец (часто племянник воспитывался у дяди со стороны матери).

⁴⁶ Вениаминов И. 1) Записки . . . , т. II, с. 279; 2) Опыт грамматики . . . , с. 31, 63.

⁴⁷ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 75.

⁴⁸ Сарычев Г. А. Путешествие . . . , с. 216.

⁴⁹ Вениаминов И. Записки . . . , ч. II, с. 76, 78, 282.

⁵⁰ Цит. по: Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам . . . , с. 99.

⁵¹ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 78.

Анализ терминов родства, проведенный Файнбергом, показал наличие у алеутов матрилинейности. В терминологии родства четко проведено характерное для родовой организации общества различение лиц, принадлежащих к роду отца и роду матери. Существовали термины родства, указывающие на дуальный характер экзогамии. В алеутском фольклоре распространен сюжет о любовных связях между племянниками и женами их дядей со стороны матери. Только по нормам материнской родовой организации возможны такие связи, ибо в этом случае племянник и жена дяди принадлежат к разным родам. Существовали и обычаи сорората и левирата, первый — характерный для материнско-родового строя, а второй — возникающий уже с появлением патриархальной семьи.⁵²

О правилах наследования имущества сведения очень скучные. Есть только сообщение, что наследство после отца делили родственники: жене и детям давали большую часть, а остальное брали себе.⁵³

Таким образом, домашней общине алеутов присущи были основные признаки патриархальной семьи при наличии переходочных черт материнской родовой общины.

Стадия развития алеутской домашней общины представляется вполне сравнимой со стадией развития ее у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, о которых Ю. П. Аверкиева пишет: «Можно считать, что уже к началу XVIII в. у всех племен побережья материнско-родовая община уступила свое место более или менее сформировавшейся патриархальной семейной общине с присущим ей дуализмом переходного института от родовой общины к патриархальной семье».⁵⁴

Власть тойона могла быть уже и наследственной — от отца к сыну или племяннику, но эта наследственность еще регулировалась «родовыми традициями и решением знатных».⁵⁵ Паряду с сообщениями о ненаследственной власти («. . . тот и тоен, который имеет у себя больше детей, а по смерти отцовской на его место сына уже не определяют, есть ли не имеет он никакой подпоры, а становитца тот тоеном, который сильнее и проворнее во всех их обращениях»)⁵⁶ имеются сведения и о наследственности ее.⁵⁷

При выборе вождей селения принцип старшинства часто подменялся богатством. И никак нельзя согласиться с Вениаминовым, когда он пишет: «Всякое селение состояло непременно

⁵² Файнберг Л. П. Общественный строй. . . , с. 156—159.

⁵³ Сарычев Г. А. Путешествие. . . , с. 217.

⁵⁴ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 261.

⁵⁵ Вениаминов И. Записки. . . , т. II, с. 99, 164—165; т. III, с. 13.

⁵⁶ Журнал Левашова. — ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 131, л. 126 об.

⁵⁷ Jacob A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 121.

из родников и составляло почти одно семейство, где старший в роде, называясь тоеном (*tukkuk*), имел власть над всеми».⁵⁸

Из его же пояснений и других материалов становится ясным, что от этого правила отступали. Тойоны селений не обязательно были старшими в семье. Стать вождем мог только человек, имеющий знаменитых предков, заслуживший себе славу хорошего промышленника и воина и обладающий достаточным богатством. В языке алеутов слова *tukkuk* или *tukuk* — «тойон» — и *tukugasik* — «богатство», «власть» — весьма близки.⁵⁹ Таким образом, алеутские слова «тойон» и «богатый», восходящие к одной лексической основе, были почти синонимами.

Имеются сообщения, что тойонами выбирали самых имущих, а сын наследовал отцу. Если же не было сына, то тойоном избирали кого-нибудь другого.⁶⁰

Власть тойона селения была довольно ограниченной: он не мог собственным решением наказать кого-либо — для этого требовалось согласие всех «знатных» членов селения.

Есть указания на то, что тойон селения был прежде всего военным главой, что он и его ближайшие родственники, дети и племянники, играли ведущую роль при организации военных и торговых походов и составляли привилегированную часть селения при дележе добычи после этих походов. В повседневной же хозяйственной жизни селения тойон не пользовался никакими экономическими преимуществами. Первые русские наблюдения так свидетельствуют об этом: «В каждом жилье есть старшина — туку или тоены — по одному и по два, которые дальней над жителями власти не имеют, а работают с прочими наряду».⁶¹ Далее: «Тоены их, так названные от русских, над жилами их, над каждым, начальники, а коих называют тукгук, суть родовые, и те сильнее, у коих больше родственников, братьев, детей, племянников, но никакой власти, однако же преимуществ, ни суда, ни расправы не имеют; промышляют вообще с прочими и, ежели сам не упромыслит, голодует, ничево ему от частей своих не отделяют; и словом, никакова преимущества тоен, кроме имени тоена, не имеет».⁶²

Из сообщений Вениаминова можно сделать вывод о наличии у алеутов остатков племенной организации или территориальных объединений: «Несколько селений, происходящих от одного праотца или одного поколения, составляли штаты, или общество, где старший тоен, происходящий по прямой линии от их праотителя, заселившего сей остров, или, за неимением такового, избранный из тоенов . . . имел таковую же власть над всеми

⁵⁸ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 166.

⁵⁹ Вениаминов И. Опыт грамматики . . . , с. 58.

⁶⁰ Jacob i A. Carl Heinrich Merks . . . , S. 121.

⁶¹ Журнал Левашова, л. 326 об.

⁶² Цит. по: Хлебников К. Т. Записки . . . , ч. III, л. 15.

тоенами и селениями, составлявшими их общество, как частный тоен над своим селением».⁶³ Старший тойон единолично распоряжался торговыми и военными связями с другими племенами. Вопросы войны и мира решались главным тойоном по согласию с тойонами селений. Он имел судебную власть, ограниченную советом «знатных». От накопления богатств в руках главного тойона племени зависело его влияние как на единоплеменников, так и на соседние племена. Главный тойон имел право на долю «от всего выкидного» на своей территории.⁶⁴

Приведенные Вениаминовым названия подразделений алеутов принадлежат, по-видимому, этим племенным или территориальным объединениям. «Жители Унги и все прочие до Унимака называются қаган таягүгин, т. е. люди или мушки восточные; унимакцы называются үнимгин; жители островов Креницына и первых селений Уналашки до Веселовского называются кигигүн, т. е. северо-восточные; прочие жители Уналашки и все умнакские — қаглягин⁶⁵ или каглягин; жители Четырехсопочных островов назывались акүган или акүн, т. е. тамошние или тутошние; атхинцы называются нигүгин, или ниягүгин; крысевыецы — қагүн, а самые ближайшие к Камчатке — сасигнан.⁶⁶ Все же вообще жители Андреяновских островов⁶⁷ называются иногда намигүн, т. е. западные».⁶⁸

Приведенные этнонимы, как это видно, были основаны главным образом на представлении о четырех странах света с центром в районе Уналашки и Умнака; они скорее похожи на названия территориальных объединений, чем на племенные. Очень интересно, что определение этого центра по названиям территориальных групп алеутов совпадает с определением очага сложения алеутской культуры по последним данным археологических исследований на Алеутских островах. Таким центром считается сейчас район о. Умнак, где находятся стоянки Анангула и Чалука.

Общее этническое самосознание алеутов отражено в существовании термина *унаган*. Но остается до сих пор открытым

⁶³ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 167.

⁶⁴ Там же, с. 168.

⁶⁵ В рукописи Мерка дается перевод — «область морских львов» (цит. по: Яссоби A. Carl Heinrich Merks..., S. 116).

⁶⁶ У Мерка этим термином обозначены алеуты Ближних островов — «изгнанные с острова» (цит. по: Яссоби A. Carl Heinrich Merks..., S. 116).

⁶⁷ В рукописи Мерка жители Андреяновских островов называются «негбо» — «военнопленные» (цит. по: Яссоби A. Carl Heinrich Merks..., S. 116).

⁶⁸ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 2—3. — В целом названия в сообщении Вениаминова примерно совпадают с указанными у Мерка, а также с приводимыми Левашовым: «Называются тех островов люди — острова Уналашки — каголаги, острова Акутана и далее О (к востоку, — Р. Л.) до Унимака называются кигигусы, острова Унимака и Аляксы (п-ов Аляска, — Р. Л.) называются катагасчуки» (Журнал Левашова, л. 326).

вопрос, является ли слово «унанган» самоназванием всех алеутов или только их восточной, более сильной и многочисленной группы. Возможно также, что западные алеуты были подавляемой восточными алеутами группой с соответствующим этому наименованием, переводимыми как «изгнанные с острова» и «военнопленные» (см. выше, с. 112, 122).

Для алеутского общества конца XVIII—начала XIX в. было характерно и наличие обмена, выросшего на базе разделения ремесленного труда между обитателями восточной и западной частей Алеутской гряды, а также между морскими зверобоями Берингова моря, к которым относились алеуты, и рыболовецкими племенами Аляски и Тихоокеанского побережья Северной Америки.

Возможность обмена между обитателями восточной и западной частей Алеутских островов создавалась и некоторым различием промысловых животных. У западных островов водились в изобилии морские бобры, из шкур которых до прихода русских изготавливались женские парки, а у восточных — моржи (не заплывавшие в район западных островов), дававшие моржовую кость (клык) для изделий. И только с самих восточных островов и с п-ова Аляска можно было получить камлайку из медвежьих кишок, считавшуюся лучшей.

У алеутов имелись уже зачатки общественного разделения труда — выделение ремесла. «Рукоделия прежних алеутов, — пишет Вениаминов, — ограничивались одними только орудиями, но, разумеется, не всякий умел сделать для себя всякую вещь, особенно байдарку, бобровые стрелки; для этого у них были и есть особые мастера».⁶⁹ О ремесленном профессионализме убедительнее всего говорят сохранившиеся в музеях предметы культуры и быта алеутов рассматриваемого периода, многие из которых представляют собой замечательные произведения искусства и ремесла.

Изделия мастеров высоко ценились. Так, за байдарку и хорошую парку платили по паре рабов, за лучшие деревянные головные уборы — до трех рабов.⁷⁰

Существовала специфика в изделиях западной и восточной частей Алеутских островов. Так, жители восточных островов и п-ова Аляска славились искусством резьбы по кости (и имели для этого материал — моржовые клыки), а жители п-ова Аляска очень хорошо выделявали кожи. Женщины западных островов очень искусны были в плетении, а женщины восточных островов славились «вышивкой» оленьим волосом, а также шитьем камлеек.

Алеуты, являясь прекрасными мореходами, участвовали в обмене между племенами района Берингова моря и северо-запад-

⁶⁹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 253.

⁷⁰ Там же, с. 165.

ного побережья Северной Америки. Они отправляли целые флотилии в чужие земли искать добычу, но лишь изредка, и то только наиболее восточные острова, посещались соседними племенами — «товарищами по обмену».⁷¹

Особенно был развит вооруженный обмен,⁷² зачастую переходивший в военные столкновения.

Имеется целый ряд сведений о вещах неалеутского происхождения, бытовавших обычно среди алеутов, и обмене с чужеплеменниками. Об украшениях из янтаря сообщается: «. . . янтарики . . . достают с острова Аляксы menoу на стрелы и камлеи, а более войною».⁷³

Путем обмена алеуты получали с Аляски олени и медвежьи парки, а от кенайцев и чугачей — тарбаганы.⁷⁴ Кроме того, алеуты покупали еврашечки парки у эскимосов Аляски, а продавали кишечные камлейки. А для того чтобы добить украшения, «удальцы с большим трудом и даже опасностью жизни предпринимали путь в дальние страны (они бывали даже до Кенаев и Чугач), для того только, чтобы достать куплею или храбростию сукли или что-либо подобное для своих возлюбленных».⁷⁵

Существовал у алеутов обмен уже и внутри общин. Вениаминов описывает «древнейший способ торговли» у алеутов — через посредника, называемого *тауянак* и избираемого из молодых людей. Имеющий какую-нибудь лишнюю или ненужную вещь посыпал ее с посредником в другую «барабору» (жилище) или чаще к приезжим гостям, прося за нее определенную вещь или что дадут. Посредник приходил в «барабору» или к гостям и говорил — «вот продажное». Но имя хозяина не упоминалось. Желающий купить оставлял ее у себя и отсыпал с посредником вещь на обмен. Дело завершалось, если продающий был доволен вещью. В противном случае он отсылал вещь обратно и просил или прибавки, или замены. Покупатель или прибавлял, или отказывался от вещи. Тогда начинал покупать другой.⁷⁶

Обмен внутри общины, как характерный для более поздних этапов первобытнообщинной формации, характеризовал Энгельс: «Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни

⁷¹ Там же, с. 99, 252, 253.

⁷² Вооруженный (или военизированный) обмен — форма обмена, заключавшаяся в том, что обменивающиеся стороны, находясь в полном боевом вооружении, предлагали друг другу товары. В случае взаимного удовлетворения происходил обмен, в противном случае начиналось вооруженное столкновение (см.: З и б е р Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, с. 343; Б о г о р а з - Т а н В. Г. Чукчи. Т. I. Л., 1934, с. 79).

⁷³ Цит. по: С о к о л о в А. П. Экспедиция к Алеутским островам. . . , с. 99.

⁷⁴ П о л о н с к и й А. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800 гг.). — АГО, р. 60, оп. 1, д. 3, л. 30.

⁷⁵ Я с о в і А. Carl Heinrich Merks. . . , S. 126.

⁷⁶ В е н и а м и н о в И. Записки. . . , т. II, с. 110—111.

продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причем сначала он происходит лишь между отдельными разноплеменными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы».⁷⁷

Формой противодействия растущей имущественной дифференциации было у алеутов существование потлача. Он имел те же основные черты, что и потлач у индейцев Северо-Западной Америки, анализ которого дан в работах Ю. П. Аверкиевой.⁷⁸ Но у алеутов, очевидно, так же как у кадьякцев, была архаическая форма потлача. Она выражалась в ритуальных угощениях, плясках и раздаче подарков.⁷⁹ Распределение пищи и подарков у алеутов чаще всего производилось не среди членов своего селения, а среди гостей.

Вениаминов описывает такой потлач под названием «торжественных празднеств» или «игрушек». «Игрушки» происходили попеременно в каждом селении в зимний период. В организации их принимали участие все жители. «Торжественные празднества состояли в сценических представлениях, которые происходили всегда зимою и попеременно то в том селении, то в другом, и отправлялись туда не иначе, как целым селением, для чего все и каждый из жителей отдавал почти все, что он имел, особенно съестные припасы, так что всякой из них после игрушки непременно голодовал в полном значении этого слова. Такая голодовка не только не поставлялась в порок, но была славна».⁸⁰ В конце празднества, которое длилось несколько дней, «гостей одаривали своими произведениями. Все вообще старались угощать как можно сытнее и одаривать щедрее».⁸¹ По-видимому, к потлачу у алеутов можно отнести и следующие сведения Вениамина: «Человек никогда не проживет века в одном состоянии, и в лучших племенах много бывало славных и богатых, а также много бывало нищих и бедных, но неоднократно и в один день менялись своим состоянием».⁸²

Существовал у алеутов и погребальный потлач. Родственники 40 дней оплакивали умершего, «а по прошествии их делали поминки, как возможно знаменитее (т. е. сытнее); оне состояли

⁷⁷ Энгельс Ф. Дополнения к III тому «Капитала». — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 471.

⁷⁸ Аверкиева Ю. П. 1) К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. — В кн.: Американская этнография. В. 1. 1960; 2) Разложение родовой общини... .

⁷⁹ Аверкиева Ю. П. К истории..., с. 47.

⁸⁰ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 85—86.

⁸¹ Там же, с. 90.

⁸² Там же, с. 137—138.

в том, что все съестные запасы, какие только могли найтись у покойного в доме, выставлялись перед гостями, коими были все и каждый житель того селения, и угождать им день, два и три, т. е. до тех пор, пока не истощатся все запасы. В последний день поминок родственники умершего одаривали гостей, на память покойного, разными вещами, которые распределяемы были или по завещанию умершего, или по их произволению». ⁸³ Угощение и подарки в данном случае получали жители селения. В сообщении об атキンских алеутах указывается, что родственники умершего «разделяли вещи посторонним в память его». ⁸⁴

При похоронах и поминах существовал обычай убивать рабов. Число убиваемых рабов было неопределенным: убивали или мужа и жену и всех их детей, или только мужа и жену, или личных слуг. Но это уже не считалось обязательным в последнее время перед приходом русских. Иногда, несмотря на завещание умершего, рабов не убивали, что было «следствием расчетов». Это свидетельствует о дальнейшем развитии формы собственности, когда раб сохранялся как богатство. Иногда же «умирающие богачи» завещали отпустить рабов на волю и даже отправить на родину, снабдив байдарками и всем необходимым в пути. ⁸⁵

Потлач у алеутов, так же как и у других народов, где он был отмечен, отражает степень развития отношений частной собственности в их обществе. Становление таких отношений в условиях распада родового общества вызвало появление этого института перераспределения богатств.

Противоречивость потлача как самая характерная его черта раскрыта Ю. П. Аверкиевой: «Диалектическая сущность потлача заключается в том, что, содействуя становлению отношений собственности, он в то же время задерживает этот процесс, препятствуя накоплению большого количества богатств в одних руках. Он играет роль института перераспределения и уравнения этих богатств». ⁸⁶

Таким образом, потлач у алеутов, как и повсеместно, связан с развитием производительных сил и производственных отношений, со становлением отношений частной собственности и отражает имущественные противоречия, возникающие в разлагающемся родовом обществе на этапе перехода его к классовому.

Большое значение войн в общественной жизни алеутов приближает их к тому же этапу развития, какой был характерен для нутка, а также для других племен Северо-Западной Америки, которые, по определению Ю. П. Аверкиевой, переживали эпоху развивающейся военной демократии. ⁸⁷ Война у алеутов была

⁸³ Там же, с. 81—82.

⁸⁴ Там же, т. III, с. 11—12.

⁸⁵ Там же, т. II, с. 84, 100.

⁸⁶ Аверкиева Ю. П. К истории. . . , с. 74—75.

⁸⁷ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины. . . , с. 196—201.

важным и почетным средством добывания богатств и рабов. «Заграничные войны или военные походы (алитх^ук тхидин италик) считались охотою и ремеслом сколько прибыльным, столько и славным».⁸⁸

Дальние плавания совершались с целью вооруженного обмена, военных набегов и отчасти в поисках новых промысловых мест и естественных месторождений, дающих материал для изготовления наконечников копий, кинжалов и т. д. Постоянным набегам подвергались эскимосские племена побережья п-ова Аляска, в особенности кадьякцы. А во время одного из военных плаваний, по словам Вениаминова, алеуты будто бы достигли «севернейшего мыса Америки», назвав его «Северная голова».⁸⁹

Организация военных плаваний находилась в руках тойона и общинной знати. Они набирали отряды из родственников и свойственников, а также добровольцев зачастую вне пределов своего селения, соблазняя их почетом и добычей. Предводитель имел от 4 до 8 помощников — нечто вроде личной дружины, состоящей из «ближайших родственников или опытных воинов славных, которые распоряжались вверенными им отрядами и вместе составляли военный совет».⁹⁰ При удачном нападении престарелых мужчин и женщин убивали, а молодых брали в рабство. Сохранилось упоминание, что военные трофеи в виде головы врага ставились на столбе у жилища.

Выделение военной знати у алеутов и структура их военной организации показаны Вениаминовым особенно четко при описании «военного права», связанного с делением добычи. Захваченное поступало сначала предводителю, а он уже раздавал все соответственно социальной градации воинов и с учетом ценности добычи. Пленные и «цукли» (самые драгоценные украшения алеутов) доставались воинам из привилегированного «сословия», тогда как воины из «простолюдинов», «бездонных алеутов» и рабов получали лишь долю из захваченных обиходных вещей и оружия.⁹¹

Кроме заграничных войн, алеуты вели и междоусобные: между жителями отдельных островов или групп их из-за промысловых угодий или естественных месторождений. Следствием междоусобных войн была вражда, которая передавалась из поколения в поколение. Пленников или убивали, или делали рабами.

Представленные здесь данные, характеризующие социально-экономические основы общественного строя алеутов дорусского периода, позволяют с достаточным основанием говорить о соответствии общественных отношений алеутов середины XVIII в. последнему этапу первобытнообщинной формации.

⁸⁸ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 99.

⁸⁹ Там же, с. 272.

⁹⁰ Там же, с. 100.

⁹¹ Там же, с. 103—104

Изучение орудий и средств охоты и рыболовства наряду с материалами по социально-экономическим отношениям показало, что хотя у алеутов хозяйство и являлось охотниче-рыболовно-собирательским, только присваивающим готовые продукты природы, но оно было высокопродуктивным. Производительность труда создавала уже возможность накопления некоторых богатств, что явилось экономической основой для возникновения имущественного неравенства, социальной дифференциации и эксплуатации.

Конкретно-историческое своеобразие развития общественных отношений у алеутов состояло в том, что процесс разложения первобытнообщинных отношений и зарождения основ классового общества происходил у них не на базе хорошо известных для народов Старого и Нового Света изменений в производстве средств существования (введение гончарства, приручение домашних животных, переход к земледелию, плавке и обработке металлов и др.), а на основе специализации и доведения до максимального совершенства их хозяйства, единственно возможного в экологических условиях данной территории. В этой своеобразной обстановке, но в полном соответствии с уровнем развития производительных сил происходило развитие у алеутов производственных отношений и общественных институтов.

Общественные отношения у алеутов скорее всего сравнимы с общественными отношениями у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, поскольку сходны были уровни развития производительных сил их обществ. Соответственно этому, имея свои специфические особенности, алеуты обнаруживают те же основные черты общественного строя. У них также существовал материнский род как древняя форма организации, сохранившаяся к XVIII в. лишь в пережиточной форме, патриархальная община объединяла неравных по социальному и имущественному положению людей, включая и рабов. Обществу алеутов также были свойственны зачатки общественного разделения труда, обмен, потлач и сходная с военной демократией военная организация.

Таким образом, алеуты ко времени знакомства с ними русских находились на стадии перехода от доклассового к классовому обществу. За тысячелетия самобытного развития в условиях островной изоляции они прошли путь родового общества и достигли стадии его распада.

На примере алеутов мы видим, что в условиях морского охотниче-рыболовного хозяйства при достаточно высоком уровне развития его также создавались предпосылки для возникновения классового общества. Высокий же уровень развития как хозяйства алеутов, так и соответствующих ему социально-экономических отношений и общественных институтов мог быть достигнут в данной экологической среде лишь в результате чрезвычайно длительного периода освоения ее.

Г л а в а 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Алеутские острова ко времени прихода русских, как мы уже отмечали, имели довольно плотное оседлое население, особенно в части, заселенной восточными алеутами. Эта территория — Лисьи острова, юго-западная часть п-ова Аляска и прилегающие к ней острова — была выделена русской администрацией в особый отдел — Уналашкинский (названный по главному острову Лисьей группы о. Уналашка, где находился административный центр отдела). Другой отдел — Аткинский — включал в себя все острова Алеутской гряды к западу от Уналашкинского отдела: Андреяновскую группу, Крыси острова, Ближние и Командорские (после заселения их алеутами по инициативе Российско-Американской компании). Здесь жили западные алеуты. Административный центр Аткинского отдела находился на о. Атка. Таким образом, при организации отделов русской администрацией было подчеркнуто существовавшее деление алеутов на восточных и западных.

По сведениям Вениаминова, в Уналашкинском отделе до прихода русских были заселены почти каждый остров и почти каждое удобное для поселения место на острове. Селений там он насчитывает примерно 120. В каждом селении имелось свыше 40 однолючных байдарок и, следовательно, свыше 40 мужчин-охотников.¹ Исходя из этого, Вениаминов определяет, что население

¹ Русские промышленники, а позже администрация Российско-Американской компании, желая учесть способных к промыслу охотников, выявляли прежде всего количество байдарок в селении, т. е. количество потенциальных охотников за пушниной.

Уналашкинского отдела составляло примерно 12—15 тыс. человек.²

Численность населения Аткинского отдела к приходу русских, судя по разным источникам, равнялась примерно 5 тыс.

Уже к первой четверти XIX в. многие старые алеутские селения были заброшены или из-за значительного уменьшения числа жителей, или из-за перемены их местожительства. Поселения, возникшие после прихода русских на острова, стали располагаться около удобных гаваней для судов, в устьях рек, куда шла сезонная рыба и где можно было в большом количестве добывать ее, а главное — поблизости от мест промысла пушнины.

Другим был принцип выбора мест поселений в дорусский период. Алеутские селения располагались главным образом по берингоморскому побережью Алеутского архипелага, богатому рыбой, морским зверем (особенно китами) и выкидываемым на берег деревом. Остатки древних селений обнаруживались исследователями XIX—XX вв. по развалинам жилищ и по углублениям в почве с особенно бурной растительностью на местах древних землянок.³ Основываясь на этих данных, Иохельсон указывает условия, определявшие выбор места селения.

Селения обычно устраивались на мысах, перешейках между двумя заливами, так, чтобы при приближении врагов байдарки можно было легко перенести с одного залива на другой. Поселение должно было находиться на довольно высоком открытом месте, чтобы с него можно было вести наблюдение за морем, откуда появлялись или вражеские байдарки, или байдарки с возвращающимися с промысла охотниками, а также морские звери, на которых алеуты охотились. Кроме того, около селения должен был быть источник свежей воды — ручей, водопад или озеро. Устья рек раньше никогда не выбирались для мест постоянных селений, так как они были благоприятны для неожиданных нападений.⁴

При всем этом, конечно, поблизости должны были находиться источники пропитания: лежбища морских животных, богатая приливно-отливная зона, рыболовные угодья (в море и речках), птичий гнездовья, а также места сбора дикорастущих кореньев и ягод.

Сведения о селениях Алеутских островов во второй половине XVIII—начале XIX в. и их жителях мы находим в сообщениях

² К числу мужчин-охотников Вениаминов приписывал остальное население — стариков, женщин, детей (Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. II. СПб., 1840, с. 177).

³ Раковины, кости и другие органические отходы, которые накапливались в течение длительного времени, надолго служили удобрением почвы (Jochelson W. I. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925, p. 21).

⁴ Jochelson W. I. Archaeological Investigations. . . , p. 23.

промышленников, мореплавателей, собраны были они и Вениаминовым. Начнем с Уналашкого отдела.

В «репорте» И. Коровина о плавании на острова Уналашка и Уннак в 1762—1765 гг. пишется, что на Уналашке было найдено селение с двумя «земляными юртами», с 300 жителями обоего пола.⁵ Затем — еще одно селение, состоящее из одной «юрты», где было «людей десятков до шти, в том числе по большей части баб и ребят, а мужиков было мало». В третьем селении тоже имелась одна «юрта», в которой было жителей, «по усмотрению от байдар, обоего мужеска и женска полу человек до двухсот».⁶ В четвертом селении «нашед одну юрту, которая длиною 35 сажень, а народу в оной видно сот до четырех, в том числе по большей части женска полу и ребят, а мужиков мало; а объявлял тоен, что-де разъехались мужики в промысел».⁷

В дневниках М. Д. Левашова (1768—1769 гг.) о населении о. Уналашка сообщается следующее: «На нем обывательских жилищ в разных местах числом 16, в которых жителей мускова полу до пяти сот человек, а женская очень более . . . якобы напред сего оной остров был многолюден, точию во время нападений на российские промышленные суда получили и они много урону, да и з голоду померло множество в 761 году».⁸

В записках А. А. Баранова об Уналашке, относящихся к 1791 г., имеется «ведомость о жилах алеутских, о числе жителей и байдарок на Уналашке и приближенных к оному островах». В ней перечисляются 16 селений на Уналашке, 5 селений на соседних маленьких островах (Борька, Укалга и др.) и 5 селений на о. Уннак (из которых одно — на соседнем островке).⁹

По сведениям Г. А. Сарычева, на Уналашке было 14 селений с 323 жителями мужского пола. Эти селения были расположены на северном, восточном и западном побережьях.¹⁰

Вениаминов пишет, что на о. Уналашка (Аγан алахса или Наγан алахса), втором по величине острове гряды, к приходу русских было 24 больших селения, в 1805 г. насчитывали уже 15 селений с 800 жителями, а в его время (1824—1839 гг.) осталось 10 селений с 470 жителями, и расположены они были на северной и северо-восточной сторонах острова. На о. Борька (Сиданак) во времена Вениаминова было селение из 6 жилищ («юрт») с 44 жи-

⁵ Следует, однако, учитывать, что первые открыватели островов — купцы и промышленники — часто завышали число жителей.

⁶ Байдара вмещала примерно до 40 человек, следовательно, в селении имелось 5 байдар.

⁷ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. А. И. Андреева. М., 1948, с. 123, 125, 126.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 131, л. 326 об.

⁹ Цит. по: Хлебников К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. III. — АЛОИИ, колл. 115, д. 344, л. 16.

¹⁰ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 212.

телями, на о. Амакнак до прихода русских имелись 3 селения, а после — не осталось ни одного, на о. Свином (Укнадак) до прихода русских тоже было селение.¹¹

Об о. Уналашка, где находились самые удобные для русских судов гавани, имеется больше всего сведений. Об остальных островах данные более скучные.

На о. Умнак до прибытия русских насчитывалось 20 селений с большим числом жителей, а во времена Вениамина осталось только два селения — в восточной и юго-восточной части острова — со 109 жителями. А. А. Баранов говорит о 5 селениях на о. Умнак. В селении, расположеннном на восточной оконечности Умнака у Умнакского пролива (Туликское селение), пишет Вениаминов, найдены остатки старого жилища, построенного из ребер больших китов. На маленьком соседнем с Умнаком островке Тангинах (совр. о. Корабль) в Умнакском проливе на южной стороне острова находилась пещера с мумифицированными трупами алеутов в сидячем положении. На другом соседнем островке — Самалга — до 1764 г. было селение с числом жителей не менее 400 человек.¹²

Об остальных островах Уналашкинского отдела Вениаминов сообщает следующее.¹³

На о. Кагамил из группы Четырехсопочных островов в юго-восточной части имелись признаки большого селения, а на западной стороне острова в пещере «и поныне видны еще мертвые тела каких-то людей, висящие в зыбках; подле них находится все их имущество — церепы (рогожки из травы), парки, бобровые стрелки, какие-то туники и пр.».

На юго-восточной стороне о. Чугинадах (Танак ан^чнак) из той же группы островов также были видны следы прежних жилищ. До 1764 г., пишет Вениаминов, на острове жило примерно 100 алеутов, но мужчины погибли в стычках с русскими, часть женщин и детей умерла от голода, а часть переселилась на о. Умнак. На о. Карлайль (Гляган) тоже из группы Четырехсопочных островов до 1764 г. существовало небольшое селение, располагавшееся в юго-восточной части, и на островах Герберт и Юнаска (Чаг^члак) находилось раньше по два селения. Во времена Вениамина все острова, входившие в группу Четырехсопочных, были уже необитаемы.

Острова Креницына (Уналга, Акутан, Акун, Голый, Аватанак, Тигалда и Угамак) все были раньше заселены, а во времена Вениамина на двух из них — Голом и Угамаке — жителей не было.

¹¹ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. I. СПб., 1840, с. 172—189.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 135—158, 189—254.

На южной стороне о. Уналга находилось во времена Вениаминова одно селение. На о. Акутан в прошлом было 7 селений с числом жителей не менее 600, а во времена Вениаминова осталось только одно селение. На о. Акун было 8 селений с 500 жителями, а осталось только 3 селения, расположенных на юго-западе, севере и юго-востоке острова, с 85 жителями. На о. Голом было одно селение с 30 жителями. На о. Аватанак раньше было 3 селения, во времена же Вениаминова — одно (на северной стороне острова), с 49 жителями. На о. Тигалда в «прежние времена» было 5 селений с общим числом жителей не менее 500. Во времена Вениаминова имелось уже только одно селение (на северной стороне острова), а в нем «видны признаки юрты предшествовавших жителей, которой длина простирается не менее 30 сажень». На о. Угамак также было селение, но в 1826 г. остатки его жителей (18 человек) переселились на о. Тигалда.

Унимак — самый большой остров Алеутской гряды — до прихода русских был самым многолюдным из островов. По свидетельству Вениаминова, даже в конце XVIII в. на нем располагалось еще 12 селений, среди которых были и довольно большие. Эти селения находились на северо-западном, северном и даже на южном побережье острова. Во времена Вениаминова там было уже только одно селение — Шишалдинское (Сисагук) — на северной стороне острова. До прихода русских на этом же месте находилось алеутское селение; после — оно было перенесено дальше на восток, но в 1831 г. из-за возможных извержений Шишалдинской сопки («тогда горевшей») его перенесли на прежнее место.

На п-ове Аляска «не видно столько признаков селений, как на островах; и, сколько известно, на ней в самые благоприятные времена было не более 10, из коих большая часть были на южной стороне». Во времена Вениаминова здесь находились 3 селения с 206 жителями: Моржовское, Бельковское и Павловское. Моржовское селение располагалось на северо-западной стороне полуострова (жители его до 1808 г. жили в многолюдном селении на южной стороне, на мысу недалеко от Иссанахского пролива). Бельковское находилось на южной его стороне (селения на этом месте до 1832 г. не было, жители его были переведены с о. Синнах по распоряжению Российско-Американской компании, для того чтобы на о. Синнах «умножить количество бобров»). Павловское селение было в середине восточного берега Павловского залива (Тачик).

На о. Амак, у северной стороны п-ова Аляска, до 1823 г. были жители. «Селений здесь в древности было не мало, но оне были не многолюдны», — пишет Вениаминов.

На Шумагинских островах (Кагигун) в прежние времена насчитывалось 12 селений, которые расположены были на 6 островах, но со временем селения эти исчезли, «частично из-за междо-

усобий, частично из-за русских, а больше всего вследствие стычек с эксимосами о. Кадьяк». В 30-х годах XIX в. был уже обитаем только о. Унга, где вместо 4 некогда довольно многолюдных селений осталось только одно, в восточной части. На Поповском острове раньше было одно селение, на о. Нагай — 3. На западной стороне Семеновского острова находилось одно селение; одно селение было также и на небольшом соседнем островке. Два селения находились и на Чернобуром острове.

На островах Прибылова (Св. Георгия и Св. Павла) до прихода русских населения не было. Российско-Американская компания завозила туда для промыслов алеутов с Уналашки и размещала их в двух селениях: Гаванском, на юго-западной оконечности острова, и Стошном (Восточном), на юго-восточной оконечности.

О довольно значительной заселенности островов к западу от Лисьих (мест обитания западных алеутов), т. е. Аткинского отдела, до прихода русских свидетельствуют следующие ранние сообщения.

О Ближних островах (Атту, Агатту, Семичи) в «скаске» С. Чепролова говорится, что все они были заселены и алеутов-мужчин было там до 40 человек, «а женского полу их более».¹⁴

В описаниях Андреяновских островов, составленных со слов казаков М. Лазарева и П. Васютинского (1764 г.), перечислено 6 посещенных ими островов и указывается примерная численность населения. Относительно самого большого из островов — Адак (Аяха, Аяга) — сообщается, что о количестве живущих «обстоятельно объявить невозможно, потому что они, с острова на остров со всеми домами в больших байдарах переезжая за проливы, где понравится им, тут и живут».¹⁵ На о. Канага жителей до 200 человек, на о. Ситхин (Четхина) — до 400 семей,¹⁶ на о. Тагалак — до 400 семей, на о. Атка — до 60 человек, на о. Амля — до 600 человек.

К. Т. Хлебников сообщает, что в начале XIX в. обитающими были острова Атка, Адак, Атту, Амчитка, Чугуль и Беринга.¹⁷

На о. Атка до прихода русских селение располагалось на склоне горы, а в 1826 г. оно было перенесено на мыс, ближе к морю. На о. Атту алеутское селение находилось в Убиенской бухте, где оно и было оставлено русскими из-за удобства заготовки рыбы. Селение же для русских промышленников и алеутов,

¹⁴ Русские открытия..., 1948, с. 115.

¹⁵ Цит. по: Б е р г Л. С. Из истории открытия Алеутских островов. — Землеведение, 1924, т. 26, в. 1—2, с. 123—125.

¹⁶ У западных алеутов в этот период отмечено существование малых семей, в то время как у восточных имелись большие семьи-общины (см. ниже, с. 136).

¹⁷ Х л е б н и к о в К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. IV. — АЛОИИ, колл. 115, д. 344, л. 117 об., 143 об., 144 об., 145.

находящихся на службе компании, было устроено в гавани Чичагова. На о. Амчитка Хлебников упоминает только оставленное селение с «компанейской юртой» (построенной компанией). А жители его, так же как и с о. Кыска, переселились в селение на о. Атту, находящееся в гавани Чичагова. Острова Амчитка и Кыска после этого остались необитаемыми.

Характер селений в дорусский период в западной и восточной половинах цепи Алеутских островов, судя по самым ранним сообщениям, по-видимому, был не совсем одинаков.

На Ближних островах в селениях имелись «юрты», где жило по два, три и по одному человеку, а также одна большая «юрта», которую занимал тойон с ближайшими родственниками. В «скаске» С. Черепанова о Ближних островах сказано: «Жительство имеют в земляных юртах, таких же, какие и у камчадал; входят в них верхом, живут человека по два и по три, и по одному; а одна имеетца юрта большая, земляная же, в которой живет их тоен з ближними своими свойственниками . . . А когда, быв на промыслах, благополучно возвратятца или без того, когда захотят повеселитца, то все в оную большую юрту збираютца и, собрався, веселятца . . . Жительство ж имеют в вышеписанных своих юртах в зимнее время, а в летнее домов и покою себе не знают и ходят для промыслов по всему острову: кто, где промысел какой учинит, тут и живет».¹⁸

На Андреяновских островах имелись жилища для отдельных семей. Об этом сообщает А. Толстых: «По большей части в зимнее, нежели в летнее время, зделанные ими для житья своего земляные юрты топят, а летом только держат огонь в ночи для одного свету. Жгут жир, когда бывает какого зверя в промыслу. В тех своих юртах имеют ночев. Всякой женатый со своею семьею, выкопав, сколько подлежит ему быть места, яму и наклав моху и травы, скорчась, лягут и оденутца небольшими своими парками, а сверх того зделанными нарочно из травы званием чирлами, наподобие рогож».¹⁹

Эти два сообщения относятся к западным алеутам.

Из известий о восточных алеутах мы узнаем, что там бытовали большие коллективные дома. Так, первые русские (И. Коровин) на островах Уналашка и Умнак нашли селение с двумя «юртами», где обитало около 300 человек; селение с одной «юртой», в которой жило 30 человек; селение с одной «юртой» и 400 обитателями; селение с «одной большой юртой».²⁰ Путешественники конца XVIII в. и самого начала XIX в. (М. Д. Левашов, Г. И. Лангдорф, Г. А. Сарычев и др.) также сообщают о коллективных жилищах в восточной цепи островов.

¹⁸ Русские открытия . . . , 1948, с. 115—117.

¹⁹ Цит. по: Б е р г Л. С. Из истории открытия . . . , с. 13.

²⁰ Русские открытия . . . , 1948, с. 123—126.

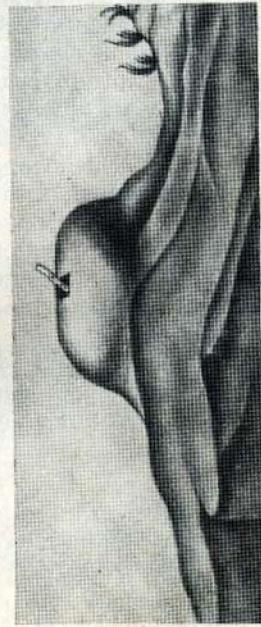
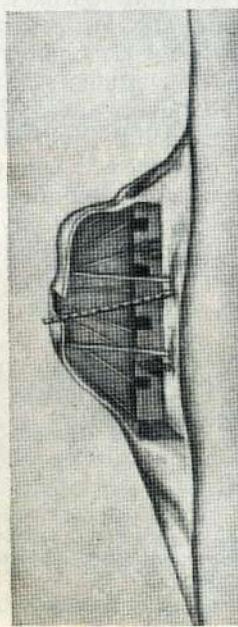
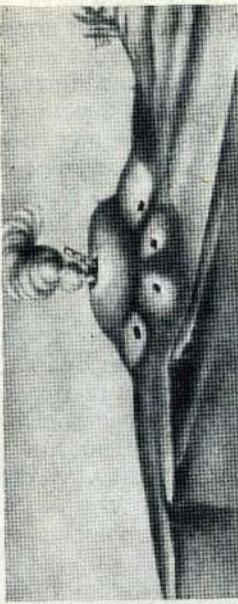
Таким образом, селения западных алеутов, по-видимому, состояли из индивидуальных для каждой отдельной (малой) семьи жилищ и одного общественного, главного, где жил тойон селения со своими родственниками. Селения же восточных алеутов состояли из одного или двух больших коллективных домов, занимаемых большими семейными общинами.

Но сама конструкция жилищ и у западных алеутов, и у восточных, судя по всему, была одинаковой, различались они только своими размерами. Подробных описаний жилищ западных алеутов у нас нет (кроме упоминавшегося выше описания Черепанова), но зато имеются прекрасные описания старых жилищ восточных алеутов. Так, Коровин пишет: «Хоромного строения, кроме юрт, никакого не имеют. А строение юртам производят: во-первых, выкопав в земле ямы, и из означенного лиственишного, елового и тополового лесов, наставя козлами и утвёрдя деревья в земле, почаству накладут деревянных трещин, настлав траву поверх оной, землею набрасывают, в коих и жительство имеют. А сверх юрты зделана дверь и поставлена лестница, и тою они ходят в юрту и выходят. А величиною оные юрты бывают в одну сторону по десяти, по пятнадцати, по двадцати пяти и более сажень. Жительствующих народов в каждой юрте бывает, по примеру, обоих мужеска и женска полу и их детей малолетних по пятидесяти, по сто и по полтораста, а в иных и больше человек. Те народы противо здешних камчадал отменную в своих юртах чистоту и убранство имеют следующая: никогда оных ни в которое время для согреву себе не топят, и на топление никаковых и никаких дров не употребляют . . . И из них же некоторые в зимнее время от промыслов или от прочих мест придут в свои юрты и от претяжких студеных холодов согрев себе имеют напасенную с лета к зиме всякую траву, зазяя огнем, надев на себя долгие парки, бобровые или птичьих кож зделанные, и под собою промеж ногами горящую ту траву накладывают, а сами над оною стоят, покуд не согреютца, а когда согрев поимеет, то прочь отойдут. Таков же согрев и женский пол производят . . . имеют же из них некоторые и употребляют вместо постель травяные плетеные чирелы, коими сверх носимой парки и одеваются».²¹

В «репорте» И. Соловьева (1764—1766 гг.) тоже есть описания жилищ восточных алеутов: «А юрты делают из выкидного с моря лиственичного, елового и другого дерева таким же маниром, как и здешние ясачные камчадалы, точию снизу невысоко ограбают землю под верх, сперва покроют травой и на ону повсягодно настилают новую; и так живут, доколе в юрте те стоячие столбы подгибают и сверху от тягости подломятся; длиною по пяти, по десяти, по пятнадцати и по тридцати сажень, а шириной от трех

²¹ Там же, с. 142—143.

Рис. 18. Жилища алеутов. Рисунки М. Д. Левашова. ЦГАВМФ.

и до четырех сажень початных, больше вышиною от двух до трех сажень. Ходят сверху. У малых юрт от двух до пяти, а у больших и по десяти луков (люков, — Р. Л.); и тем же юртам приделывают другие и ходят ис тех же своих настоящих юрт. И у приделочных случаются луки. А другие делают потайные. Печей к юртам не делают и огней не кладут; а еслы от стужи пожелают кто согреться, зажигают мягкую траву и стоят над ней в парках, а потом ложатся и спят в том же платье, в коем обыкновенно ходят, а нарочно особых постель не имеют . . . Если же случится в проезде в одном другова жилища быть мужикам, живут под байдарками».²²

У И. Георги имеются такие данные о жилищах алеутов: «Жилища их подобны камчатским, но по большей части обширнее.²³ Зимняя землянка (уллаа), которая походит также и на гренландскую, где она называется иглол, длиною бывает от 10 до 50 сажень, шириной от 3 до 5 сажень, а глубиною в землю сажени на полторы; внутри разделена жердями, а вверху решетчатая и покрыта травою. сверх которой навалена земля. Решетки же таковы делаются из жердей, а они из наносного лесу. В таком потолке для лазенъя по лестницам, для проходу дыму и для свету бывает от четырех до шести отверстий, а иногда и больше; внутри же по самой средине видно одно либо и больше огневиц промеж столбов, которые у всех в меньшем количестве, почему в землянках их редко водится огонь. Ночлеги покрыты травяными рогожами или теплыми кожами. Для освещения сей длинной могилы находящиеся у разделительных столбов светильники из выдолбленных каменных отломков, в коих огонь содержится рыбним жиром. В таковой хижине живет малая или большая артель, состоящая из родственных семей, в коих бывает вообще душ 50, 100, 200, а иногда и 300 . . . На некоторых островах²⁴ ведутся отчасти по старинному обыкновению, а отчасти и по причине каменистой от земли обнаженной подошвы малая фута в три глубиною землянки же, в коих живут по одной только семье. Большая половина островитян²⁵ имеет и летние хижины (барабора), подобно также камчадальским. Они огромнее, стоят поверх земли и предназначены людьмъ».²⁶

В альбоме Левашова (1768—1769 гг.) имеются три рисунка жилищ алеутов о. Уналашка (рис. 18). Они дают прекрасный материал для реконструкции алеутских жилищ.²⁷

²² Там же, с. 169, 168.

²³ Это, по-видимому, сведения о размерах жилищ восточных алеутов.

²⁴ Георги здесь имеет в виду, вероятно, западных алеутов.

²⁵ Речь идет, видимо, о восточных алеутах.

²⁶ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. III. СПб., 1799, с. 90.

²⁷ ЦГАВМФ, гидрографический, ф. 1331, оп. 4, д. 702, д. 24, 26, 28.

Подробное описание строительства и внутреннего вида жилищ восточных алеутов (о. Уналашка) есть в книге Кука. Имеется у него и иллюстрация с изображением такого жилища (рис. 19).²⁸

Описание жилища алеутов Уналашки есть и у Сарычева: «Каждое селение состоит из двух или трех разной величины землянок, из коих самые большие длиною в девять, шириной в три сажени. Основание землянки врыто несколько в землю. Верх оной сделан плоскою кровлею из выкидного по берегам лесу, покрыт травою, потом дерном и засыпан землею. В самом

Рис. 19. Внутренний вид жилища алеутов о. Уналашка.

верху оставлено несколько четырехугольных отверстий, коими освещается внутренность землянки, и через оные же жители входят внутрь ее по лестнице, сделанной из бревна с вырубленными в нем ступеньками. От сторон юрты, уступая к середине фут на семь, поставлены столбы, поддерживающие верх землянки. Они же отделяют места для каждой семьи, где вместо постелей посланы травяные плетеные рогожи; днем сидят на оных, упражняясь в рукоделии, а ночью спят, одеваясь своими парками. Островитяне посередине землянки льют помои и всякую нечистоту, отчего бывает мокро и грязно, и ежели б не было вверху юрты отверстий, чрез которые вытягивает сырость и духоту, то нельзя бы было долго пробыть внутри оной. Каждая семья пред своим

²⁸ Cook J. A Voyage to the Pacific Ocean. III. London, 1785, p. 108.

отделением в особенных деревянных посудинах скапливает урину как для крашения в ней травы, так и для омовения».²⁹

Сведения о жилищах алеутов о. Уналашка сообщает и Мерк. Он говорит о существовании у них летних (*Sakudaktschaluk*) и зимних (*Kamuktschaluk*) жилищ. Последние были более утепленными. И в тех и в других изнутри сделаны кладовые с более узким и низким входом. В этих кладовых хранились желудки морских животных, наполненные тюленым и рыбьим жиром, сушеным рыбой, рыбьей икрой и т. п. Снаружи кладовые и вход в них были покрыты дерном. Зимние жилища имели форму прямоугольников со слегка срезанными углами. Пол их на несколько футов углублялся в землю, а по сторонам его были сделаны небольшие земляные насыпи. Посередине жилища стояли 4 врытых бревна, также образуя прямоугольник. В более крупных жилищах, делая их длиннее, ставились еще 4 таких столба. На эти столбы накладывали поперек менее толстые бревна с подпорками, которые покоялись на земляных насыпях. Боковые стены были образованы косыми шестами или тонкими бревнами. Это сооружение сверху покрывали сухой травой или тревяными циновками, поверх которых клади дерн и набрасывали землю. Внутри жилище было разделено на отделения для сидения и спанья. Пол в этих отделениях был несколько углублен и покрыт циновками. В крыше имелись два отверстия. Меньшее служило для входа, и в него было вставлено бревно с зарубками вместо лестницы. Через другое вносили осенью лодки для пропускания.³⁰

Все эти ранние сообщения и иллюстративные материалы имеют большое значение для восстановления численности, характера алеутских селений и жилищ XVIII—начала XIX в., так как с приходом русских картина стала быстро изменяться: некоторые селения исчезли, некоторые были переведены в другие места, а жилища стали строить несколько иначе. Уже Вениаминов для характеристики селений и жилищ XVIII в. исследуемых им алеутов Уналашкинского отдела прибегал к реконструкции по сохранившимся еще в его время сведениям. Данные Вениаминова дополняются другими ранними сведениями о селениях и жилищах алеутов. Правда, его материалы касаются только восточных алеутов.

Старые селения алеутов, пишет Вениаминов, состояли обычно из одного, двух, иногда шести общих жилищ, называемых *уллягамах*, в каждом из которых помещалось от 10 до 40 семейств.³¹ Вениаминов отмечает, что жилища строили вытянутыми в длину

²⁹ Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 212.

³⁰ Цит. по: Jakobi A. Carl Heinrich Mercks Ethnographische Beobachtungen über die Völker des Beringmeers. — BA, Bd. XX, Hf. 3—4, 1937, S. 118.

³¹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 199—200.

с востока на запад: «И сколько мне случалось видеть признаки прежних юрт, то почти всегда они строены длиною с востока к западу и, кажется, не всегда потому, чтобы строение приносить вдоль ветров, дующих сильнее прочих».³²

Полуподземное жилище (*улягамах*) у восточных алеутов было основным видом строений. Особых общественных домов («каждимов», как у эскимосов) у них не было. Это же жилище являлось и общественным домом для разного рода праздников, собраний, церемоний и пр.

У западных алеутов, как мы видели в приведенных ранних сообщениях, роль общественного дома выполняло самое большое в селении жилище, где жил тойон.

Кроме этих жилищ, которые были преимущественно зимними, у алеутов, хотя и не повсеместно, имелись и летние жилища — *уляк*, уже не общественные, а отдельные для каждой семьи.³³ В них же хранили круглый год промысловое снаряжение, пищевые запасы и некоторое имущество. Сведения в литературе о летних жилищах крайне скучные. Вероятно, это были шалапи, сооружаемые из китовых костей или плавника, а также менее углубленные в землю и менее утепленные покрытиями сверху полуzemлянки.

У западных алеутов, по-видимому, летних жилищ не было. В приведенных выше сообщениях говорилось, что летом они часто не живут на постоянном месте. Во время своих путешествий и дальних промыслов устраиваются на ночлег отдельными семьями в вырытых ямах, выстланных мхом и травой, покрываясь парками и циновками. Ночуют также под байдарами и сооружениями из байдар, весел и длинных жердей, покрытых шкурами.

Почти во всяком селении восточных алеутов, пишет Вениаминов, были укрепления — *аттагин* — на случай защиты от врагов. Они строились на возвышенных местах и представляли собой обширную яму, обнесенную кругом досками высотой в рост человека.³⁴

На берегу моря неподалеку от селения стояли костяные или деревянные подставы для байдарок и байдар. На байдарках всегда находились охотничьи орудия и оружие, на случай внезапного нападения врага или появления в море зверей.

Зимние жилища, по сведениям Вениамина, имели от 20 до 60 м в длину (и даже больше) и от 8 до 14 м в ширину. Строительство жилища происходило следующим образом. Вырывали яму глубиной от 1.5 до 3 м по размеру жилища. Затем ставили

³² Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 204. — Это связано, по-видимому, с особым почитанием алеутами востока. В восточной части жилища размещался и тойон.

³³ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 207.

³⁴ Там же, с. 208.

продольно 4 ряда столбов: два ряда по краям ямы, вровень с землей на расстоянии сажени друг от друга, а два ряда вдвое длиннее первых на расстоянии от 2 до 4 м от стен и от 4 до 6 м между столбами. На все четыре ряда столбов вдоль строения клади перекладины (из круглых бревен), а на них поперек — стропила (колотые или круглые шесты). В жилищах, построенных из ребер китов, ребра одним концом врывали в землю вдоль стен, а между верхними концами ребер вставляли распорки, привязывая их ремнями. На них накладывали, закрепляя, продольно ряд бревен, на которые затем клади колотые или круглые шесты. Наверху, посередине, оставляли несколько четырехугольных отверстий: некоторые из них служили для входа и выхода, освещения и выполняли функции дымохода, а некоторые — только для освещения и вентиляции. Первых делали от одного до пяти (в зависимости от размеров жилища), а вторых — «сколько могло поместиться». Затем крышу застилали толстыми, плетеными из травы циновками, сухой и свежей травой, засыпали землей и обкладывали дерном. При внутренней отделке в жилище, сделанном из китовых ребер, также ставили второй ряд столбов (как и в жилище с деревянным каркасом), ибо эти столбы очерчивали границы владений отдельных семей. От столбов к стене шли невысокие перегородки: внизу из досок, а вверху из циновок. Они разделяли семейные помещения. Невысокие перегородки из досок — *аюк* (высотой менее 1 м) делались и спереди, чтобы отделить семейные помещения от середины жилища. Вдоль стен жилища в семейном помещении сооружали полки (*кихъян*) из шестов и палок высотой от пола в рост человека. Их устилали циновками, и в зимнее время на них хранили пищевые запасы. Над этими полками устраивали еще небольшие полки (*имгэсн*), где каждая семья держала свои пожитки.

В передней, восточной, стороне жилища помещался тойон со своими женами и детьми, затем в соответствии с занимаемым положением размещались остальные семьейства — каждая семья со своим имуществом в отдельном помещении. Входили и выходили по столбу, на котором были сделаны зарубками ступени.

Иногда отдельные семьи выкапывали в своей стене особую каморку, большей или меньшей величины (*агаяк*). Она могла использоваться и как кладовая, и как спальня детей и т. п. Иногда там делали люки для освещения. Входы в эти каморки были очень тесными и зачастую так искусно закрывались, что при внезапных нападениях врагов в них прятались и отсиживались.

Жилища не отапливались, жировые лампы служили лишь для освещения (мясо же и рыбу алеуты часто не варили, а ели сырьими).

Строительство больших жилищ и переселение в них всегда сопровождались праздниками. Когда была готова жилищная яма, то тойон или старший в роде устраивал угощение на этом месте, для всех будущих обитателей. Тогда же определялось место,

где какая семья будет жить (по старшинству). После этого принимались за дальнейшее строительство, причем каждый хозяин занимался отделкой своего помещения. После окончания всей постройки переселялись не все сразу, а по очереди, по старшинству, начиная с тойона, так как каждый должен был делать праздник — *кануллик* — и угождать всех жителей селения. После того как перебирались все, устраивали общий праздник — *укамак*, на который приглашали и жителей соседних селений. Этот праздник повторялся каждый год при переходе из летних индивидуальных жилищ в общественные.³⁵

С приходом русских изменились и жилища и даже селения алеутов. Уже в первой четверти XIX в. селения алеутов состояли из большего числа жилищ (от 2 до 10) и в каждом помещалась только одна семья (или две, но небольшие); эти дома соответственно имели не более 20 м в длину. Изменилась и конструкция жилищ. Русские считали более целесообразным делать и менее углубленные в землю «юрты». Такие жилища и стала строить Российско-Американская компания. Появились новые селения с домами несколько иного вида, которые, однако, еще сохраняли в основном конструкцию прежнего алеутского жилища. Новые «юрты» были небольшими; в землю они врывались не более чем на 70 см. Вместо люков для входа и освещения сверху в передней стене стали часто прорубать окно, а в противоположной стене — дверь, очень узкую и низкую. Правда, иногда люки для освещения по-прежнему делали наверху. В эти люки и окна вместо стекол вставляли сивучи или китовые кишки. Двери завешивали шкурами сивучей и других морских животных. Вход иногда устраивали сбоку «юрты» через низкую пристройку в виде русских сеней.

Материалы о селениях и жилищах алеутов весьма важны для решения ряда связанных с ранней историей алеутов проблем.

Так, говоря о типе жилищ алеутов, необходимо признать вслед за В. И. Иохельсоном их большое сходство в первую очередь с полуподземными жилищами палеоазиатов, а затем уже с такими же жилищами североамериканских индейцев (ряда племен северо-западных индейцев, атапасков, индейцев Британской Колумбии и Калифорнии).³⁶

Основываясь на большом сравнительном материале, Иохельсон пришел к заключению, что жилища указанных народов представляют собой не только продукт сходной культуры, но что они, вероятно, распространялись и при помощи заимствований. Общим для них Иохельсон считает следующее:

³⁵ Там же, с. 207—208.

³⁶ Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. — В кн.: Ежегодник Русского антропологического общества. Т. II (1905—1907 гг.). СПб., 1908.

1. Расположение жилищной ямы глубиной от 1 до 2 м обычно на холме, с тем чтобы обеспечить сток дождевой воды.

2. Сооружение стен из бревен, поставленных в яме вертикально и образующих прямоугольник, неправильный восьмиугольник или круг, причем наполовину или на треть выступающих над ямой. Насыпание вокруг надземных частей этих стен вынутой из ямы земли в виде вала или холма.

3. Установка крыши на четырех или более столбах, стоявших в середине жилища, с уклоном к стенам.

4. Использование квадратного отверстия в крыше в качестве двери, окна и дымохода (для входа в жилище ставилось бревно с зарубками).

Исходя из того факта, что сходные черты встречаются в жилищах племен, весьма удаленных друг от друга, Иохельсон делает предположение о существовании в далеком прошлом контактов между этими племенами, указывая одновременно и на ряд других признаков материальной культуры, мифологии, декоративного искусства.

Последующие раскопки Иохельсона на Алеутских островах показали наличие наряду с остатками прямоугольных построек более ранних промежуточных форм с закруглениями в углах. В древнейших же слоях план построек приближался к овалу и даже к кругу.³⁷ Это подтвердило высказанные ранее выводы Иохельсона о сходстве полуподземных жилищ обитателей северо-востока Азии и северо-запада Америки.

Материалы раскопок последних десятилетий добавили новые сведения, подкрепляющие точку зрения о единстве исходных традиций для жилищ Северной Азии и Северной Америки. Таково открытие на древнейшей стоянке Алеутских островов — Анангугла — жилища, представляющего остатки полуzemлянки округлой формы с выложенным каменной плиткой очагом в центре, очень близкого по типу к палеолитическому жилищу стоянки Устиновка в Приморье, открытому А. П. Окладниковым.³⁸ Жилище, раскопанное А. Грдличкой на о. Умнак, тоже было полуподземным и округлым в плане.³⁹ Жилища стоянки Чалука, исследованные группой Лафлина, иные. Также круглые в плане, они, однако, совсем немного (10—15 см) углублены в землю, т. е. это скорее наземные постройки; стены же их образованы каменной кладкой. Такой тип жилищ находит себе аналоги только на се-

³⁷ J o c h e l s o n W. I. Archaeological Investigations..., p. 125.

³⁸ L a u g h l i n W. S. Human Migration and Permanent Occupation in the Bering Sea Area. — In: The Bering Land Bridge. Ed. by D. M. Hopkins. Stanford, 1967; Д и к о в Н. Н. Палеолитическое жилище на камчатской стоянке Ушки IV. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970; Д е р е в я н к о А. П. Приамурье в древности. Автореф. докт. дисс. Новосибирск. 1971.

³⁹ H r d l i ē k a A. The Aleutian and Commandor Islands and their Inhabitants. Philadelphia, 1945, p. 374.

вере, у эскимосов.⁴⁰ Остается неясным, как и когда этот тип жилищ появился у алеутов и когда и как он исчез. А может, они являются остатками летних жилищ?

Все упомянутые древние жилища из раскопок на Алеутских островах небольшие по размерам. Известные же по этнографическим материалам большие дома восточных алеутов, в которых размещалось несколько семейных общин, по-видимому, отражают их социальную структуру, сложившуюся к XVIII в. А небольшие жилища древних обитателей Алеутских островов, так же как и жилища западных алеутов XVIII в., отражают лишь более архаический, чем у восточных групп, тип социальной организации.

Характер селений алеутов XVIII в. (особенно восточных) в сочетании с большим их числом иллюстрирует значительную для охотниче-рыболовного хозяйства плотность населения. Это является показателем, с одной стороны, экологического богатства занимаемой ими территории, а с другой — прекрасного освоения ее и достижения при этом довольно высокого уровня хозяйственного развития, что могло произойти только в результате длительного приспособления к специфическим суровым условиям данного района и достижения при этом довольно высокого уровня хозяйственного развития.

ПЛЕТЕНИЕ

Плетеные изделия занимали значительное место среди предметов домашнего обихода алеутов (рис. 20). Очень распространены были циновки. Наряду со шкурами они служили постелями, покрытиями пола. Ими застилали дно байдарок. Их вешали для разделения помещений отдельных семей. В них завертывали умерших. Плетеные сумки и корзины имели разнообразные формы и назначение: большие и маленькие, плоские и цилиндрические, для хранения мелких и крупных предметов, пищевых припасов и ношения тяжестей. В погребальных пещерах на Алеутских островах было обнаружено большое число детских мумий в плетенных колыбелях.

Алеутские плетеные изделия, по многочисленным свидетельствам путешественников и исследователей, выделяются среди изделий соседних народов (северо-востока Азии и северо-запада Америки) высоким мастерством исполнения.

Как указывают этнографические данные, алеуты сохранили традиционные методы плетения и материал почти до XX в.: предметы, найденные в погребальных пещерах, и изделия конца XIX—начала XX в. почти одинаковы. Нововведениями были лишь декоративные материалы (шерстяные, хлопчатобумажные

⁴⁰ L a u g h l i n W. S. Aleutian Studies. Introduction. — ArA, 1966, v. III, № 2.

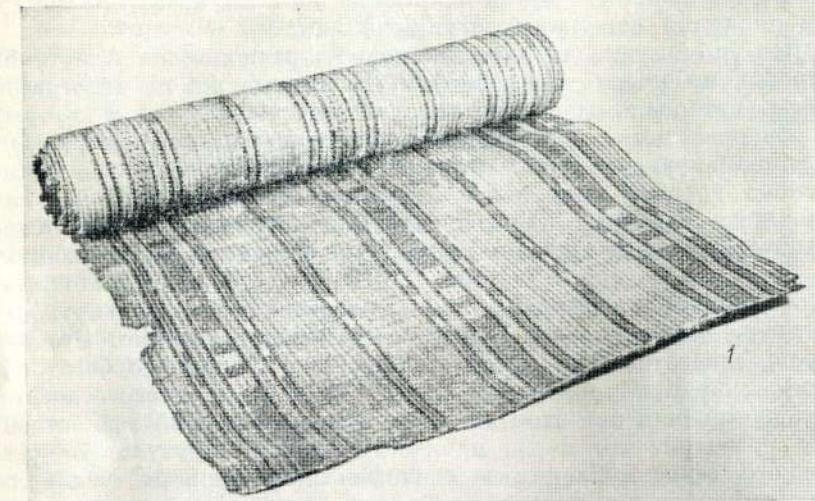

Рис. 20. Плетеные изделия. (По колл. МАЭ).

1 — циновка, № 2868-230; 2 — большая мягкая корзина для переноски и хранения мелких предметов, № 4104-99.

и шелковые нити) и некоторые формы изделий, изготавляемых на продажу (кошельки, бумажники, портсигары).

Особенно славились своим плетением западные алеуты.

Для всех плетенных изделий алеутов было характерно оплетение утком вертикальной основы (*twined work*), являющееся разновидностью тканых плетений (*woven basketry*). Другой вид плетений, кольцевой или спиральный (*coiled basketry*), основанный на сшивании (*sewedwork*) спиральной основы, тоже имевший широкое распространение на Американском континенте, алеутами (и соседними с ними южными группами эскимосов, тлинкитами и нутка) не употреблялся.⁴¹

Рис. 20 (продолжение).

3 — корзина, 2868-238.

Оплетение утком вертикальной основы (*twined basketry*) состоит в том, что пряди вертикальной основы (*warps*) оплетаются в большинстве случаев парными прядями утка, но иногда и трехпрядными. На основе этой техники существует несколько видов плетения, известных у американских аборигенов.

I. Простое оплетение (*plain twined weaving*) двухпрядным утком на вертикальной основе.

II. Диагональное оплетение (*diagonal* или *twilled twined weaving*) двухпрядным утком на двойной или более вертикальных основах.

III. Обертывающее оплетение (*wrapped twined weaving* или *bird-cage* — «птичья клетка», или *fish-trap stile* — «стиль рыб-

⁴¹ Плетение американских аборигенов наиболее полно исследовано О. Т. Мэйсоном (Mason O. T. 1) *American Aboriginal Basketry*. — RUSNM, 1904, p. 171—548; 2) *Basket-work of the North American Aborigines*. — Ibid., 1884, p. 291—306).

ных ловушек»), в котором один утковый элемент закрепляется в горизонтальном положении, а другой уток обертыивается (*warp-ped*) около пересечений первого утка и пряди вертикальной основы.

IV. Оплетение на решетчатой основе (*lattice-twined work*, или *tee*, или *hudson stitch*), где, как и в предшествующем варианте, один утковый элемент закрепляется в горизонтальном положении, составляя горизонтальную часть решетчатой основы (другая ее часть — вертикальная), но оплетение производится двумя другими утками. Этот вид можно рассматривать и как вариант вида III.

V. Трехпрядное оплетение. Оплетение вертикальной основы тремя утками (*three-strand twined*).

О. Т. Мэйсон, основывавший свои заключения об алеутском плетении на изучении коллекции Национального музея США, отметил существование у алеутов только I вида плетения на вертикальной основе, но в пяти вариантах, характеризовавшихся в основном различными положениями основы.

Первый вариант — простое оплетение на вертикальной основе (*plain twined weaving*). Уток, состоящий из двух элементов, оплетает каждую прядь параллельных основ как бы плетением двухпрядной веревки. Каждый последующий ряд повторяет предыдущий, и ряды тесно соприкасаются. Это плетение называется у тлинкитов «вплотную вместе».

Второй вариант — такое же оплетение, как в первом варианте, но разреженное, с промежутками между утковыми рядами (*open twined work*).

Третий вариант — такое же оплетение, но на перекрещивающихся под углом основах (*crossed warp*), состоящих из двух элементов: одни наклонены вправо, другие влево. После оплетения основы утком образуются серии шестиугольных отверстий.

Четвертый вариант — такое же оплетение, но на расходящихся основах (*divided warp*). Здесь каждая прядь основы состоит из соединенных попарно стеблей или из двух расщепленных полос стебля. При оплетеии каждая левая половинка одной пары (основы) сплетается с половинкой прилегающей пары. В следующем ряду старые пары соединяются. Так получались серии треугольных отверстий. Разреженный вариант этого плетения (*openwork*) создавал впечатление мережки (что нашло отражение в его английском термине — *hemstitch*).⁴²

Пятый вариант — такое же оплетение, но на отклоняющихся основах (*diverted warp*). Здесь пряди основы отклоняются от перпендикуляра (вертикали) на некоторое расстояние и затем возвращаются назад. Получаются выплетенные геометрические

⁴² Алеуты при удвоении основы ставят один элемент основы не за другим, как это делают тлинкиты, а рядом. Это дает возможность плетельщице изменять технику в последующих рядах.

фигуры на поверхности. Опубликованная Мэйсоном корзина с крышкой иллюстрирует технику этого варианта, комбинированного со вторым вариантом.⁴³

К характеристике видов и вариантов плетения у алеутов, данной Мэйсоном, необходимо добавить результаты позднейших исследований алеутского плетения, полученные на основании вновь найденных предметов.

Так, экспедицией А. Грдлички в Кагамильской пещере мумий была найдена одна корзина, изготовленная в технике обертывающего оплетения, отмеченной в приведенной ниже классификации видом III.⁴⁴ При этой технике один элемент утка остается внутри корзины (или, наоборот, снаружи), а другой оборачивается вокруг пересечения вертикальной основы и расположенного по горизонтали первого элемента утка.⁴⁵ Алеутские корзины, сделанные целиком в этой технике, есть и в МАЭ (№ 4104-98, 99, 101). В этих корзинах уток, положенный горизонтально, находится на внешней стороне корзины.

П. Гебарт и К. Кент, авторы статьи о плетеных изделиях из потребительных пещер с островов Кагамил и Корабль в Унимакском проливе считают, что они выполнены в технике диагонального переплетения утка на вертикальной основе (*diagonal or twined work*).⁴⁶

В коллекциях МАЭ имеется ряд изделий (№ 337-4; 633-11; 2868-53, 230, 238; 4104-100), отдельные ряды на которых выполнены трехпрядным оплетением (*three-strand twined weaving*). При этой технике каждая прядь утка (состоящего из трех прядей) покрывает два ряда основы на наружной стороне и обвивает лишь один ряд основы с изнанки. На внешней стороне изделия получаются удлиненные плотные стежки, а на внутренней текстура выглядит, как в простом двухпрядном оплетении (*plain twined work*). Также трехпрядным утком, но в несколько иной технике (об этом см. ниже, с. 153) делается встречающаяся на алеутских изделиях орнаментация, известная под названием «фальшивая вышивка» (*false embroidery*).

Кроме перечисленных приемов, являющихся вариациями оплетения на вертикальных основах (*twined work*), на одной из корзин МАЭ (№ 2868-238; рис. 20, 3) есть полоса, выполненная в технике диагонального плетения на равноправных основах (*twilled weaving* или *twilled plaiting*).⁴⁷ Здесь в диагональном

⁴³ Mason O. T. American Aboriginal. . . , pl. 143.

⁴⁴ Hrdlicka A. The Aleutian and Commander. . . , p. 598—599.

⁴⁵ Этот вид плетения может рассматриваться и как вариант плетения на решетчатой основе (у нас вид IV).

⁴⁶ Gebhard P., Kent K. P. Some Textile Specimens from Aleutian Islands. — AA, 1941, v. VII, № 2, p. 171—178.

⁴⁷ Некоторые исследователи (Weltfish G. Prehistoric North American Basketry Techniques and Modern Distribution. — AA, 1930, v. 32, № 3,

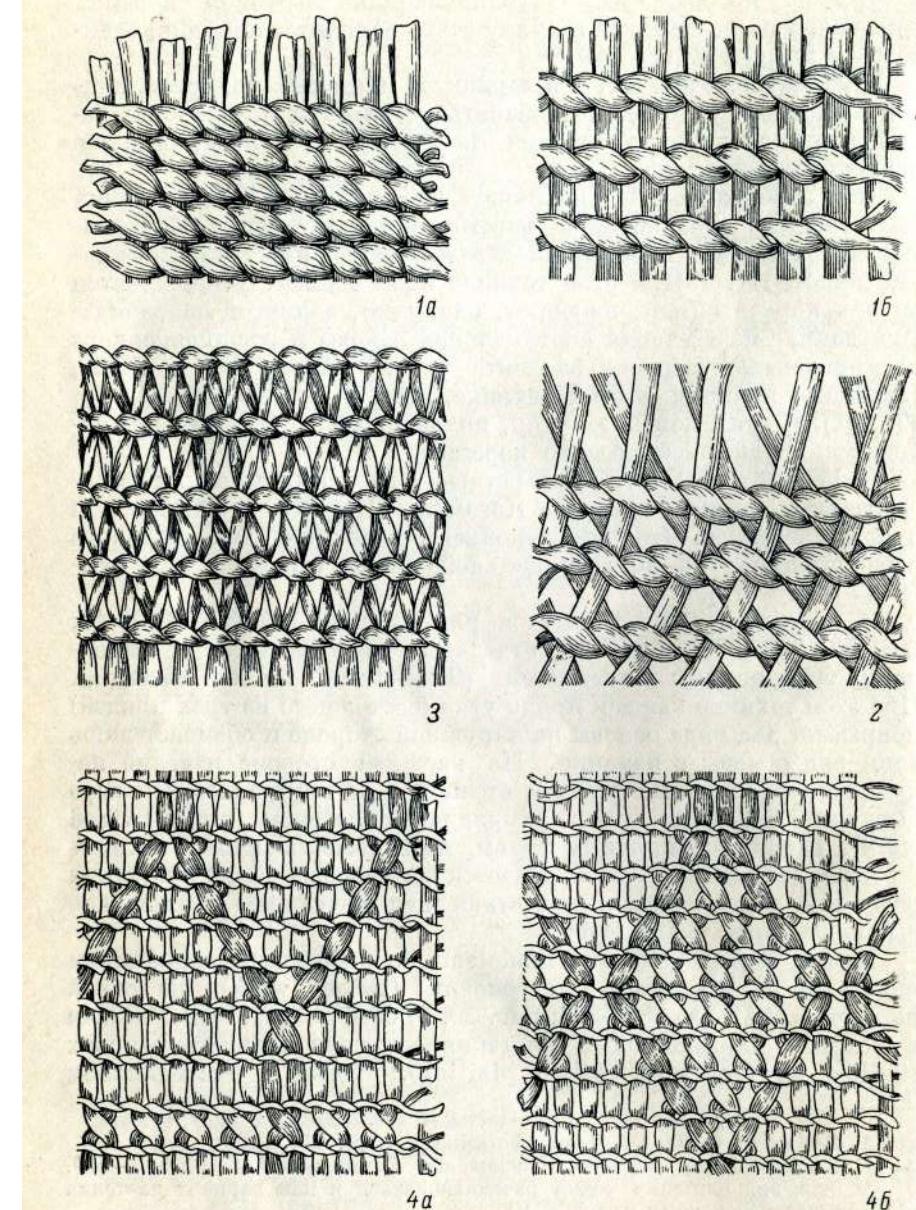

Рис. 21. Приемы плетения и орнаментации.

1 a , 1 b — простое оплетение двухпрядным утком вертикальных основ (1 a — плотное, 1 b — разреженное); 2 — оплетение двухпрядным утком перекрещивающихся основ; 3 — оплетение двухпрядным утком расходящихся основ; 4 a , 4 b — оплетение двухпрядным утком отклоняющихся основ.

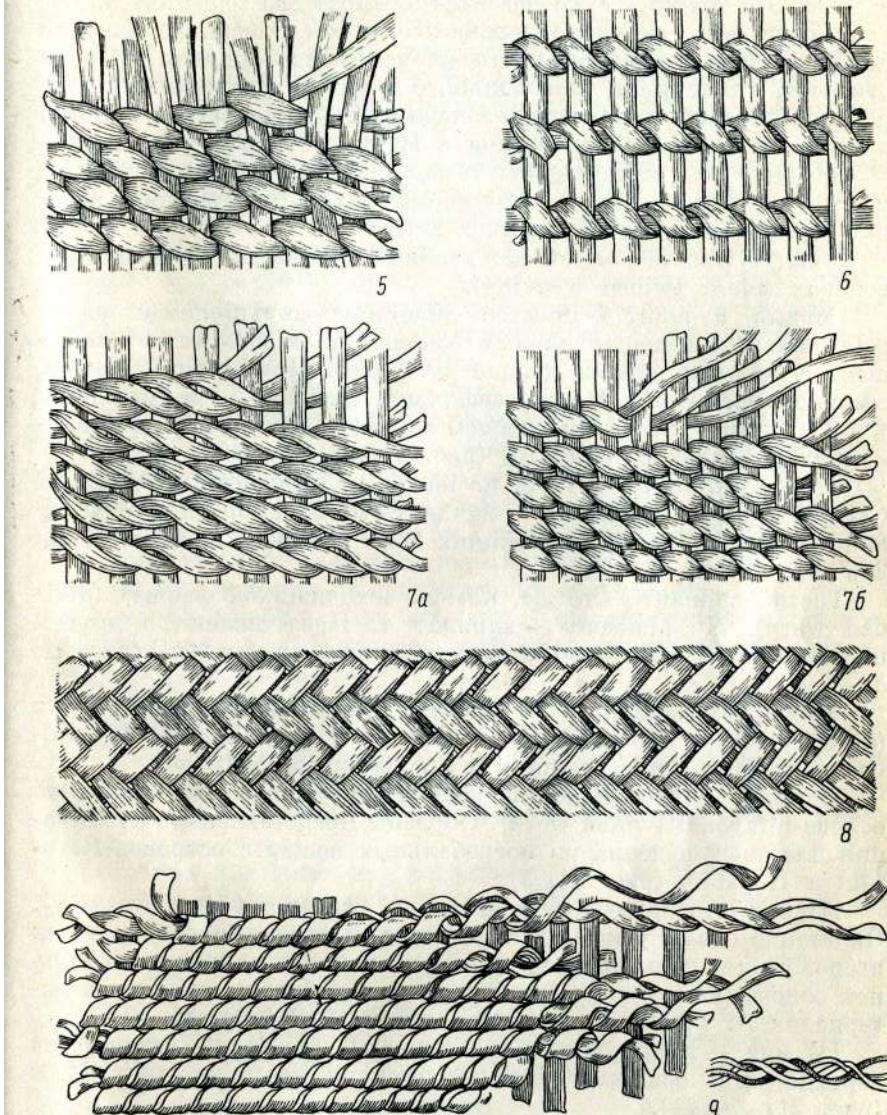

Рис. 21 (продолжение).

5 — диагональное переплетение утка на вертикальных основах; 6 — обертывающее оплетение на вертикальных основах; 7а, 7б — трехпрядное оплетение вертикальных основ; 8 — диагональное переплетение на равноправных основах; 9 — орнаментация способом «фальшивая вышивка».

переплетении каждый элемент утка проходит через две пряди основы. Эта техника тоже не была обнаружена ранее на Алеутских островах, но принадлежность данной корзины алеутам по остальным признакам почти не вызывает сомнения. Мэйсон отмечает, что техника диагонального плетения (*twill work*) имела распространение и на северо-западе и в южных штатах США, а также прекрасно разработана в Перу, Гвиане и Эквадоре.

Обобщая весь находящийся в нашем распоряжении материал, можно предложить следующий перечень техник плетения, которые были известны алеутам (рис. 21).

I вид — простое оплетение двойным утком на вертикальных основах (*plain twined weaving*).

Первый вариант — простое оплетение двухпрядным утком вертикальных и параллельных основ. Оно могло быть с плотными утковыми рядами («вплотную вместе») или разреженное, ажурное (*open work*). По классификации Мэйсона — это варианты 1 и 2. Образцы с таким плетением широко представлены в публикациях и в коллекциях МАЭ (рис. 21, 1а, 1б).

Второй вариант — то же, но на перекрещивающихся основах (*crossed warp*). По Мэйсону — вариант 3. Таких образцов в публикациях нет, но есть в коллекциях МАЭ (№ 2868-21; 4104-11, 12, 25, 28; рис. 21, 2).

Третий вариант — то же, но на расходящихся основах (*divided warp*). По Мэйсону — вариант 4. Представлено в других публикациях и в большом количестве в коллекциях МАЭ (рис. 21, 3).

Четвертый вариант — то же, но на отклоняющихся основах (*diverted warp*). По Мэйсону — вариант 5 (рис. 21, 4а, 4б). Образцов в других публикациях и в коллекциях МАЭ нет.

II вид — диагональное переплетение утка на вертикальной основе (*diagonal twined work*). Образцы представлены в публикации плетенных изделий из погребальных пещер с островов Кагамил и Корабль (рис. 21, 5).⁴⁸

III вид — обертывающее оплетение (*wrapped twined weaving*). Оплетение одним утком на вертикальной основе, в то время как второй уток закреплен горизонтально, перпендикулярно вертикальной основе (как горизонтальная основа). Образцы имеются в материалах А. Грдлички и в коллекциях МАЭ (рис. 21, 6).

IV вид — трехпрядное оплетение (*three-strand twined*) на вертикальной основе. Образцы имеются в коллекциях МАЭ (рис. 21, 7а, 7б).

pt. 1) выделяют шахматное, рогожное (*checker*) и диагональное (*twill*) плетение наряду с техникой оплетения утком вертикальной основы (*twined work*) и кольцевой (*coiled*) в особый тип, обозначаемый термином «*plaiting*», основываясь на том, что в этих видах нет различия между основой и утком, поскольку оба этих элемента равны по степени активности и положению.

⁴⁸ Gebhard P., Kent K. P. Some Textile... .

Кроме того, есть основания предполагать, что алеуты знали и технику диагонального плетения на равноправных основах (twill work; рис. 21, 8).

Перечень этих техник говорит о том, что у алеутов имелись все основные виды тканых плетений на вертикальной основе (twined weaving), отмеченные Мэйсоном на Американском материке.

Орнаментация плетеных изделий делалась приемом, известным под названием «фальшивая вышивка» (рис. 21, 9).⁴⁹ Такой же прием употребляли и тлинкиты. Он заключался в том, что при обычном двухпрядном оплетеии добавлялась третья, декоративная (обычно окрашенная) прядь, которая оплетала только наружный стежок утка. Направление декоративного стежка при этом получалось обратное направлению стежков основной структуры. На внутренней стороне изделия декоративная прядь не показывалась.

Кроме того, упоминается и другой способ орнаментации у алеутов, не имевший широкого распространения, — aresene work. Две пряди окрашенных соломин переплетались поверх прядей основного плетения посредством особого вида «фальшивой вышивки». На каждом полобороте одна из прядей зацеплялась под изгибом. Эта орнаментация дает отчетливый рельефный эффект на внешней стороне изделия. На внутренней стороне она, так же как «фальшивая вышивка», не видна.⁵⁰ К сожалению, такая техника орнаментации в коллекциях МАЭ отсутствует (не найдена она нами и в иллюстрациях).

Верхний край изделий обычно заканчивался плетением в виде трехпрядной косы (braid). У сумок для ношения после этого ряда делался ряд из крупных ячеек-петель: выступающие концы пучков основы были перевиты в столбики из трехпрядных кос, а затем вплетены в обод такого же плетения (трехпрядной косы). В петли продевалась веревка.

Техника плетения обусловливается, с одной стороны, культурными традициями народа, а с другой — природными ресурсами местности.

⁴⁹ В некоторых работах (Hrdlicka A. The Aleutian and Commander. . ., p. 598—599) этот вид орнаментации назван термином «overlay» — «оплетеине покрывающей прядью». Но последнее — другая техника (см.: Mason O. T. American Aboriginal. . ., p. 306—308; Underhill R. Indians of the Pacific Northwest. Washington, 1953, p. 99; Weltfish G. Prehistoric North. . ., p. 477—478). Этот метод орнаментации состоит в том, что к каждой пряди утка основной структуры добавляется декоративная прядь, которая при оплетеии или бывает покрыта прядью основной структуры, или сама покрывает ее, образуя на поверхности стежки другого цвета и качества. Так делают орнаментальные фигуры на поверхности изделия. Эта техника орнаментации нами на алеутских изделиях не обнаружена.

⁵⁰ Mason O. T. American Aboriginal. . ., p. 408.

Единственным имеющимся на островах материалом, пригодным для плетения, были мягкие травы. Мэйсон и Долл называли дикую рожь (*Elymus mollis*) в качестве материала алеутских плетений. Иохельсон дает довольно длинный список названий трав для плетения; главными же он считает тоже диковину рожь и дикий горох (*Lathyrus maritimus*).⁵¹

При публикации одной алеутской корзины М. Л. Киссель называет единственно пригодным материалом для плетения на островах — диковину рожь (у алеутов — «береговая трава»).⁵²

В другой публикации сообщается, что, согласно ботаническому анализу найденных в погребальных пещерах остатков плетения, они сделаны из дикой ржи, а темные волокна украшений принадлежат растению, подобному *Scirpus*.⁵³

В результате анализа материалов плетения, полученных экспедицией А. Градлички из Кагамильской пещеры мумий,⁵⁴ был сделан вывод, что основным материалом плетения являлась «береговая трава» — дикая рожь. Причем некоторые волокна имели листовую структуру, а некоторые — стебельную и корневую. Следовательно, для плетения употребляли и листья, и стебли, и корни дикой ржи. В некоторых образцах стебли и листья использовались без какой-либо предварительной обработки. А некоторые образцы обнаруживали следы значительной обработки для укрепления волокон. При изготовлении полос, идущих на орнаментацию, алеуты прилагали особенно много усилий для того, чтобы сделать их тонкими, узкими, глянцевитыми, но в то же время прочными. На орнаментальные полосы черного цвета шли в большинстве случаев или корни сибирской сосны (*Picea sitchensis*), или корни дикой ржи. В одном случае была отмечена орнаментация полосами китового уса. Встречались изделия со вставленными мелкими перьями.

Вещи коллекции МАЭ орнаментированы теми же материалами. Есть одна корзина с украшениями из полосок китового уса (№ 2868-238), имеются образцы со вставленными мелкими перьями. Кроме того, есть экземпляры с утковыми прядями из полосок сивучьего горла (№ 4104-27) и сухожильных нитей (№ 337-1/5).

Процесс плетения имел две подготовительные стадии, которые были очень важны и занимали у женщин много времени. Это — сбор материала и его обработка.

Ежегодно начиная с июля партии женщин выходили для сбора травы — дикой ржи. Эта высокая трава с листьями длиной около 60 см и шириной 2 см обильно растет вдоль побережий и на

⁵¹ J o c h e l s o n W. I. History, Ethnology and Anthropology of the Aleuts. Washington, 1933, p. 62.

⁵² K i s s e l M. L. An Aleutian Basket. — AMJ, 1907, v. VII, № 8, p. 133—136.

⁵³ G e b h a r d O., K e n t K. P. Some Textile..., p. 171.

⁵⁴ H r d l i ċ k a A. The Aleutian and Commander... p. 610.

холмах. Стебли ее срезали ножом. Для изготовления тонких изделий нужны были не целые стебли, а только два или три молодых тонких листа, поэтому сбор был долгим и кропотливым делом. Трава, собранная в середине июля, после обработки приобретала желтый цвет. Ее расстилали на земле в тенистом месте и сушили, часто переворачивая. Эта стадия сушки продолжалась две недели. Затем траву сортировали по размеру. Более крупные листья расщепляли на 3 части, причем среднюю часть выбрасывали. Тонкие листья оставляли нерасщепленными, так как они были еще слишком нежны для такой обработки. После этого всю траву связывали в пучки и заносили в жилище, а в течение месяца в сухие облачные дни выносили наружу и вешали на веревку. Окончательное досушивание производилось внутри жилища.

Для получения стеблей белого цвета траву срезали в ноябре, целиком весь стебель. Затем ее связки вешали для сушки верхушками вниз около жилища. Досушивали уже в помещении.

Если хотели иметь стебли зеленого цвета, то обрабатывали их так же, как те, которые собирали в июле, но первые две недели держали в тени густой травы, росшей обычно около жилищ. После этого продолжали сушку дома. Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы на траву в процессе сушки, длившемся месяц и даже более, попадали лучи солнца. Запасы травы хранили в сухих пещерах.

Подготовленная к плетению трава разделялась на маленькие пучки (толщиной в палец), концы которых слегка сплетались, с тем, чтобы нити травы не запутывались, когда их будут вытягивать из пучка.

Плетением занимались в зимние месяцы. Перед плетением стебли вытягивали, специально отращенным ногтем большого пальца расщепляли (если это было необходимо) на более тонкие полоски, которые уже шли в работу.

Никаких орудий плетения алеутские женщины не имели. Функции орудия выполнял отращенный и заостренный ноготь большого пальца. Этим ногтем они расщепляли стебли, листья и корни, продергивали полоски китового уса, декоративных нитей, а также закрепляли мелкие перья (а позднее пучки нитей) под пряжами.

При плетении расщепленные стебли всегда поворачивали глянцевитой поверхностью на внешнюю сторону изделия. Циновки и плоские сумки плели, располагая основы по ширине. Выплютая расширяющуюся кверху корзину или полукруглый клапан на плоской сумке, к уже имеющимся основам добавляли новые. Иногда число основ увеличивали их раздвоением. Корзины плели подвешенными вверх дном (отверстием вниз). Вначале сплетали дно корзины, а затем уже его подвешивали к палке,

воткнутой в стену, потолок, крышу (если плели вне жилища), и продолжали плетение, держа дно вверху.

У Иохельсона есть иллюстрация, которая показывает несколько иной способ: алеутка плетет корзину, опрокинув ее на столбик.⁵⁵

Плетение изделий отверстием вниз продиктовано тем, что основа и уток алеутских плетений — мягкие. Тлинкиты (а также калифорнийцы и др.), которые плетут на более твердых основах, держат плетение в процессе выделки на земле, отверстием вверх.

Как правило, спираль плетения при простом оплетеии шла слева направо (против часовой стрелки). Но в зависимости от положения корзины при плетении направление спирали менялось. У алеутов и хайда, которые в процессе плетения держали корзину вверх дном, при переворачивании ее вниз дном спираль оказывалась направлена по часовой стрелке; у тлинкитов, которые и плели отверстием вверх, плетущая спираль шла против часовой стрелки. Но из этого правила есть исключения. Так, плетущая спираль на одном из опубликованных алеутских образцов («В») из Кагамильской пещеры направлена против часовой стрелки.⁵⁶ То же самое мы видим и на корзине № 2868-238 из МАЭ.

Направление стежков на внешней поверхности готового изделия отражает способ переплетения уток. Это переплетение может быть двояким: по направлению к работающему или от него.⁵⁷

Переплетение по направлению к работающему дает на поверхности изделия наклон стежков вниз, в то время как переплетение от работающего дает стежки, направленные вверх. Почти все алеутские плетеные изделия имели стежки, направленные вниз.

Направление плетущей спирали и наклон стежка представляют интерес с той точки зрения, что они являются традиционными для определенных этнических групп. У алеутов мы видим нарушение единого правила лишь в отдельных случаях.

Изучение техники алеутского плетения позволяет отметить ряд интересных моментов.

Во-первых, территория, заселенная алеутами, кадьякцами, чугачами, тлинкитами и нутка, образует ареал, в пределах которого употреблялась только техника оплетения на вертикальной основе и не употреблялась техника спшивания на кольцевой (спиральной) основе.⁵⁸ Причем в указанном ареале совпадают

⁵⁵ J o c h e l s o n W. I. Archaeological Investigations. . . , p. 44. — Таким способом, на столбике, плетут корзины и хайда.

⁵⁶ G e b h a r d P., K e n t K. P. Some Textile. . . , p. 173.

⁵⁷ При работе корзина вращается так, что часть, где идет переплетение, всегда находится непосредственно перед работающим.

⁵⁸ См.: M a s o n O. T. American Aboriginal. . . , p. 266, 253; W e l t f i s h G. Prehistoric North. . . , p. 454—495. — Такая же техника плетения была у племен Северной Калифорнии (К о ж и н П. М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии. — СМАЭ, т. XXIV, 1967).

почти все перечисленные выше виды и варианты этой техники. Но отдельные группы отдавали предпочтение той или иной технике. Так, например, тлинкиты шире применяли технику диагонального плетения на вертикальных основах и трехпрядное плетение и т. п.⁵⁹

На смежных с этим ареалом территориях: на азиатском побережье Тихого океана,⁶⁰ а также на Аляске эскимосами, кроме тихоокеанских, и атапасками употреблялась наряду с техникой плетения на вертикальной основе и техника сшивания на кольцевой (спиральной) основе. Относительно аляскинских эскимосов Мэйсон высказывал предположение, что технике кольцевого плетения их научили атапасские племена Аляски. Эскимосы Аляски, кроме тихоокеанских, плохо владели искусством плетения. Так, Мэйсон пишет об эскимосах р. Юкона, что, судя по их грубым и неуклюжим изделиям, они недавно приобрели искусство выделывания корзин.⁶¹ Совсем нет плетеных изделий у центральных и восточных эскимосов.

Во-вторых, любопытным представляется факт сходства отпечатков на древних гончарных изделиях, обнаруженных при раскопках на материке Северная Америка, больше всего с алеутскими плетеными изделиями. На это указывал еще Мэйсон (по материалам В. Холмса).⁶² Он приводит три образца отпечатков плетения. Один из них — разреженное плетение на расходящихся основах — абсолютно схож с алеутскими. На другом образце основы положены диагонально, что Мэйсон считает необычным для алеутов. Однако в то же время он отмечает тонкую выработку нитей, столь характерную именно для алеутских изделий. В собрании МАЭ, как мы уже отмечали, есть алеутская корзина, выполненная в технике диагонального плетения. Следующий образец — простое разреженное плетение на параллельных основах. Исходя из этих данных, Мэйсон высказал предположение, что техника плетения на вертикальных основах и искусство выделыва-

⁵⁹ Разумовская Р. С. Плетеные изделия северо-западных индейцев. — СМАЭ, т. XXIV, 1967, с. 96; Emmons G. T. The Basketry of the Tlingit. — MAMNH, 1903, v. III, pt. 2; Mason O. T. 1) American Aboriginal...; 2) Basket-work...

⁶⁰ Так, коряки, по сведениям Иохельсона, употребляли и технику плетения на вертикальных основах и технику кольцевого плетения, но их работа лучше и методы разнообразнее, чем у эскимосов. О технике кольцевого плетения коряков Иохельсон пишет, что она, так же как и эскимосская, идентична атапасской (Jochelson W. I. The Korjak. Jesup North Pacific Expedition. — MAMNH, 1905—1908, v. VI, p. 629). Обращает на себя внимание особое сходство коряцких плетенных корзин, выполненных в технике плетения на вертикальных основах, с алеутскими (см.: Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири XIX и первой четверти XX столетия. — СМАЭ, т. XVI, 1955, с. 41—46).

⁶¹ Mason O. T. American Aboriginal..., p. 287, 295.

⁶² Holmes W. H. Use of Textiles in Pottery Making and Embellishment. — AA, n. s., 1901, v. VIII, p. 397—403.

ния тонких нитей были хорошо разработаны алеутами еще до того, как они заселили Алеутские острова.⁶³

В другой работе, посвященной отпечаткам плетения на изделиях, обнаруженных раскопками стоянки в штате Миссури,⁶⁴ также отмечена аналогичная алеутской техника плетения на вертикальных основах. Эта техника представлена в тех же видах: плотное и разреженное оплетение на вертикальных и расходящихся основах, диагональное плетение на вертикальных основах.

Возможно, что алеуты являются хранителями той древней традиции плетения на вертикальной основе, которую несли с собой народы, заселяющие Америку. В силу экологических причин (изобилие трав для плетения, недостаток других материалов для изготовления предметов быта) эта культурная традиция у алеутов совершенствовалась технически, вплоть до достижения уровня, которым славятся алеутские плетеные изделия по этнографическим материалам (рис. 22). Причем, как указывалось выше, западные алеуты в искусстве плетения превосходили восточных.

Все эти положения следует принимать во внимание при исследовании этногенетических и этнокультурных связей алеутов.

ОДЕЖДА

Источники второй половины XVIII и самого начала XIX в. дают еще возможность охарактеризовать традиционную одежду алеутов, в то время как более поздние отражают уже влияние русской культуры. Из ранних письменных сообщений и имеющегося иллюстративного материала мы получаем представление об общем виде одежды, материале, из которого ее шили. Музейные же коллекции помогают уточнить материал, детали украшений, а главное — выяснить покрой одежды.

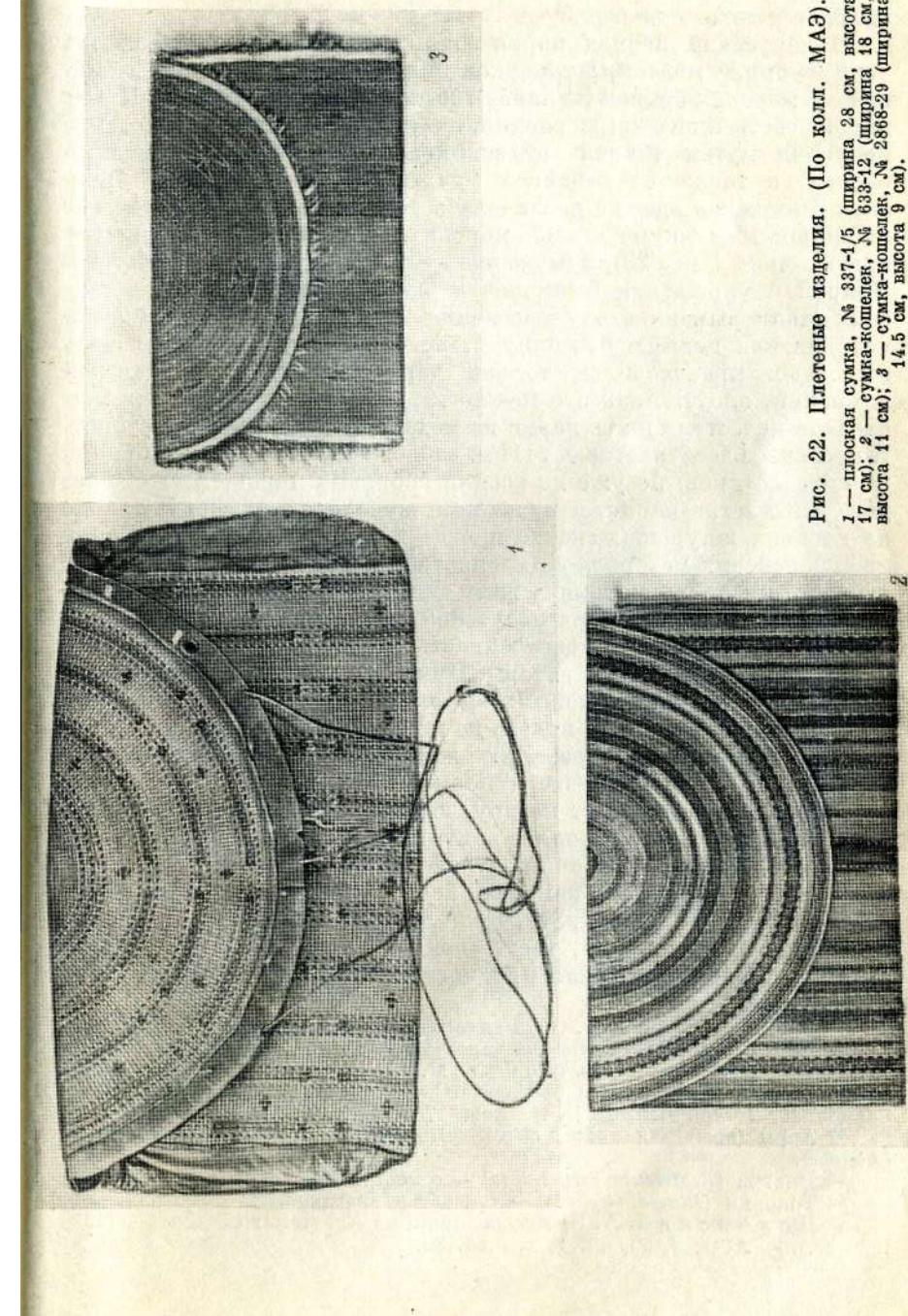
Строгой дифференциации одежды по принадлежности к определенным территориальным, а также социальным группам у алеутов не существовало. Не имелось особого различия и по ее назначению. Для удобства описания могут быть выделены только следующие категории одежды: праздничная и повседневная, промысловая, поясная и обувь.

Основная повседневная и праздничная одежда алеутов — это парка, прямая нераспашная одежда из меха или птичьих шкурок в виде длинной рубашки. Сибирский термин «парка» для обозначения этого вида алеутской и эскимосской одежды был в обиходе на Аляске в XVIII—первой половине XIX в. Принят он и в лите-

⁶³ Мэйсон предполагал, что заселение Алеутских островов происходило из Америки (Mason O. T. American Aboriginal. . . , p. 385).

⁶⁴ M unger P., McCormick R. A. Fabric Impressions of Pottery from the Elizabeth Herrel Site, Missouri. — AAn, 1941, v. VII, № 2, pt. 1, p. 166—171. — Эта стоянка относится к среднемиссисипской фазе миссисипского стиля.

Рис. 22. Плетеные изделия. (По колл. МАЭ).
1 — плоская сумка, № 337-1/5 (ширина 28 см, высота 17 см); 2 — сумка-копилек, № 633-12 (ширина 18 см, высота 11 см); 3 — сумка-копилек, № 2868-29 (ширина 14,5 см, высота 9 см).

ратуре. Алеутско-лисьевский термин для одежды вообще — *ахсяк*, а также *чухтакак*.⁶⁵

В дорусский период парки шили из шкур водоплавающих птиц — *арр*,⁶⁶ ишаток,⁶⁷ топорков⁶⁸ и из шкур морских животных — морских бобров (каланов), котиков, редко тюленей. Кроме парок собственного изготовления, алеуты носили и парки, которые получали путем обмена от эскимосов Аляски — медвежьи и оленьи, а также от кенайцев и чугачей — тарбаганы.⁶⁹ Женская и мужская одежда различалась только материалом: женские парки шили из шкур каланов, морских котиков, иногда нерпичьих или птичьих (рис. 23), а мужские — только из птичьих шкурок. Покрой и украшения были почти одинаковыми. Когда же русские стали выменивать у населения островов шкуры бобров и котиков как ценную пушину и, позднее, когда промысел этих животных производился только для Российской-Американской компании, алеуты, как это можно видеть по источникам тех лет, сначала перестали шить парки из меха бобров, а затем и котиков. В последнее десятилетие XVIII в. еще были в употреблении парки из меха котиков, но уже не носили бобровых парок. А еще через два десятилетия парки, и мужские и женские, стали шить только из птичьих шкурок (женские иногда и из нерпичьих шкур) или из европейских материалов (хлопчатобумажных). Мех шел только на воротник и украшения в виде висячих ремешков. В дальнейшем все шире шла замена алеутской одежды европейской.

Превосходную приспособленность парки к условиям жизни алеутов отмечали многие авторы. Приведем здесь характеристику, данную К. Т. Хлебниковым: «Парка птичья изобретена ими в диком их состоянии, и ничего не может быть удобнее оной в отношении климата и образа их жизни. Сии парки довольно теплы, и как носят их вверх перьями, то дождь обыкновенно стекает и не промачивает мездру, которая к тому же и выделана с жиром и не скоро позволяет впитываться воздушной влажности и мокроте. Ветра также не продувают насеквоздь шкуры; но, соединив парку с кишечной камлеей, алеут долго в состоянии перенести ветер, холод и мокроту. Если же случится, что он довольно озябнет и парка смокла, тогда, войдя в юрту, или на воздухе садится на корточки, становится в ноги плошку с жиром и, опуская

⁶⁵ Вениамино И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846, с. 24, 70. — Сауэр дает следующие термины парок: женских — *tshaktakut*, мужских — *iash* (Sauer M. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Part of Russia, Performed by Commandor Joseph Billings in the year 1785. London, 1802, p. 155).

⁶⁶ Арры (ары) или кайры (*Uria aalge inornata*) — семейство чистиков (*Alcidae*).

⁶⁷ Ишатки (*Fratercula corniculata*) — семейство чистиков.

⁶⁸ Топорки (*Lunda cirrhata*) — семейство чистиков.

⁶⁹ Полонский А. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800 гг.). — АГО, р. 60, оп. 1, д. 3, л. 30.

парку до земли плотно, накидывает также плотно и на голову. В час или еще скорее он согревается всем телом и вместе просушивает свою одежду».⁷⁰

И. Вениаминов также пишет, что парка для алеутов была незаменимой вещью. Она служила и постелью, и одеялом, и даже домом, с нею они не боялись ни сырости, ни мороза, ни ветра. И до тех пор, пока Вениаминов сам не начал использовать парку

Рис. 23. Женщины о. Уналашка. Рисунок П. Н. Михайлова. ГИМ ЭССР. Публикуется впервые.

во время своих переездов, он сильно страдал от холода и ветров, даже в самых теплых одеждах из сукна и меха.⁷¹

Парки из шкур топорков считались самыми прочными.⁷² Но все же они служили год, самое большое — два.

На парку шло 60 целых шкурок ипаток, 40 шкурок топорков, а меньше всего шкурок арр (урильных).⁷³ Более нарядными считались парки, сделанные только из птичьих подбрюшин. Но больше всего ценились парки, спиленные из одних шеек ипаток, топорков

⁷⁰ Хлебников К. Т. Записки о колониях в Америке. Ч. II. — ЛОДАН, р. II, оп. 1, № 275, л. 39 об., 40.

⁷¹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 212.

⁷² «Никакой птицы не было для нас труднее застрелить дробью, как топорка; перья на нем так плотно лежат, что дробь скользит по оным» (Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 154).

⁷³ Полонский А. Промышленники на Алеутских островах..., л. 30; Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 214.

и app. Полонский пишет, что это были парки «богатых» и шло на них до 150 шеек.⁷⁴

Птичья парка (*кулгудак*)⁷⁵ шилась из расположенных вертикально птичьих шкурок (рис. 24, 1). На рукавах шкурки распо-

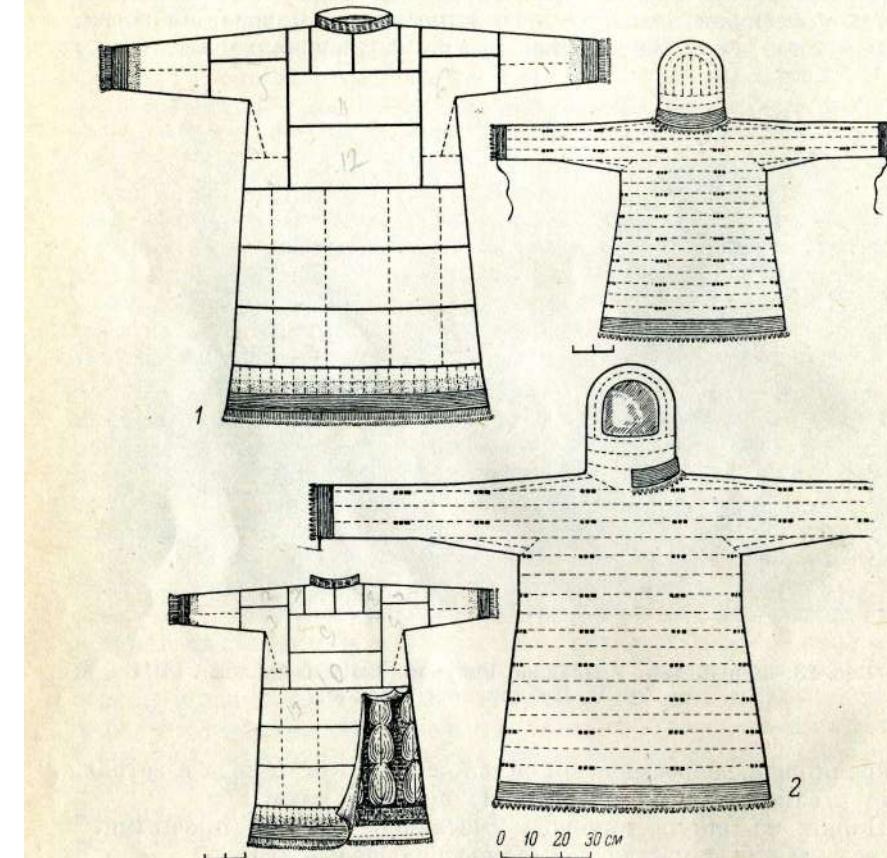

Рис. 24. Покрой алеутской парки и камлейки. (По колл. МАЭ).

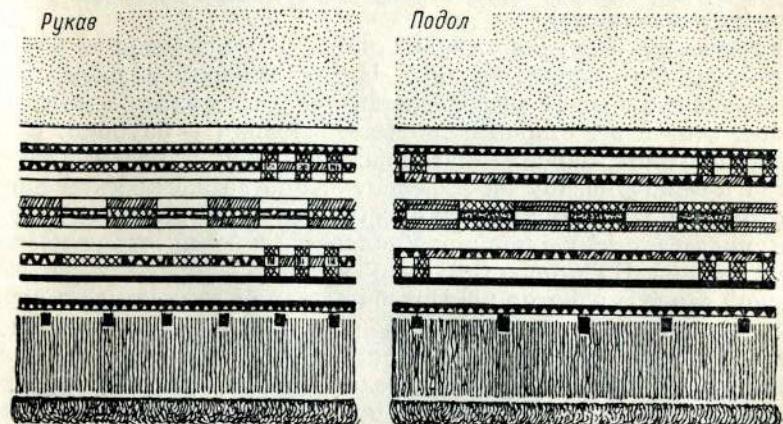
1 — птичья парка, № 593-17; 2 — промысловая камлейка, № 593-24.

лагались так же. Подмышками вставлялись клинья. Шкурки сшивались обычно головной частью кверху, т. е. так, чтобы вода скатывалась с их поверхности вниз (не проникая между перьями и не намачивая мездру). Длина парки доходила до се-

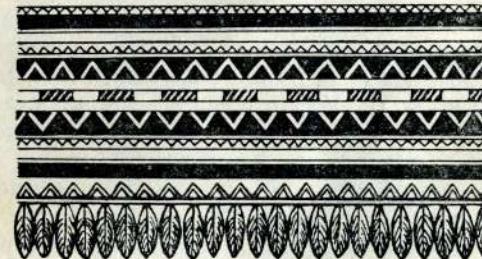
⁷⁴ Полонский А. Промышленники на Алеутских островах..., л. 30.

⁷⁵ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 45.

редины икр или до пят. Рукав парки (*амгак*)⁷⁶ не вшивной, а типа кимоно. К запястью он несколько суживался. Ворот парки (*итгасик*)⁷⁷ имел довольно широкий вырез. Воротник делался стоячим, шириной 7—8 см, из меха с обеих сторон или только

1a

2a

Рис. 24 (продолжение).

1a — деталь «вышивки» птичьей парки; 2a — деталь «вышивки» камлейки.

с одной. Внешняя сторона его иногда была сделана из орнаментированной узорными швами полосы,⁷⁸ а в более поздние годы — и из европейских тканей, иногда с украшениями из бисера и бус. Две птичьи парки такого типа есть в МАЭ (рис. 25).

Некоторые парки имели больше украшений на стороне с перьями, а некоторые — на стороне с мездрай. Характер украшений в обоих случаях был одинаковым: орнаментированные полосы

⁷⁶ Там же, с. 13.

⁷⁷ Там же, с. 34.

⁷⁸ Об орнаментированных полосах см. ниже, с. 173—174.

на воротнике, на концах рукавов и подола, на швах, очерчивающих перекидную кокетку, круговые полосы по стану и рукавам. Кроме того, парки украшались висячими ремешками (бахромой) из окрашенного сивучьего горла или меха бобра и котика. По рукавам и подолу пришивалась опушка из бобрового меха (*аттих* — «оторочка», «опушка»).⁷⁹

Встречается описание птичьих парок с украшениями на левой стороне (со стороны мездры). На эту сторону нашиты орнаментированные полосы на воротнике, рукавах, подоле и по стану одежды, с этой же стороны пришиты ремешки — бахрома. Сама мездра на таких парках окрашивалась охрой в красный цвет. Иногда красили мездру на всей парке, иногда же краской наносили только полосы или другие простейшие геометрические узоры. Мерк описывает такую парку с Уналашки, отмечая, что ее носили первом внутрь. На стороне с мездрай, пишет он, был нарисован «красной землей» воротник.⁸⁰ Подобную парку описывает и Сауэр; он же указывает, что их носили иногда перьями наружу, а иногда внутрь. Сторону с мездрай красили, пишет Сауэр, красной краской и украшали висячими полосками кожи, а швы, которые очерчивали перекидную кокетку, покрывали тонкими полосками кожи с вышивкой белым оленым волосом, козьей шерстью и окрашенными сухожилиями морских животных.⁸¹

К сожалению, в музеях не имеется ни одного экземпляра парки из бобрового и котикового меха, являвшейся традиционной одеждой алеутских женщин. Судя по описаниям в старых источниках, покрой меховых парок был таким же, как и птичьих, носили их мехом наружу. У Сарычева есть описание такой парки: «Женское простое, или будничное, платье одинакового покроя с мужским, только шьется не из птичьих, но из котовых кож. Воротник обыкновенно стоячий, в ладонь шириной, и унизан весь бисером, разными узорами. К передней части воротника привешиваются несколько длинных, нанизанных бисером и корольками ниток, которые висят по платью. Подол парки и концы рукавов обложены подзором».⁸² Есть у него и иллюстрации. Но самая лучшая зарисовка «котовой парки» находится в альбоме Левашова (рис. 26).

Мерк также описывает в качестве женской одежды парку из котикового меха. Он пишет, что она шилась из шкур котиков мехом наружу, со стоячим воротником. Рукава оканчивались широкой каймой из того же меха, но коротко подстриженного женским ножом, в виде продольных полос. Снизу парки были такая же кайма. Воротник украшался рядами стеклянных бус, чередующихся по цвету: ряд белых, два ряда синих, поперек

⁷⁹ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 21.

⁸⁰ Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 117.

⁸¹ Sauerg M. An Account..., p. 155.

⁸² Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 140.

рядов — крестики из красных. С воротника свешивались три или четыре низки белых бус длиной 5 см или более с янтарными трубочками диаметром в ствол пера. Янтарь, пишет Мерк, алеуты выменивали на Кадьяке. С плеча до локтя или до кистей рук прикреплялось несколько рядов висячих узких ремешков.

Рис. 25. Парка из птичьих шкурок, вывернутая перьями внутрь. (Колл. МАЭ, № 2888-86).

Кроме парки, бытовой одеждой алеутов можно считать, по-видимому, и плетенные из травы накидки. Об этом имеется, правда, только несколько свидетельств. Например, сообщение С. Черепанова, который пишет, что «когда в зимнее время очень студено покажетца, то сверх того птичьего платья одеваются плетенными ис травы одеялами».⁸³ Упоминание о плетенных из травы накид-

⁸³ Русские открытия..., 1948, с. 117.

ках есть и у Вениаминова. Он перечисляет среди женских предметов, составляющих ценное имущество алеутов, «покрывало из травы, чисто сплетенное наподобие плаща (*чугук*)». ⁸⁴ Иохельсон же дает фотографию алеутской женщины в искусно сплетенной из травы накидке.⁸⁵

Во время празднеств (или «игрушек», как их называли русские) алеуты надевали нарядную одежду — *чугук*.⁸⁶ Ею служили те же парки, но более новые и богато украшенные. Так, мужская праздничная птичья парка имела высокий стоячий ворот из полосы кожи с «вышивкой» узорными швами. Такие же полосы были нашиты на рукава и на подол. Вся парка обвешивалась ремешками из меха. Женская праздничная парка обильно украшалась бисером, корольками, козьей шерстью,⁸⁷ клювами топорков (которые, по-видимому, являлись одними из главных отличий праздничной женской одежды) и привешенными по всему платью ремешками из меха котиков, кожи или сивучего горла.

Необходимыми атрибутами праздничной женской одежды были ожерелья, зарукавья, браслеты на лодыжки ног, украшения ушей, губ, носа.

В алеутской сказке, записанной Вениаминовым, рассказывается о праздничном наряде девушки: «Она тотчас приказала . . . одевать себя в самый лучший наряд, т. е. надевать на шею ожерелья, зарукавья на руки, серьги в уши и привески в нос (из лучших суклей) и пр. . . потом надела на себя самую лучшую нарядную парку (*чугук*), украшенную ремешками из котовых шкур, топорковыми носами и пр.».⁸⁸

В сообщении И. Соловьева говорится об особом поясе для плясок: «. . . вывезенного . . . от тамошних народов, мастерства жителей того острова . . . один пояс, в коих по их обычаям пляшут».⁸⁹ Две зарисовки таких поясов находятся в альбоме М. Д. Левашова (рис. 26). А следующее описание (правда, более позднего времени) уточняет эти рисунки: «Пояс, каковой алеуты, подвязываемая, носят во время пляски по бубну, вышитой волосом, с перевивкой оленьей шерстью, с висячими хвостиками, вырезанными из кожи морского кота».⁹⁰ Это, видимо, был особо украшенный мужской «поясстыдливости», как это можно заключить из сообщения И. Георги: «Иногда накладывают они на лица свои деревянные хари, уподобляющие их зверям, и притом крайне дурные. В таком случае мужчины раздеваются и оставляют только перед уdom передник или мошну, женщины же остаются в платье».⁹¹

⁸⁴ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 239.

⁸⁵ Jochelson W. I. History, Ethnology and Anthropology . . . , p. 60.

⁸⁶ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 295.

⁸⁷ Козью шерсть привозили русские с Камчатки.

⁸⁸ Вениаминов И. Записки . . . , т. II, с. 295.

⁸⁹ Русские открытия . . . , 1948, с. 169.

⁹⁰ Фонд М. М. Булгакова. — АВПР, ф. 339, оп. 808, д. 733, л. 1, 2.

⁹¹ Георги И. Описание . . . , с. 95.

Рис. 26. Женщина о. Уналашка в парке из шкур морских котиков. Рядом — деревянные блюда, костяные ложки, пояс для плясок. Рисунок М. Д. Левашова. ЦГАВМФ.

У Мерка есть описание женской одежды для плясок из меха длиннохвостого суслика (еврашка), который, как пишет он, алеуты получали с отдаленных островов. Эта парка по стану имела четыре круговые поперечные полосы очень тонкого шитья, по краям украшенные пучками козьих волос. Такие же полосы шитья были на воротнике, концах рукавов и на подоле. С верхних краев этих полос свешивались короткие низки бус, на концах которых имелись корольки. С нижнего края полос тоже свеши-

Рис. 27. Нарядная кишечная камлейка. (Колл. МАЭ,
№ 4108-11).

вались такие же низки, оканчивающиеся корольком или медной монеткой. К этим низкам были прикреплены топорковые клювы со вставленными в них подстриженными козьими волосами. По всей парке были пришиты ремешки из котикового меха. На плечи, грудь и спину были навешаны низки разноцветных бус, перемежающиеся по длине: на спину и грудь — по три, а на плечи — по одной. Стоячий воротник был украшен следующим образом: с верхнего края впереди свешивалось несколько рядов нитей бус попеременно с клювами топорков, нижний край также был обвшен по всей окружности, а из-под него свешивались до пояса низки бус с корольками.

Непременным дополнением промысловой одежды алеутов была камлайка⁹² с капюшоном, сшитая из кишок морских животных — сивучей, нерп, лахтаков, китов, а также из кишок медведей. Алеутское название камлайки — чихдак (от чихтак — «бус», «мелкий дождик»).⁹³

Этот вид одежды алеутов прекрасно иллюстрирован музеиными коллекциями, которые позволяют составить четкое представление об оригинальном виде алеутской камлайки в отличие от камлеек эскимосов и обитателей северо-восточного побережья Азии.

Алеутские камлайки сшиты всегда из поперечно расположенных кишечных полос (рис. 27, 28). Стан одежды прямой. На рукава продолжаются полосы со спины и груди. Рукав, следовательно, не вшивной, а типа кимоно, к запястью он иногда суживается. На груди и спине от горлового выреза вставлены клинья. Такие же клинья вставлены и под мышками, спереди и сзади. Горловая часть капюшона сшита из круговых поперечных кишечных полос, затылочная — из продольно расположенных кишечных полос, передняя — из кишечных полос, кругом или полукругом окаймляющих вырез для лица.

Такой покрой камлайки был типичен для алеутов, и более поздние его видоизменения являются уже нарушениями традиционного покрова.

У выреза для лица делалась вздержка, в которую продевалась бечевка, сплетенная из сухожилий. Точно такая же вздержка имелась и на рукавах, у запястий. На некоторых камлайках внизу рукава, на тыльной стороне, пришивалась петля из кожи или сивучьего горла, к которой приделан сухожильный шнурок для обвязывания и стягивания рукава. Эти приспособления предохраняли камлайку от проникновения воды.

Для того чтобы вода не попадала в байдарку, охотник, находясь в ней, обязательно надевал цуки — особый пояс, имеющий вид короткой и широкой юбки, сшитый из поперечно расположенных кишечных полос. Термин «цуки» (или «суга»), бывший в употреблении среди русского населения островов и передешний в литературу, происходит от алеутского (лисьевский диалект) сук-ках.⁹⁴ Нижний край цуки плотно охватывал фигуру охотника на уровне груди, а через левое плечо (если охотник не был левшой) проходил ремень или сухожильный шнур. Алеутское название (лисьевский диалект) шнура, стягивающего грудь охотника, — кан-нах-ах-тусян.⁹⁵ Для застежки проходящего через плечо шнура иногда прикреплялась красиво сплетенная пуговица.

⁹² Сибирский и камчатский термин XIX в. для обозначения одежды из кишок и сивучьих горл.

⁹³ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 68.

⁹⁴ Архив И. Г. Вознесенского. — ЛОААН, ф. 2, 1845, № 12.

⁹⁵ Там же.

Рис. 28. Алеут в промысловой камлайке (*слева*) и в нарядной (*справа*). Рисунки П. Н. Михайлова. ГИМ ЭССР.
Публикуются впервые.

Иногда крепление производилось ременной петлей. Иохельсон даёт рисунки раскопанных им костяных или каменных колец — *ukámlux*, служивших застежкой.⁹⁶

Швы на камлейках и цуки были обязательно выворотными. Сначала делали очень частый наметочный шов, а затем прошивали обметочным швом. Сухожильные нити (которые алеуты употребляли во время шитья) при попадании влаги разбухали, поэтому швы на камлейках и на цуки совершенно не пропускали воды.

Украшением камлеек служили узкие полоски неокрашенного или выкрашенного в красный или черный цвет сивучьего горла, расположенные по лицевому вырезу капюшона, рукавам и подолу. Иногда эти полоски были орнаментированы узорными швами из нашитых стебельков травы, оленьего и конского волоса, козьей шерсти, иногда просто чередовались по цвету. Кроме того, в швы вставляли мелкие перья и длинные белые волосы («волосы стариков», как пишет Вениаминов). С приходом русских перья были заменены цветными шерстяными нитками («стамедами»).

Камлейки шили также и из сивучьих горл, однако очень редко, так как такие одежды обходились дорого, хотя и были очень прочными. Полонский пишет, что их предпочитали носить русские. Шили камлейки и из пленки, снятой с печени и языка свежего кита.⁹⁷ Но наиболее распространенными были кишечные камлейки, из которых самыми прочными считались сделанные из сивучьих кишок, а самыми красивыми — из медвежьих. Кишечные камлейки не отличались прочностью. Вениаминов указывает, что «для деятельного мужчины надобно две и даже три камлейки в год». Для большей сохранности камлейку смазывали жиром морских животных (но не рыбьим!), а при каждом надевании опрыскивали водой.⁹⁸

Есть упоминание о том, что камлейки иногда надевали и на голое тело,⁹⁹ но это, видимо, относится только к тем, которые носили во время праздничных плясок.

Изготовлением камлеек, как и всей остальной одежды, занимались женщины.

На основании изучения в музее камлеек алеутов и эскимосов (кроме южных тихоокеанских групп) можно отметить следующее различие их покрова: в эскимосской камлейке капюшон выкроен всегда вместе со спинкой, конструктивно составляя с ней одно целое; в алеутской же камлейке капюшон как бы пришит отдельно, не будучи связанным краем со станом. Особенно ярко это видно на камлейке № 593-24, имеющей широкую круговую орнамен-

⁹⁶ J o c h e l s o n W. I. Archaeological Investigations. . . , p. 100.

⁹⁷ П о л о н с к и й А. Промышленники на Алеутских островах. . . , л. 30—30 об.

⁹⁸ В е н и а м и н о в И. Записки. . . , т. II, с. 180.

⁹⁹ Г е о р г и И. Описание. . . , с. 89.

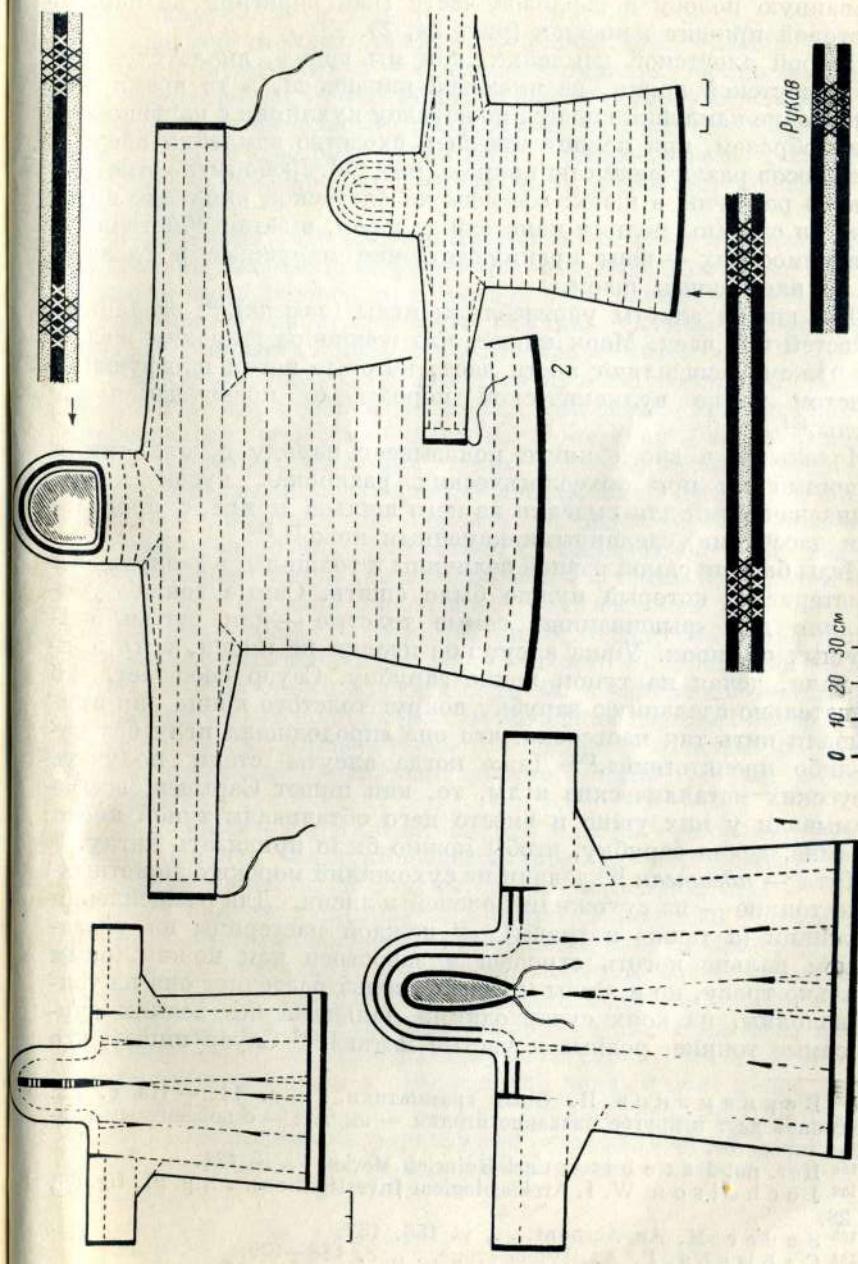

Рис. 29. Покрой камлеек. (По колл. МАЗ).

1 — эскимосская камлека Северо-Западной Аляски, № 2925-24; 2 — алеутская промысловая кипечная камлека, № 2868-69.

тированную полосу в горловой части (как воротник на парке), к которой пришит капюшон (рис. 24, 2).

Покрой алеутской камлейки, как мы видим, аналогичен покрою алеутской парки, не имеющей капюшона, в то время как эскимосские камлейки шьются по образцу кухлянки с капюшоном. Таким образом, при полном внешнем сходстве камлейки алеутов и эскимосов различаются по покрою (рис. 29). Любопытно отметить также и различие в швах: все швы на алеутской камлейке внутренние и сделаны мелким наметочным швом, а затем обметочным; на эскимосских — швы преимущественно наружные и сделаны только наметочным швом.

Для шитья алеуты употребляли иглы (*алюсик*),¹⁰⁰ сделанные из костей ног чаек. Мерк пишет, что женщины широким железным ножом расщепляют кости чаек, которые потомшлифуют на пористом камне вулканической породы до превращения их в иглы.¹⁰¹

Иохельсон в своей книге показывает наряду с шильями и найденный им при археологических раскопках кусок кости, предназначенный для выделки из него шильев и игл, с продольными насечками, сделанными каменным ножом.¹⁰²

Иглы бывали самой разной величины и толщины, в зависимости от материала, который нужно было спицать. Самые тонкие употребляли для «вышивания», самые толстые — для шитья байдарочных обшивок. Ушка алеутские иголки не имели, нить привязывали, делая на тупом конце зарубку. Сауэр сообщает, что за тщательно сделанную зарубку вокруг толстого конца они привязывали нить так мастерски, что она «продолжала иглу без каких-либо препятствий».¹⁰³ Даже когда алеуты стали получать от русских металлические иглы, то, как пишет Сарычев, всегда обламывали у них ушко и вместо него обтачивали тупой конец на камне, делая зарубку, чтобы можно было привязать нитку.¹⁰⁴

Нити — *идгитган*¹⁰⁵ делали из сухожилий морских животных, самые тонкие — из сухожилий оленей и лисиц. Для расщепления сухожилий (а также и травы) «у каждой мастерицы на указательном пальце ноготь отрощен и завострен как ножик; оним не только траву, но и жилы морских зверей разделяет она на тонкие волокна, из коих сучат одними пальцами без всяких орудий самые тонкие, ровные и чистые нитки».¹⁰⁶ Сауэр пишет, что

¹⁰⁰ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 11. — На с. 33. Вениаминов дает и другое название иголки — *ин'укак* — с добавочным значением «продето».

¹⁰¹ Цит. по: Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 121.

¹⁰² Jochelson W. I. Archaeological Investigations..., p. 91, fig. 66, tab. 28.

¹⁰³ Saueg M. An Account..., p. 156, 157.

¹⁰⁴ Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 138—139.

¹⁰⁵ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 28.

¹⁰⁶ Сарычев Г. А. Путешествие..., с. 138.

так они делали нити всех размеров — от толщины волоса до толщины шнурков.¹⁰⁷

Выделкой птичьих шкурок и кишок для одежды, шитьем одежды и обуви (*умюкүк* — «шитье») занимались женщины. Птичий шкурки выделяли «по большей части через вымивание». Употребляли при выделке и урину, после чего шкурки мыли в пресной воде. Шкуры животных высабливали скребками (рис. 15, 2, 3). Кроили специальными женскими ножами — *улу* (рис. 15, 1).

Мерк пишет, что женщины выполняли свои рукодельные работы очень медленно, особенно тонкое шитье. Камлейку женщина делала в продолжение двух месяцев. Занимались шитьем большей частью после ужина, при свете жиринки. Осенью основное рукодельное занятие женщин — изготовление ниток.

Одежда алеутов, особенно праздничная, обрядовые головные уборы и пояса, а также некоторые камлайки украшены орнаментированными полосами, которые производят впечатление искусно вышитых. Названия таких полос на лисьевском диалекте алеутского языка следующие: — *аттигасик* — «подол у платья», «вышивка, обшивка по подолу» (а подол вообще — *туктин*), *итгасик* — «воротник у платья».¹⁰⁸ Сарычев об этих изделиях алеуток пишет как о «вырабатываемых с таким искусством и хитростью, что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними . . . Вместо ниток служит им козья длинная шерсть; ею пришивают к коже волосы из лошадиного хвоста, переплетая их белою оленькою шерстью и разных цветов шелками, от чего шитье их походит на самой мелкой низаный бисер. Подобными узорами вышивают оне праздничные мужские парки, шапочки, пояса и зарукавья, употребляемые только во время пляски».¹⁰⁹

При обмене с русскими алеуты охотно брали тонкие иглы, козью шерсть, белые лошадиные волосы, которыми не только украшали парки и капюшоны, но и «вышивали». От эскимосов обменом они раньше получали белый подшнейный олений волос, который служил основным материалом для «вышивок».

Так как материал, из которого алеуты изготавливали одежду (кишки, птичий шкурки, мех), был недостаточно прочным и удобным для украшений, то свою «вышивку» алеуты делали на более прочной основе: на полосах сивучьего горла. Эти полосы предварительно окрашивали в красный или черный цвет (реже — синий и зеленый), а затем уже на них сухожильной нитью нашивали более узкие полосочки окрашенного же сивучьего горла с различными декоративными швами, сделанными волосом. Иногда эти

¹⁰⁷ Saueg M. An Account . . . , p. 156, 157.

¹⁰⁸ Вениаминов И. Опыт грамматики . . . , с. 21, 58, 34.

¹⁰⁹ Сарычев Г. А. Путешествие . . . , с. 140.

полосочки были различными способами оплетены волосом. Пришивали и просто полосочки, без швов и оплетения. Волосы раньше употребляли оленьи, а после прихода русских — козы и из лошадиного хвоста. Иногда вместо волоса использовали сухую траву и очень тонкие полоски сивучьего горла.

Как отмечает в своей работе С. В. Иванов, термин «вышивка» не подходит для определения технических приемов, используемых алеутами для орнаментации этих полос: это скорее аппликация. Различные узорные швы пришивались сухожильной нитью к основе.¹¹⁰

Простейшим приемом аппликации было пришивание к основе полоски окрашенного сивучьего горла продольными стежками наметочного шва. Наиболее распространенным был декоративный шов в виде цепи овалов, образованных двумя пересекающимися оленьими волосками. Также часто встречались различные виды обмотки полоски сивучьего горла двумя белыми оленьими волосками. Довольно обычным было сочетание на одной полосе различных швов.

Орнамент на этих «вышитых» полосах в целом простейший прямоугольно-геометрический, создаваемый составляющими их полосками, окрашенными в разные цвета и расположенными в шахматном порядке, и декоративными швами с различными узорами.

Следует сказать, что искусство «вышивки» доведено было алеутами до очень высокого технического и художественного уровня. Почти ювелирные по тонкости изделия алеутских мастеров говорят о вероятности длительного периода развития этого вида искусства.

Поясная одежда и обувь у алеутов не имела большого распространения. Многие ранние авторы отмечают, что парка была их основной и почти единственной одеждой, штаны и обувь встречались, но редко. С. Черепанов (1759—1762 гг.), например, сообщает, что обувь иногда носили жители Ближних островов: «Штанов и торбасов никаковых не имеют, точию и из них, да и то самое малое число зимою носят на ногах торбасы, по их обычаю шитые».¹¹¹ В описании А. Толстых (1764 г.) сказано, что жители Андреяновских островов, кроме парок и кишечных камлеек, никакой другой одежды не имеют.¹¹² В «репорте» И. Коровина (1766 г.) об алеутах Уналашки и Умнака тоже говорится, что штанов и торбасов они не имеют, последние лишь некоторые изредка носят зимой.¹¹³

¹¹⁰ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — ТИЭ, и. с., т. 81, 1963, с. 196—202.

¹¹¹ Русские открытия. . . , 1848, с. 143.

¹¹² Цит. по: Берг Л. С. Из истории открытия. . . , с. 130.

¹¹³ Там же, с. 117.

Следовательно, есть основание предполагать, что алеутам в основном было не свойственно употребление штанов и обуви. Грдличка отмечает также, что ни одна из найденных им в пещерах мумий не имела обуви.¹¹⁴ Возможно, что эта традиция возникла лишь под влиянием эскимосов. Характерно также то, что в сообщениях XIX в. уже не встречается категорических утверждений об отсутствии в одежде алеутов штанов и обуви. Упоминается лишь, что их носили, но не тогда, когда находились в жилище или в байдарке.¹¹⁵ В дальнейшем же, уже под русским влиянием, обычными элементами мужской одежды стали штаны и сапоги.

Штаны шили преимущественно из полос сивучьего горла, а иногда из продымленных тюленьих шкур.¹¹⁶ Длина штанин заходила за колено. В МАЭ имеется экземпляр алеутских штанов из сивучьего горла (№ 313-бб). Покрой их очень близок к эскимосским штанам такого же типа.

Пояс стыдливости у мужчин имел вид ремешка с мешочком. Женщины никакой поясной одежды не носили. Был у них в употреблении только надевавшийся периодически гигиенический пояс — полоса кожи, проходящая между ногами и закрепленная за кожаный поясок; в эту полосу вкладывали мягкий мох, который несколько раз в день меняли.¹¹⁷

Алеутскую обувь — торбаса¹¹⁸ шили с голенищами из сивучьих горл и с подошвой из сивучьих ластов, с голенищами и подошвой из тюленьей кожи и с голенищами из сивучьих горл и подошвой из шкуры тюленя. Были они очень прочные. Лангсдорф пишет, что они выделяются таким образом, что люди ходят по болотам весь день, а ноги их не бывают мокрыми. Сухожилия, которыми они были спиты, разбухали при попадании воды и делали швы непроницаемыми для влаги.¹¹⁹

Древнейшие алеутские торбаса (*улигик* — «всякая обувь, торбаса, сапоги и пр.»)¹²⁰ представляли собой как бы мешок (составлявший широкое голенище), к которому пришивалась выкроенная овально подошва, собранная по краю сборкой и загнутая кверху (в виде поршия).¹²¹

¹¹⁴ Hrdlicka A. The Aleutian and Commander. . . , p. 78.

¹¹⁵ Saueg M. An Account. . . , p. 155; Langsdorff G. H. Voyages and Travels in Various Parts of the World during the Years 1803—1807. II. London, 1814, p. 36—37.

¹¹⁶ Сарычев Г. А. Путешествие. . . , с. 140; Langsdorff G. H. Voyages and Travels. . . , p. 36—37; Saueg M. An Account. . . ; Jacob A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 117.

¹¹⁷ Jacob A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 121.

¹¹⁸ Этот сибирский термин укрепился в литературе для обозначения алеутской обуви типа сапог.

¹¹⁹ Langsdorff G. H. Voyages and Travels. . . , p. 36—37.

¹²⁰ Вениаминов И. Опыт грамматики. . . , с. 63.

¹²¹ Порши — известный многим народам вид гнутои обуви, сделанной из лоскута сырой кожи на вздержке.

Вениаминов пишет, что в его время шили уже торбаса с передами (головками) из выделываемой русскими кожи. В остальном покрой оставался тот же. Голенища шили и из сивучих горл, и из кожи морских животных. Подошвы делали или из русских кож, или по-прежнему из сивучих ластов и кожи морских животных. О сивучих ластах Вениаминов сообщает, что они, «будучи морщиноваты», были очень удобны для хождения по камням и скользким местам. Но уже в 30-х годах XIX в. многие мужчины носили русские сапоги, а женщины — башмаки.

В МАЭ хранится достаточно много образцов алеутских торбасов. Некоторые из них представляют собой старый тип — с голенищем мешком, а другие — уже обувь с передами (головками).

Одежда алеутов XVIII—начала XIX в. может служить немаловажным свидетельством при изучении их этногенеза. Так, очевидно, что она вместе с одеждой других берингоморских монголоидов (коряков, ительменов, чукчей, эскимосов) объединяется в единый тип. Главный признак такого единства — ее глухой, нераспашной характер. Обусловленный особенностями климата, этот тип одежды находился в прямой зависимости от типа хозяйства, определившего как выбор материала, так и форму одежды. Так же как и другие берингоморцы, алеуты шили одежду из материалов, которые давала им морская охота: шкуры, кишки, горла, сухожилия морских животных и шкурки морских птиц. Но сходство одежды алеутов, эскимосов и северо-восточных палеоазиатов объясняется не только сходством их хозяйственных типов. Присутствуют здесь, безусловно, и признаки общих древних традиций. Их можно видеть и в едином принципе покроя, и в способе украшения одежды.

Кроме берингоморских монголоидов, глухая одежда была характерна и для народов арктического круга в целом (от Евразии до Америки). Но в одежде алеутов в меньшей степени, чем в одежде других берингоморцев, можно усматривать признаки, свидетельствующие об общих древних связях именно с одеждой народов циркумполярной зоны. Это относится и к одежде соседей алеутов — тихоокеанских эскимосов (кадьякцев, чукчей и эскимосов Южной Аляски). Одежда же всех остальных групп эскимосов по покрою четко обнаруживает сходство с одеждой арктического круга народов. Отсюда, как нам представляется, и те различия, которые существуют в одежде эскимосов (кроме указанных тихоокеанских) и алеутов. О том, что они имеют глубокие корни, говорят различия в традициях покроя алеутских парок, эскимосских кухлянок и камлеек тех и других народов. Как нам удалось проследить по музеиным материалам, алеутские камлейки повторяют по покрою парку. Капюшон на алеутской камлейке всегда конструктивно составляет отдельную часть. Для кухлянки же эскимосов характерен капюшон, который соединен

кроем со станом одежды. Эскимосская камлейка точно повторяет этот покрой, даже в материале, который нужно было предварительно спивать. Это убеждает в том, что у алеутов одежда с капюшоном не была исконной. Таким образом, можно предположить, что существование различия в одежде алеутов и эскимосов обусловлено, с одной стороны, внесением в одежду эскимосов традиций, пришедших из Азии северным путем, а в одежду алеутов — древнейших, пришедших через Камчатку, с другой — адаптацией каждого народа в своей экологической среде. Сюда можно добавить и еще одну отличительную черту алеутов: для них не было характерным употребление обуви и штанов.

Но по способу украшения одежды «вышитыми» полосами и бахромой алеуты не отличаются от эскимосов в целом. Следует также отметить, что высокий уровень мастерства исполнения алеутской «вышивки» свидетельствует о длительном периоде ее развития и совершенствования. Г. М. Василевич связывает орнаментацию на одежде эскимосов и атапасков Аляски с покроем и орнаментацией тунгусского кафана, предполагая возможность древних контактов предков северо-восточных палеоазиатов и эскимосов с жившими южнее тунгусоязычными охотниками горной тайги.¹²²

Еще больше о возможных древних контактах говорит сходство алеутской парки, украшенной «вышитыми» полосами (по верхней линии проймы рукавов, по перекидной кокетке, концам рукавов и подолу) и бахромой, с одеждой некоторых индейских племен Северной Америки (атапаски Аляски, равнинные индейцы — круу, манданы и др.).¹²³ Мы видим здесь аналогичного покроя глухую одежду без капюшона, подобные же украшения из висячих ремешков и орнаментированных полос, узоры на которых, правда, сделаны другим материалом (иглы дикобраза), но в той же технике (накладывание и пришивание игл сухожильной нитью) и с орнаментом того же типа. Близость по характеру и технике эскимосско-алеутского (а также северо-восточных палеоазиатов) орнамента из оленевых волос к орнаменту из игл дикобраза североамериканских индейцев отмечал еще Л. Я. Штернберг.¹²⁴ Представляется очень интересным и заключение С. В. Иванова, что отдельные мотивы эскимоидного орнамента, характерного и для орнаментации одежды алеутов, прослеживаются и на территории индейцев.¹²⁵ Так, близкими к эскимосскому он считает полосовой орнамент северных атапасков (кенайцев) и узоры в виде концентрического круга с одной или несколькими (как у коряков, чук-

¹²² Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. — СМАЭ, т. XVIII, 1958.

¹²³ Wissler C. Indian Costumes in the United States. — AMGLS, LXIII, 1931, p. 1—32; Handbook of American Indians. I. 1912, p. 310—313.

¹²⁴ Штернберг Л. Я. Орнамент из оленевого волоса и игл дикобраза. — СЭ, 1931, № 3—4.

¹²⁵ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири..., с. 238.

чей и алеутов) кистями, прикрепленными к его центру, на одежде равнинных индейцев группы сиу — ассишибайнов,¹²⁶ манданов.¹²⁷

Полное совпадение мужской и женской одежды алеутов по покрою и украшениям (отличается она иногда только материалом) может служить подтверждением того, что алеуты не испытывали изменений в условиях жизни с очень древних времен. Ведь обычно при перемене места обитания и с изменением хозяйственных занятий мужская одежда менялась, приспосабливаясь к новым условиям, а женская сохранялась прежней. Таким путем нередко шло образование различий в мужской и женской одежде у народов Сибири.¹²⁸ Одежда алеутов со времени прихода на острова сохранялась, по-видимому, неизменной в своих основных чертах.

Заслуживает быть упомянутым, как нам представляется, и такой интересный факт — использование в качестве материала для традиционной одежды исключительно шкурок морских водоплавающих птиц и шкур морских животных — несмотря на наличие наземных животных (лисиц, песцов, оленей) на восточных, близких к п-ову Аляска островах. Это указывает на очень устойчивую традицию ориентировки хозяйства на приморскую фауну, характерную для данных островов.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Традиционной культуре алеутов была свойственна интересная особенность — отсутствие, несмотря на суровый климат, каждодневных головных уборов. Исключение составляли лишь детские шапочки.¹²⁹ Алеуты надевали особые головные уборы только на промыслах в море. Другой вид головных уборов надевался во время празднеств. Русских же алеуты называли *са-лигунин* — «носящие шапки».¹³⁰

Промысловыми головными уборами были богато украшенные полихромной раскраской, резной костью и сивучими усами деревянные шляпы, конические (рис. 30, 1). или с открытым верхом — козырьки (рис. 30, 2), но обязательно с сильно удлинен-

¹²⁶ Wissler C. Indian Costumes..., p. 133 (fig.).

¹²⁷ Bailey V. Maximilians Travels in the Interior of North America, 1932, to 1834. — NH, 1923, v. 23, № 4, p. 342.

¹²⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1961, с. 236.

¹²⁹ Детские шапочки из птичьих шкурок были обнаружены А. Грдличкой в Кагамильской пещере мумий (Грдличка A. The Aleutian and Commandor..., p. 80, 422, fig. 171).

¹³⁰ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 215. — В своем словаре И. Вениаминов дает общий термин для головного убора — *шалигүк*, а *шалигүгик* — «находящийся в шапке, русский» (Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 71).

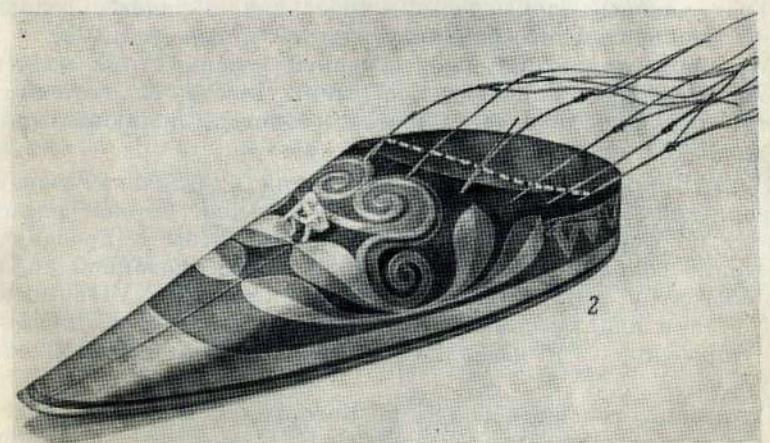
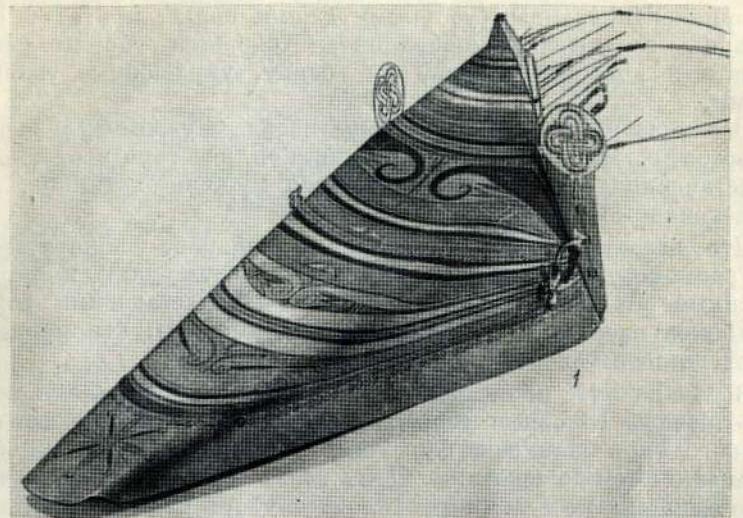

Рис. 30. Промысловые деревянные головные уборы. (По колл. МАЭ).
1 — конический головной убор, № 4104-7; 2 — шляпа-козырек, № 4104-3.

ной передней частью. Капюшоны не могут рассматриваться как самостоятельные головные уборы, так как, наглоухо пришитые к камлейкам, они являются их составной частью.

Празднично-обрядовыми головными уборами были шапки разнообразных форм из кожи и птичьих шкурок с украшениями

из орнаментированных узорными швами полос, кругов и полу-
кружий. К празднично-обрядовым головным уборам следует
отнести и кожаные повязки на голову, украшенные узорными
швами.

Все указанные головные уборы носили мужчины; у женщин
их не было. Только во время праздников, участвуя в охотничьих
представлениях, женщины, изображая мужчин-охотников, надевали
головные уборы.

Что касается детских головных уборов, обнаруженных
А. Грдличкой на мумиях, то, насколько можно судить по опубликованным им фотографиям, они были облегающими голову,
а с боков вверху имели ушеподобные выступы, что придавало
им сходство с головой животного.¹³¹

В начале XIX в. под влиянием русских алеуты стали носить
повседневные головные уборы. Это были большей частью европеинского типа шапки и фуражки, а для женщин — платки.¹³²
Но вместе с тем до середины XIX в., по-видимому, как мужчины,
так и женщины носили иногда головные уборы из кишок и птичьих
шкурок, спиленные примерно по образцу прежних празднично-обрядовых.

Традиционные промысловые и празднично-обрядовые головные
уборы вышли из употребления у алеутов к началу XX в.

Музейные коллекции дают основной материал при изучении
головных уборов алеутов. Сообщения в старых источниках,
хотя и носящие характер коротких заметок, являются крайне
необходимым дополнением к ним.

В МАЭ хранится большая коллекция охотничьих головных
уборов: конических шляп и шляп-козырьков. Серий разнообразных по форме кожаных шапок представлены и празднично-обрядовые головные уборы. Особая ценность указанной коллекции состоит в том, что она относится к концу XVIII—началу XIX в. и в ней имеются образцы, выполненные с мастерством,
уже утраченным в изделиях второй половины XIX—начала XX в.

Охотничьи головные уборы по материалам музеиных коллекций
были всесторонне исследованы С. В. Ивановым.¹³³ Он пришел
к интересным выводам о их характере и генезисе, а также о месте,
занимаемом алеутским искусством среди художественного творчества палеоазиатов и индейцев.

¹³¹ Hrdlicka A. The Aleutian and Commandor...

¹³² Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 215.

¹³³ Ivanov S. V. Aleut Hunting Headgear and its Ornamentation. — In:
23 Intern. Congress of Americanists, 1928. N. Y., 1930; Иванов С. В.
1) Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, с. 483—504; 2) Орнамент народов Сибири...,
с. 163—248.

Охотничьи головные уборы. Эти головные уборы являлись частью промыслового снаряжения охотника. Их надевали при выходе на байдарку в море на капюшон и закрепляли сухожильным шнурком под подбородком. По одним источникам, эти шляпы предохраняли глаза охотника от солнечных бликов на воде, а по другим — от морских брызг.

Охотничьи головные уборы, как указывалось, были двух типов: с конической верхушкой (рис. 30, 1) и с открытым верхом (шляпы-козырьки; рис. 30, 2). Шляпы первого типа являлись принадлежностью вождей или заслуженных охотников и воинов, а шляпы-козырьки имелись у каждого рядового мужчины-охотника.¹³⁴

Вениаминов приводит алеутский термин для деревянной шляпы, «убранной долгими сивучими усами и разными камешками», т. е., по-видимому, для конической, — *каятгум тумгагиган алюхсаг инлят*.¹³⁵ Термины *tschachudak*¹³⁶ и «чугудак»¹³⁷ Вениаминов определяет как «шапка деревянная, без верха».¹³⁸

Конические шляпы были особенно тщательно сделаны и богато украшены. Изготовление их требовало много времени, редких на островах материалов, и поэтому ценились они очень высоко. Вениаминов пишет, что за такую шляпу можно было получить от одного до трех рабов. Количество же рабов у алеутов было довольно ограниченным — даже у самых богатых вождей не более 20.¹³⁹

Очень длительным, сложным и трудоемким процессом являлась выделка корпуса шляпы. Начиналась она с поисков нужного материала. Шляпы делали, по одним сообщениям, из еловых дощечек, по другим — из березовых. Вениаминов же отмечает, что шляпы изготавливали из какого-либо выброшенного морем пня.¹⁴⁰ Судя по структуре дерева на шляпах, хранящихся в музеях, их выдалбливали именно из целых кусков дерева. Лангсдорф пишет, что часто алеут целую неделю занимался превращением куска дерева в пластину — дощечку, которую затем необходимо было согнуть определенным образом.¹⁴¹ Для этого ее «проводили» (распаривали), бросая раскаленные камни в суд, где она лежала, или непосредственно обрабатывая ее раскаленными камнями, поливая при этом водой.¹⁴² Когда пластина приобретала форму конической шляпы (или козырька) и концы

¹³⁴ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 218.

¹³⁵ Там же, с. 239.

¹³⁶ Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 117.

¹³⁷ Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947, с. 201.

¹³⁸ Вениаминов И. Опыт грамматики..., с. 66.

¹³⁹ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 218, 239.

¹⁴⁰ Там же, с. 218.

¹⁴¹ Langsdorff G. H. Voyages and Travels..., p. 38—39.

¹⁴² Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 117.

ее сзади были соединены, делали сухожильными нитями задний шов. Далее приступали к раскраске.

Конические головные уборы, как это можно наблюдать на музейных экспонатах, поражают своей до совершенства отработанной, всегда скрупулезно выдержанной формой. Они имеют сильно вытянутый вперед от вершины навес, который идет сначала прямо, затем несколько прогибается внутрь, расширяясь от вершины к темени (достигая здесь примерно 10—12 см ширины), и слегка сужается к краю. С внутренней стороны середина этого навеса — по центральной продольной линии — делалась всегда утолщенной (наибольшая ее толщина около 1.5 см) по сравнению с остальными частями шляпы, которые у лучших экземпляров бывают очень тонкими (2—3 мм толщины). Длина передней части конуса варьирует от 39 до 54.5 см. Бока его закругленными углами переходят в боковые стороны шляпы, имеющие небольшой угол скоса от вершины. Нижние края боков шляпы тоже бывают утолщены (до 1.5 см), иногда в виде продольных полос. Затылочная линия, со швом, почти отвесная, но не всегда строго прямая, а с некоторым наклоном наружу. Длина этой линии (высота шляпы) варьирует в пределах от 19.5 до 24 см. У некоторых экземпляров деревянным полукруглым ободом укреплена изнутри и затылочная часть.

На внутренней поверхности головного убора прикрепляли завязки из сухожилий. Иногда верхние концы их выводили на наружную поверхность головного убора и снабжали украшениями: красиво сплетенными шнурками, костяными кружками, маленькими резными пряжками и бусами.

Шляпы раскрашивали в основном минеральными красками и реже — растительными. Большинство красок алеуты добывали на своих островах, но некоторые получали с Аляски.¹⁴³ Краски высоко ценились. Они являлись объектами меновой торговли и ценными военными трофеями.¹⁴⁴ Ими раскрашивали охотничье оружие, оставы байдарок, полоски кожи и сивучьего горла, служившие для украшения одежды, деревянные головные уборы, маски и лица. Употреблялись краски и как ритуальные объекты: в качестве жертвоприношений духам, а также при погребении — их клали вместе с покойником в могилу. Добытие красок и их изготовление было обязанностью женщин.¹⁴⁵ Они же, по-видимому, являлись хранительницами запасов красок, так как именно женщины одаривали красками первых путешественников.¹⁴⁶

¹⁴³ См.: Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 45; Георги И. Описание..., с. 90; Jacob i A. Carl Heinrich Merks..., S. 117.

¹⁴⁴ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 94.

¹⁴⁵ Иванов С. В. Материалы..., с. 484.

¹⁴⁶ Мореход М. Неводчиков из о. Агатту (1745 г.) видел, как пожилая женщина «обще с другими дикими обоего пола плясала по бубну и дарила их красками» (Паллас П. С. О российских открытиях на морях между

Мерк приводит перечень употреблявшихся алеутами красок с местными названиями и указанием, откуда их брали: ¹⁴⁷ черная (*kaktschichtyschk*), привозимая с Аляски; белая (*schawak*), которую брали с вулкана; зеленая (*tschidgajak*); красная (*clodak*); ¹⁴⁸ желтая, получаемая из корки охры, покрывающей дно некоторых водоемов (*akundak*, *badaraguak*). ¹⁴⁹ Последние 4 краски уналаш-кинские. Зеленую и черную краску они растирают вместе до получения синей краски — *unukugtan* — «двойная краска». ¹⁵⁰ Ли-сянский называет любимыми цветами алеутов черный, темно-красный и зелено-голубой. ¹⁵¹ Вениаминов упоминает глину белого, красного, желтого (охра), зеленого, черного и синего цвета. ¹⁵²

Алеуты, так же как эскимосы, делали подмалевку дерева белой жидкой краской. Это можно видеть на краях и незакрашенных другой краской частях шляп.

Краски растирали на камне. Такие камни (жернова) обнаружены были в большом количестве во время археологических исследований на Алеутских островах. В качестве связывающего средства при растирании красок на камне, как отмечают многие путешественники, алеуты использовали сукровицу, которую получали расцарапывая нос путем просовывания в него сухой травинки. ¹⁵³ Полученная краска была очень стойкой. Сарычев пишет, что она «так крепка бывает, что ни дождем, ни соленою водою не смывается». ¹⁵⁴ Хранящиеся в музее головные уборы до сих пор сохраняют все цветовое богатство красок.

На шляпах мы видим следующие узоры: чередующиеся по цвету полосы, линии из точек, кругов, полукружий, штрихов и т. п., криволинейные узоры — завитки, парные и S-видные спирали и розетки сложного строения. Кроме того, шляпы расписывали сюжетными рисунками.

После раскраски шляпу украшали резными костяными пластинками и фигурками, а также сивучьими усами. Эти украшения были расположены в строго определенных местах.

Костяные пластинки прикреплялись сзади шляпы и с боков. Задняя костяная пластинка закрывала шов шляпы, служила

Азией и Америкой. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. IV. СПб., 1790, с. 298).

¹⁴⁷ Цит. по: J a c o b i A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 117.

¹⁴⁸ По Вениаминову — красный — *улюдак* (Опыт грамматики. . . , с. 63).

¹⁴⁹ По Вениаминову — желтая краска, охра — *акунак* (Опыт грамматики. . . , с. 9).

¹⁵⁰ J a c o b i A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 117.

¹⁵¹ Л и с я н с к и й Ю. Ф. Путешествие. . . , с. 149.

¹⁵² В е н и а м и н о в И. Записки. . . , т. I, с. 45.

¹⁵³ J a c o b i A. Carl Heinrich Merks. . . , S. 117. — То же пишет и Сарычев: «Кровь для сего употребления достают алеуты из своего носу, вкладывая в него соломинку и ковыряя ею в ноздре, доколе вытечет достаточное количество крови» (Путешествие. . . , с. 171).

¹⁵⁴ С а р ы ч е в Г. А. Путешествие. . . , с. 214.

как бы креплением головного убора и основой, куда вставлялись сивучьи усы. Она пришивалась к шляпе сухожильными нитями. Эта пластинка вырезалась из клыка моржа и имела форму продольного бруска с выемкой-желобком изнутри. Она зачастую представляет собой образец искуснейшей работы — с глубокой рельефной резьбой (горельеф), состоящей из почти отделяющихся двух или трех стержней, зубчатых или волнообразных выступов по краям и в центре. Поверхность пластинки покрывалась гравировкой с геометрическим орнаментом, затертым красной, голубой, черной или зеленой краской. На вершине пластинки, которая являлась и вершиной шляпы, прикреплялась (или вырезалась вместе с пластинкой) фигурка птицы или морского бобра. Иногда здесь были и целые охотничьи сценки.¹⁵⁵ В просверленные в этой пластинке отверстия, по всей ее длине, двумя рядами вставляли длинные сивучьи усы, простирающиеся до 50 см назад. Каждый ус на расстоянии примерно 10—15 см от основания удваивался путем добавления другого уса, который приматывался сухожилиями, наложенными на бересту. Место соединения часто украшали пучком мелких перьев. На многих шляпах на усах нанизаны кое-где крупные бусины (корольки) разных цветов.

С боков, у висков, перпендикулярно поверхности шляпы прикрепляли ушные kostяные пластинки. Эти пластинки были плоскими и чаще всего имели форму круга с отростком удлиненной треугольной формы. Такая форма, согласно трактовке С. В. Иванова, является стилизованным изображением головы птицы. Место же прикрепления боковых пластинок продиктовано формой шляпы, восходящей к изображению головы животного (боковые пластинки отмечают уши животного). Встречаются боковые пластинки и в форме вытянутого прямоугольника с прорезным орнаментом в виде ряда концентрических кругов со шпорами — изображений птичьих голов с клювами.¹⁵⁶ В результате дальнейшей стилизации такая пластинка на одной из шляп коллекции МАЭ превратилась в цилиндрическую спираль.

На верхушках некоторых боковых пластинок прикреплены резные из кости фигурки птиц, а в одном случае — фигурка морского бобра. На самих пластинках нанесен гравировкой геометрический орнамент из линий и кружочков с точками, затертый красками. Этот стилизованный узор на треугольном отростке, т. е. на клюве, ведет свое происхождение, по-видимому, от линии зева птичьего клюва, а на круге — от птичьего глаза.¹⁵⁷ На боковых пластинках, так же как и на задних, были вставлены сивучьи усы.

Относительно сивучьих усов, прикрепленных к шляпе, Лангсдорф сообщает, что они служили показателем охотничьих досто-

¹⁵⁵ Япунова Р. Г. Зооморфная скульптура алеутов. — СМАЭ, т. XXIV, 1967.

¹⁵⁶ Уапов С. В. Aleut Hunting..., p. 486—489, 494—495.

¹⁵⁷ Ibid., p. 495.

инств носителя. Так как сивуч имеет только 4 длинных уса, то большое количество усов на шляпе означало хорошего охотника. Лангедорф пишет, что у него имелась шляпа, украшенная усами 37 морских львов и соответственно очень дорогая.¹⁵⁸

Изготавливали шляпы мужчины. И, по-видимому, существовали мастера, специализировавшиеся на этом занятии. П. Тихменев пишет: «Старики отделяют камни, аспид, кость для стрелок . . . деревянные шапки и байдарочные решетки, многие из таких вещей . . . они вырезывают с большим старанием, красят их каменными красками и украшают . . . своего рода живописью». Помогают им при этом мальчики.¹⁵⁹

О шляпах-козырьках сведений в ранних источниках значительно больше, чем о конических, — именно их в основном видели на головах алеутов-охотников, встречаемых путешественниками в море и на берегу.

Первые описания таких головных уборов алеутов были даны участниками экспедиции Беринга—Чирикова.

В судовом журнале «Св. Павла» (А. И. Чириков) о жителях о. Адак сообщается: «На головах они у себя имеют вместо шляп зделанные из березовых тонких досок желупки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых наверху привязаны костяные шкатурки».¹⁶⁰

А. Толстых о головных уборах жителей Андреяновских островов пишет: «. . . на головах мужчины вместо шапок носят гнутые деревянные обички, склеенные добываемой из носа их кровью, видом над глазами их подобно распущенной шляпе, а вокруг по дереву раскрашивают тамошними каменными красками».¹⁶¹

Левашов сообщает об уналашкинских алеутах, что они «на головах носят шапки деревянные, утыканые перьями и сивучими усами, також укладены разных цветов корольками, и маленькими, сделанными из кости или мягкого белого камня статуйками».¹⁶² Есть в его альбоме и изображения такой шапки (рис. 2).

Шляпы-козырьки изготавливались примерно так же, как конические. Центр продольной передней части конуса и боковые края делались тоже утолщенными. У шляп-козырьков не было задних костяных пластинок, а боковые пластинки на них имелись очень редко. На верху передней части на козырьках прикреплялись сидящие человеческие фигурки из кости.

Более старые экземпляры из собрания МАЭ сделаны из одного куска дерева, а поздние — из двух и даже из трех кусков. Швы

¹⁵⁸ Langsdorff G. H. Voyages and Travels . . . , p. 39.

¹⁵⁹ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российской Американской компании. Ч. II. СПб., 1863, с. 369.

¹⁶⁰ Русские открытия . . . , 1948, с. 109.

¹⁶¹ Цит. по: Берг Л. С. Из истории открытия . . . , с. 128.

¹⁶² Цит. по: Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова 1764—1769 гг. — ЗГДММ, ч. X, 1952, с. 99.

тщательно склеены и скреплены (прошиты) сухожильными нитями. Техника соединения частей — накладывание утонченного конца одной полосы на такой же — другой.

Раскраска одних экземпляров — одноцветная; на других мы видим полосы, завитки, спирали, розетки, а иногда крупные листовидные мотивы, спирали и розетки.

Украшения в виде длинных сивучих усов, по словам Вениаминова, располагались только с левой стороны, «для того чтобы они не мешали кидать стрелки, а у тех, кои действуют левою, усы прикрепляются с правой стороны».¹⁶³ На всех имеющихся в коллекциях шляпах-козырьках они вставлены по левой стороне верхнего края начиная с переда.

Охотничий головные уборы алеутов не только являются свидетельством высокой художественной одаренности и большого мастерства их изготовителей — алеутов, но и раскрывают некоторые черты своеобразной культуры этого народа, связанные с условиями ее формирования.

Важное значение имеет установление того, чем были обусловлены необычная форма этих головных уборов, раскраска, обязательное наличие деталей в виде пластин и усов, а также наличие конической верхушки.

Эти вопросы были исследованы С. В. Ивановым.¹⁶⁴ Существовавшее мнение только о защитной функции охотничьих головных уборов опровергается даже сообщением Вениаминова, что во время сильных ветров такая шляпа могла быть причиной гибели охотника, ибо ветер, ударив под шляпу, мог опрокинуть байдарку. Кроме того, предохранять от блеска солнца и брызг могли бы и защитные очки, известные всем эскимосам. Следовательно, только утилитарная ценность этих шляп не объясняет их широкого бытования.

С. В. Иванов пришел к заключению, что происхождение вышеуказанных головных уборов было связано с определенными охотничьими представлениями. Этот вывод был сделан на основании сравнительного изучения алеутских шляп, аналогичных им головных уборов северо-западных и тихоокеанских эскимосов, а также головных уборов и масок индейцев северо-западного побережья Америки.

Эскимосские головные уборы, будучи в основных деталях сходными с алеутскими, обнаруживают совершенно четкое сходство с головой животного. Детали же украшений алеутских шляп не случайны, так же как не случайна строгая закономерность в их расположении. Ими отмечено местонахождение носа, ушей, глаз и рта животного.

¹⁶³ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 218.

¹⁶⁴ Ввиду чрезвычайного интереса для данной работы этого исследования (Ivanov S. V. Aleut Hunting...) мы остановимся на его основных положениях.

С. В. Иванов пришел к выводу, что деревянные охотничьи шляпы ведут свое происхождение от зооморфных головных уборов, надевавшихся во время охоты. Это предположение основано на следующих данных: во-первых, алеуты, эскимосы и индейцы северо-западного побережья Америки пользовались зооморфными масками, олицетворяющими дичь; во-вторых, маски и деревянные головные уборы в виде головы животного надевались для исполнения охотничьих ритуальных танцев во время зимних праздников; в-третьих, среди кадьякцев и северо-западных эскимосов головные уборы в виде головы морского животного использовались только во время охоты на морскую дичь; в-четвертых, деревянные охотничьи шляпы алеуто-эскимосского района при детальном ознакомлении оказались не чем иным, как теми же самыми головами животных, лишь более или менее видоизмененными.

У алеутских конических головных уборов особенно интересна раскраска заостренной верхушки чередующимися полосками. Коническая, заостренная вершина и полосы на ней не могут быть объяснены происхождением от головы животного. У кадьякцев, которые в данном случае являются связующим звеном между алеутами и тлинкитами, есть конусообразные шляпы, сплетенные из корней деревьев и трав. Некоторые из них имеют рассеченный цилиндрический верх. Такой тип шляп заимствован от тлинкитов, у которых ношение шляпы с цилиндрической верхушкой является только привилегией вождя и знати. Верхушка здесь — знак почета. Иванов приводит для сравнения деревянную танцевальную шляпу индейцев-хайда, она изображает бобра и также имеет цилиндрический верх, рассеченный на секции. Следовательно, верхнюю часть алеутских головных уборов также можно рассматривать как отличительный знак, который раньше прикреплялся к голове животного, а затем он слился с головным убором в единое целое. Значительным отличием конических головных уборов алеутского типа от индейских является сужение к самому верху. Однако на некоторых тотемных столбах тлинкитов воспроизведены шляпы, имеющие как раз такой заостренный верх, разделенный на секции.

Анализ украшений также указывает на длительную эволюцию головных уборов. Но если генезис головных уборов в целом вскрывает древние связи с индейцами, то здесь присутствуют и черты эскимосского характера.¹⁶⁵ Прежде всего это касается большей части резных украшений из моржовой кости. Искусство резьбы по кости достигло наибольшего развития на Аляске, у северо-западных эскимосов, и близко к таковому у палеоазиатов Тихоокеанского побережья.

¹⁶⁵ Ivanov S. V. Aleut Hunting. . . , p. 492.

Костяная резьба на головных уборах, о которой мы говорили выше, отражает лишь часть этого вида искусства у алеутов. Мы знаем, что, кроме костяных пластинок и фигурок на головных уборах, алеуты вырезали отдельные человеческие фигурки,¹⁶⁶ зооморфные фигурки для байдарок и амулеты,¹⁶⁷ а также украшали гравировкой костяные преддревки «бобровых стрелок».¹⁶⁸

Рассматривая находящиеся в коллекциях МАЭ и ГМЭ алеутские сидячие человеческие фигурки, С. В. Иванов сделал вывод, что они близки не только к эскимосской и азиатской, но и к индейской скульптуре. В пользу последнего говорит их сидячая поза со сложенными на груди руками, имеющая в индейском искусстве глубокие традиции.¹⁶⁹

Таким образом, анализ формы и украшений охотничих головных уборов алеутов позволяет говорить о глубоких древних связях алеутов не только с эскимосами, но и с индейцами и палеоазиатами. Отход от животного прототипа, стилизованность алеутских головных уборов предполагает длительную эволюцию их уже в обособленных условиях. Об этом же говорит и удивительная отработанность техники изготовления шляп. Отметим здесь также, что рассмотренные головные уборы были одинаково присущи и культуре западных алеутов, и культуре восточных.

Празднично-обрядовые головные уборы. Эти головные уборы алеутов наряду с масками, налобными повязками и другими атрибутами составляли неотъемлемую часть церемониального облачения при исполнении охотничих обрядов. Такие обряды были основой алеутских празднеств («игрушек»), проводившихся зимой, по окончании охотничьего сезона и перед началом следующего. Проходили они попеременно, то в одном селении, то в другом. Жители селения, где происходила очередная «игрушка», разыгрывали сценки с песнями, устраивали угождение. Жители другого селения были гостями и зрителями.¹⁷⁰

Характер таких празднеств, посвященных духам — покровителям охоты, подтверждает сообщение Г. А. Сарычева, наблюдавшего одно из них на Уналашке в 1791 г. «Начало сих празднеств, — пишет он, — как сказывают, произошло от шаманов, которые уверяли алеут, что служащие им духи любят сии увеселения и обещают за оные выкидывать на берега их китов».¹⁷¹

Разыгрываемые представления-пантомимы изображали успешную охоту на морских животных и птиц, мифы и легенды алеутов, прославляли военные подвиги предков и т. д.

¹⁶⁶ И в а н о в С. В. Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов. — СМАЭ, т. XII, 1949.

¹⁶⁷ Л я п у н о в а Р. Г. Зооморфная скульптура алеутов.

¹⁶⁸ Л я п у н о в а Р. Г. Орудия охоты алеутов. — СМАЭ, т. XXI, 1963.

¹⁶⁹ И в а н о в С. В. Сидячие человеческие фигурки...

¹⁷⁰ В е н и а м и н о в И. Записки..., т. II, с. 85—93.

¹⁷¹ С а р y ч е в Г. А. Путешествие..., с. 200.

Как видно из записи Г. А. Сарычева, обрядовые головные уборы обязательно надевались участниками представления: «В той юрте, где я остановился, алеуты сделали один раз игрище . . . Когда гости сели по местам, тогда началась пляска обыкновенным порядком: сперва нагие мальчики и большие мужчины в шитых шапочках,¹⁷² препоясанные поясом и имеющие на руках и ногах повязки, с бубнами в руках один за другим скакали. Потом выходили по две женщины в ряд, в вышитых и украшенных козьей шерстью повязках . . . Когда все женщины переплясали, тогда выходили мужчины один за другим, под разными личинами . . . Здесь было несколько алеут с Андреяновских островов. Они также показывали пляску свою . . . Мужчины, снявши с себя парку, в одной рубашке и портках пляшут поодиноке. На голову надевают они вышитую шапку с длиною и узкою верхушкою, высунувшейся далеко вперед, загнувшейся несколько кверху и украшенною кругом козьем шерстю.¹⁷³

Оставляя сейчас в стороне анализ алеутских «игрушек» в целом, остановимся на головных уборах, надевавшихся во время этих празднеств.

Наряду с прочими головными уборами ранние посетители островов видели на алеутах шапки, сделанные из целой шкурки птицы, с крыльями и хвостом. О подобном головном уборе сообщал, например, И. Соловьев.¹⁷⁴ Согласно описанию И. Георги, их делали из шкурок пеганок,¹⁷⁵ «которые сдирают и высушивают так, что голова проходит в брюхо птицы, причем ее шея, крылья и хвост остаются по-прежнему на своих местах».¹⁷⁶

Но относительно назначения этих головных уборов сведения противоречивые. У Георги такой головной убор описан как зимняя шапка, в противоположность промысловым деревянным головным уборам, которые он преподносит в качестве летних шляп.

Есть у Георги описание и другого головного убора из шкурки пеганки: «Наивеликолепнейшие их перяные шапки делаются из пеганок. В месте шеи приделывают состоящую из сложенной вдвое кожи, шириной пальца два, упругую полоску, которая внизу и вверху распещрена мелким шитьем, а по краям выложена волосяною бахромою длиною в перст. Вместо птичьей головы прикрепляют они к таковой кривулине нижнюю песьцовую чешую. Она и по спине вышита, и бахромою уложена».¹⁷⁷

¹⁷² Здесь и далее подчеркнуто нами.

¹⁷³ Сарычев Г. А. Путешествие . . . , с. 201—202.

¹⁷⁴ Сохе W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. London, 1803, p. 227.

¹⁷⁵ Пеганка хохлатая (*Tadorna cristata*) — в биологическом отношении представляет собой переход от гуся к утке. Была распространена в северной части Тихого океана. Сейчас — вымирающая птица.

¹⁷⁶ Георги И. Описание . . . , с. 90.

¹⁷⁷ Там же.

Связь между головными уборами, описанными Георги и Сарычевым, а также характер обрядовых головных уборов алеутов в целом оказалось возможным уяснить, рассмотрев хранящуюся в МАЭ алеутскую коллекцию. Сопоставление друг с другом этих разнообразных и странных на первый взгляд по форме кожаных головных уборов позволило увидеть в них одну общую черту: все они являлись изображениями птиц, то более близкими к реалистическим, то более отдаленными от них. Удалось проследить и процесс стилизации, последовательность отхода от прототипа. Благодаря этому в головных уборах, уже очень далеких от реалистических изображений, можно увидеть ту же птицу (утку).

Второму головному убору, описанному Георги (с приделанной «шеей»), почти соответствует головной убор № 4104-9 (рис. 31). Сделан он только не из птичьей шкурки, а из тюленьей шкуры. Формой шапки этот головной убор воспроизводит туловище птицы, а выступающей вверх и вперед орнаментированной полосой — шею и голову ее (внутри полосы для придания ей твердости проходит пластинка китового уса). Хвост птицы изображен посредством длинной бахромы из кожаных ремешков, прикрепленных сзади к нижней части обода шапки. Отметим здесь, что от основания «шеи» вперед, до нижнего края шапки, и назад, до «хвоста», продолжаются орнаментированные полосы. Эти детали сохраняются в некоторых головных уборах, где «шея», «голова» и «хвост» отсутствуют. Таким является головной убор № 2868-232 (рис. 32, 2). Головные уборы № 2868-234 и 536-22 — типа колпаков (рис. 32, 1). Но ряд деталей указывает на то, что они генетически связаны с головными уборами, аналогичными № 4104-9 (рис. 31). В этих колпаках передняя орнаментированная полоса вытянута вверх вместе с задней (спинной) орнаментированной полосой и боками шапки. «Шея» как таковая утрачена, но самый верх колпаков имеет украшения из маленьких птичьих клювов на сухожильных шнурках. Передняя орнаментированная полоса осталась вертикальной, а задняя — наклонной, т. е. сохраняющей линию спины птицы. Сзади внизу прикреплено несколько коротких ремешков — это остатки «хвоста». Все эти головные уборы для удобства обозначим типом I.

В следующих головных уборах (назовем их типом II) манера изображения иная, хотя выступающие «шея» и «хвост» здесь также присутствуют. Наиболее близким к птице является головной убор № 313-17. Здесь туловище птицы, т. е. собственно шапка, состоит из донышка в форме овала и обода, суживающегося к заднему концу, где приделан хвост из кожаной бахромы. «Шея» имеет вид длинного языка, обрамленного перьями, пришитого впереди к верхнему краю обода. Эту же форму, но с более короткой «шеей» и круглым донышком иллюстрирует головной убор № 536-14 (рис. 32, 4). На головном уборе № 2868-233 «шея» совсем отсутствует, но «хвост» еще есть (рис. 32, 3). Остальные головные уборы

Рис. 31. Обрядовый головной убор западных алеутов из шкуры тюленя, украшенный полосами «вышитой» кожи и сивучьего горла. (Колл. МАЭ, № 4104-9).

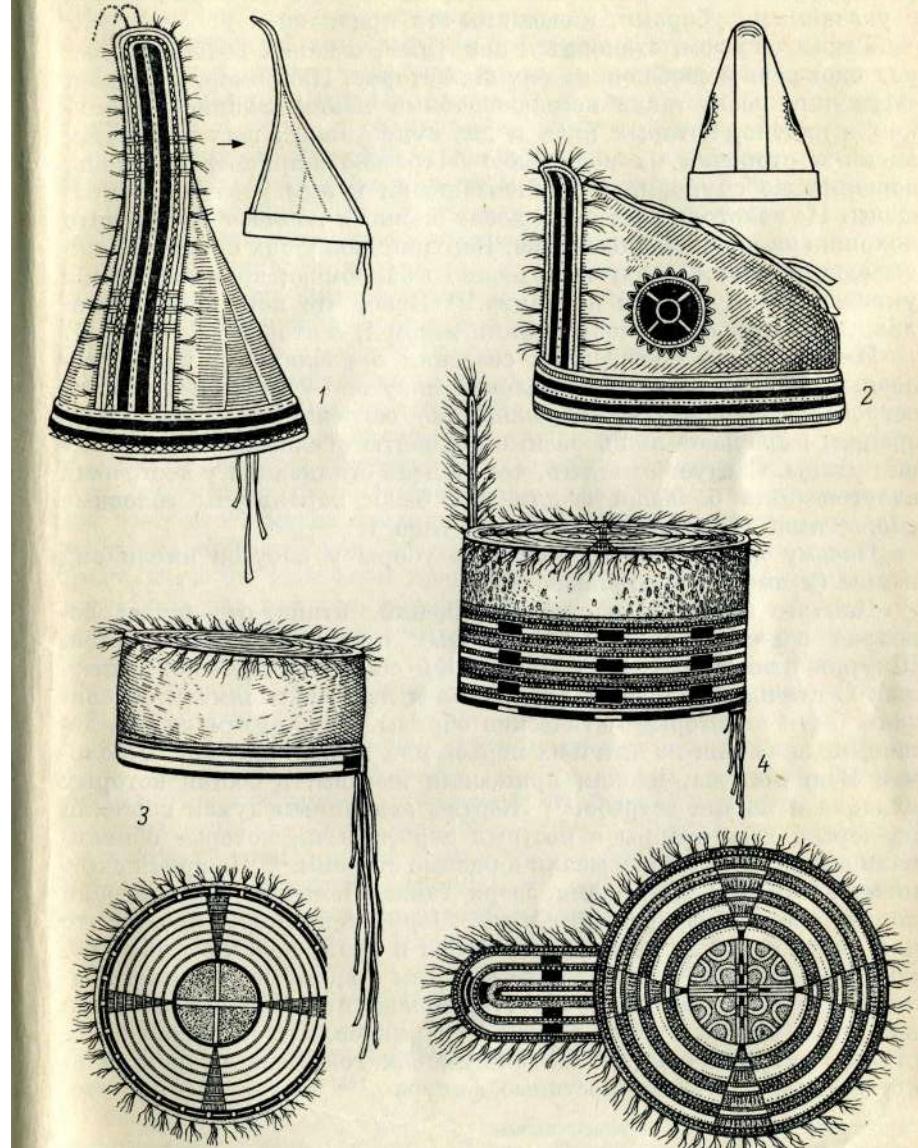

Рис. 32. Обрядовые головные уборы (По колл. МАЭ).

1 — № 2868-234; 2 — № 2868-232; 3 — № 2868-233; 4 — № 536-14 (1, 2 — западные алеуты; 3, 4 — восточные).

уже утратили все признаки птицы, но сходны по форме шапок с указанными уборами, имеющими эти признаки.

Таким образом, становится понятным, о каких головных уборах идет речь в сообщениях ранних авторов. Например, у Георги: «Мужчины носят такие кегелюподобные шапки вышиною с лишком в пядень, которых края и два супротивных шва вычуриами, а сии и оторочки их волосяною бахромою шириню в ладонь, вершина же снурками и прицепленными к ним улитками украшены. На некоторых островах носят шапки и поплосчее, нарочито похожие на наши скороходские. Верхний шов у сих шапок выкладывают они также долгую волосяною бахромою; края же и бока украшают вычурами и перьями».¹⁷⁸ Ясно, что первые — это головные уборы, обозначенные нами типом I, а вторые — типом II.

Имеющиеся в сообщениях сведения о различии в форме головных уборов двух подразделений алеутов — восточных (Лисы острова) и западных (Андреяновские острова), с нашей точки зрения, выражают лишь разные варианты стилизации изображения птицы. Следует отметить, что степень стилизации у восточных алеутов была большая и для них были характерны головные уборы типа II, а для западных — типа I.

Почему же обрядовые головные уборы у алеутов имели вид птицы (и именно водоплавающей)?

Как это видно из ранних сообщений, птице отводилась довольно важная роль в религиозных представлениях алеутов. Шкурки птиц считались воплощением семейных духов-охранителей. С птичьими перьями, шкурками и изображениями птиц связанны были некоторые магические обряды. Так, духам иногда делали подношения из птичьих перьев или целых шкурок. По словам Вениамина, идолам приносили жертвы, в состав которых входила и шкура ястреба.¹⁷⁹ Жертвы невидимым духам состояли из перьев хвоста арры и пестрых перьев сыча, которые обмакивали в краску и разбрасывали в разные стороны.¹⁸⁰ Во время охотничьих обрядов вызывания зверя также большую роль играли перья, кости и изображения птиц. Мерк, к примеру, пишет, что для удачной охоты на морского бобра в борта лодки втыкали соколиные перья. Считалось, что к таким лодкам бобры даже подходят сами. Но немногие алеуты обладали этими перьями, так как очень боялись убить сокола.¹⁸¹ Прикрепляли к лодкам и костяные фигурки птиц.¹⁸² На охотничьих головных уборах зачастую имелись птичьи костяные фигурки.¹⁸³ Кроме того, в рас-

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкского отдела. Т. III. СПб., 1840, с. 3.

¹⁸⁰ Вениаминов И. Записки..., т. II, с. 122—123.

¹⁸¹ Цит. по: Ясовой А. Carl Heinrich Merks..., S. 120.

¹⁸² Япунова Р. Г. Алеутские байдарки. — СМАЭ, т. XXII, 1964.

¹⁸³ Япунова Р. Г. Зооморфная скульптура алеутов.

краске этих головных уборов, как мы видели, наблюдаются мотивы птичьих голов и клювов.

Все перечисленные свидетельства указывают на то, что птицы безусловно входили в разряд духов — покровителей охоты наряду с промысловыми животными. Но, по-видимому, этим не ограничивалась их роль в религиозных представлениях алеутов.

Религиозные верования, традиционная обрядность вместе с их атрибутами чрезвычайно живучи и консервативны. Как отмечает А. П. Окладников, говоря об искусстве неолитических культур Северной Азии, коренная смена мировоззрения (отражением которого являются и искусство, и религиозные представления) происходит лишь вместе с изменением всего уклада хозяйства, например с переходом от охотниче-рыболовного хозяйства к земледелию и скотоводству.¹⁸⁴ Алеуты же оставались охотниками, рыболовами и собирателями вплоть до XVIII в. Более того, следует здесь вспомнить стабильность культуры алеутов, отмеченную по данным археологического изучения, говорящую о длительном периоде их обитания на Алеутских островах и к тому же в условиях изоляции. Можно вполне допустить, что при сочетании всего этого могли сохраниться древние черты их религиозных представлений, зародившихся, возможно, еще в палеолитическое время и на их азиатской прародине. Представляется вероятным допустить, что в форме обрядовых головных уборов алеутов отражены те ранние религиозные воззрения, которые сложились еще на основе древнейших тотемистических верований. Напомним, что обрядовый головной убор алеутов изображал не просто птицу, а именно утку-пеганку.

Теперь обратимся к тем древним культурам, среди которых идут поиски корней северных тихоокеанских культур (в том числе предков эскимосов и алеутов). В обеих сибирских палеолитических стоянках, в Мальте¹⁸⁵ и Бурети,¹⁸⁶ были найдены изображения водоплавающих птиц. Эти тундровые и лесотундровые в тот период области изобиловали водоплавающими птицами. А. П. Окладников, говоря о сохранении элементов искусства палеолита у неолитических племен Сибири, отмечает как особо интересный факт то, что в искусстве неолита устойчиво уцелел в своем исконном виде такой характерно сибирский палеолитический сюжет, как водоплавающая птица — утка или гагара. Палеолитические резные изображения птиц из Мальты и Бурети

¹⁸⁴ Окладников А. П. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.

¹⁸⁵ Герасимов М. М. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

¹⁸⁶ Окладников А. П. 1) История Якутии. Т. I. Якутск, 1941, с. 37, 48; 2) Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936—1940 гг.). — КСИИМК, в. X, 1941.

имеют непосредственное продолжение в фигурках птиц из неолитических погребений у Красноярска и Яйского могильника на Томи. Более того, отголоски этого сюжета обнаруживаются и в фольклорном материале. Окладников приводит очень любопытный пример. К большой этнографической группе каменного века — уральской — восходят не только западносибирские неолитические племена и обитатели Урала, но и финно-угорские народы. И вот именно в фольклоре и мифологии последних можно видеть, как думает Окладников, отражение представления об особом месте, занимаемом птицей в идеологии указанных народов. По космогоническим представлениям финно-угров, мир возник из яйца, снесенного в море гигантской уткой.¹⁸⁷

В мифологии алеутов мы не знаем подобного сюжета, но то обстоятельство, что обрядовые головные уборы алеутов изображают утку, говорит о глубоких корнях представлений об особой роли этих птиц.¹⁸⁸

Обращаясь к этнографическому материалу по эскимосам Аляски, мы также находим основания для предположения о каких-то изначальных представлениях об особой роли водоплавающих птиц. Кажется чрезвычайно интересным тот факт, что большое число антропоморфных масок эскимосов Аляски имеет совершенно определенную конфигурацию, а именно конфигурацию водоплавающей птицы.¹⁸⁹

Возможность древней культурной и генетической связи предков алеутов и эскимосов с культурами палеолита Прибайкалья не находится в противоречии с современными представлениями о предковых культурах алеутов и эскимосов.¹⁹⁰

* * *

Говоря о головных уборах алеутов в целом, необходимо отметить некоторые любопытные закономерности. Алеутам не свойственны были повседневные головные уборы, у них имелись только промысловые и празднично-обрядовые. В этом алеуты обнаруживают сходство с индейцами, для которых головные уборы не были предметами обыденной одежды, а являлись только атрибутами, несущими определенную идеологическую нагрузку (социальную или религиозную).¹⁹¹

¹⁸⁷ Окладников А. П. О палеолитической традиции...

¹⁸⁸ Ведь и возникновение глухой одежды с капюшоном, характерной для уральской, палеоазиатской и эскимосской групп народностей, связано с палеолитом Прибайкалья, что достаточно убедительно показала знаменная статуэтка из Бурети — (Окладников А. П. Палеолитическая статуэтка из Бурети. — МИА, № 2, 1941).

¹⁸⁹ Hipszeg H. Quelques Masques de Hiboux et de Corbeaux. — Anthropos, 1967, Bd. 62, S. 68—88.

¹⁹⁰ Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973, с. 126—148.

¹⁹¹ Wissler C. Indian Costumes..., p. 8.

Деревянные головные уборы алеутов представляли собой существенную часть промыслового облачения охотника. В этой своей функции головной убор выполнял в первую очередь роль помощника в охоте. Это вытекает из генезиса формы промысловых шляп, восходящей к зооморфным головным уборам, изображающим животных — покровителей и помощников в охоте. Об этом же говорят и детали украшений, изображающие таких же животных и птиц. Как убедительно показано С. В. Ивановым, промысловые головные уборы имеют много общего не только с головными уборами и масками западных эскимосов, но и с зооморфными масками и головными уборами индейцев северо-западного побережья.¹⁹²

Обрядовые головные уборы также, по-видимому, отражают представления алеутов о воздействии на промысловую удачу покровителей. Обряды-празднества, предшествующие охотничьему сезону, должны были обеспечить успех в будущей охоте. В разыгрываемых пантомимических представлениях участвовали как духи — покровители охоты, так и объекты охоты. Особая роль отводилась птице, которая, очевидно, занимала значительное место в религиозных представлениях алеутов. Именно птицу (утку), как это удалось нам установить, изображали их обрядовые головные уборы. Помимо указания на возможность древних связей с культурами палеолита Прибайкалья, головные уборы алеутов в виде птицы и использование перьев в качестве украшения говорят еще и о связях с индейцами. В деталях же украшений как охотничьи головные уборы, так и празднично-обрядовые имеют много элементов эскимосского типа.

Таким образом, изучение головных уборов алеутов дает основания для предположения о возможности существования в древности не только общности алеутов и эскимосов (может быть, связанной с палеолитом Прибайкалья), но и каких-то культурных контактов алеутов и индейцев Америки, столь же отдаленных во времени.

¹⁹² Ivanov S. V. Aleut Hunting...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привлеченный в данной работе этнографический материал иллюстрирует прежде всего всестороннее хозяйственное освоение алеутами их сурового и экологически своеобразного края. Орудия и средства охоты алеутов свидетельствуют о длительном и самостоятельном пути развития основного направления в их хозяйстве — морского зверобойного промысла, о высоком уровне его специализации. Они позволяют определить и специфику алеутского морского промысла по сравнению с эскимосским, на основании чего можно предположить, что до разделения алеутов и эскимосов эта единая этническая группа не имела хозяйства, ориентированного на морской зверобойный промысел.

Охотниче-рыболовно-собирательское хозяйство алеутов, несмотря на присваивающий характер, являлось высокоспециализированным, а поэтому было значительным по продуктивности. Это способствовало развитию довольно высоких по своему уровню производительных сил и соответствующих им производственных отношений, свойственных уже разлагающейся первобытнообщинной формации, которые были зафиксированы у алеутов в XVIII в. Сравнительно же высокий уровень хозяйства с соответствующими ему социально-экономическими отношениями и общественными институтами мог быть результатом только длительного периода освоения алеутами их территории.

Материальная культура алеутов свидетельствует об определенных традициях, указывающих на генетические и древние культурно-исторические связи этого народа, начиная от исходных азиатских культур и до эскимосской, палеоазиатских и индейских. Такая специфика алеутской культуры является результатом большой давности (по данным археологии — до 10 тыс. лет назад) заселения алеутами Алеутских островов и последующей географической изоляции их в островных условиях.

Анализ этнографического материала приводит к выводу, что культура алеутов имеет все свидетельства чрезвычайно длительного периода развития именно в данных экологических условиях. По всей вероятности, формирование культуры, так же как и антропологического типа и языковых особенностей алеутов, происходило на той же территории, где они обитали со временем открытия европейцами.

Данные очерки не исчерпывают всего этнографического материала, который может быть привлечен к исследованию проблемы этногенеза алеутов. Изучение этнографического материала в полном объеме (включая и духовную культуру) позволит дать дальнейшее обоснование поднятым здесь вопросам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	— Архив внешней политики России. М.
AGO	— Архив Географического общества СССР. Л.
АЖ	— Антропологический журнал. М.
АЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Л.
ВА	— Вопросы антропологии. М.
ВЯ	— Вопросы языкоизнания. М.
ВГ	— Вопросы географии. М.
ГИМ	— Государственный Исторический музей ЭССР. Таллин.
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР. Л.
ЗГДММ	— Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.
ЗЧКМ	— Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества. Л.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛОААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Л.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра I Академии наук СССР. Л.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Л.
СА	— Советская археология. М.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра I Академии наук СССР. Л.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР. Л.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов. М.
ЦВММ	— Центральный военно-морской музей. Л.
AA	— American Anthropologist. Washington—New York—Lancaster—Menasha.
AAn	— American Antiquity. Menasha—Salt Lake City.
ArA	— Arctic Anthropology. Wiskonsin.
AMGLS	— American Museum of Natural History Guide Leaflet Series. New York.
AMJ	— American Museum Journal. New York.
AN	— American Naturalist. Salem.
APAM	— Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New. York.

APMA	— Anthropological Papers of the Museum of Anthropology of the University of Michigan. Ann Arbor.
ARBAE	— Annual Reports of the Bureau of American Ethnology. Washington.
BA	— Baessler-Archiv. Berlin—Leipzig.
BAMNH	— Bulletin of the American Museum of Natural History. New York.
BBAE	— Bulletins of the Bureau of American Ethnology. Washington.
CNAE	— Contributions to North American Ethnology, Department of the Interior, United States Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region Washington.
FMAS	— Field (Columbian) Museum (of Natural History) Anthropological Series. Chicago.
IJAL	— International Journal of American Linguistics. New York.
MAMNH	— Memoirs of the American Museum of Natural History. New York.
MSAA	— Memoirs of the Society for American Archaeology. Menasha — Salt Lake City.
NH	— Natural History. New York.
ICA	— Proceedings of the International Congress of Americanists.
PAAAS	— Proceedings of the American Association for the Advancement of Science. Philadelphia.
PCAS	— Proceedings of the California Academy of Sciences. San Francisco.
PPSC	— Proceedings of the (Fifth) Pacific Science Congress. Toronto.
RUSNM	— Report of the United States National Museum. Washington.
SCK	— Smithsonian (Institution) Contributions to knowledge. Washington.
SMK	— Smithsonian (Institution) Miscellaneous collections. Washington.
UAAP	— Anthropological Papers of the University of Alaska. Fairbanks, College Alaska.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1. История изучения алеутов. «Алеутская проблема»	22
Глава 2. Основные хозяйствственные занятия, орудия и средства морского промысла	69
Глава 3. Социально-экономические отношения	106
Глава 4. Материальная культура	129
Селения и жилища	129
Плетение	145
Одежда	158
Головные уборы	178
Заключение	196
Список сокращений	197
Summary	199

Роза Гавриловна ЛЯПУНОВА

ОЧЕРКИ ПО ЭТНОГРАФИИ АЛЕУТОВ
(конец XVIII—первая половина XIX в.)

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

С. И. Добрин (Редактор издательства В. Т. Бочевер)
Художник И. П. Кремлев
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры М. А. Горилас и О. Иващенко

Сдано в набор 24/I 1975 г. Подписано к печати 21/IV 1975 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}.
Бумага № 2. Печ. л. 12^{1/2}+2 вкл. (1/4 печ. л.)=12^{1/4} усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13.75.
Изд. № 5958. Тип. зак. № 1473. М-26668. Тираж 1300. Цена 1 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12